

В жанре научного очерка раскрываются особенности повседневной жизни сельских учителей Карелии, характеризуется социокультурный облик деревенских школьников. Уделяется внимание специфике конфликтов и способам их преодоления в школьной среде и во внешкольной жизни учителей и учащихся. В книге также представлены архивные документы и статьи из дореволюционных периодических изданий, иллюстрирующие школьную повседневность. Книга адресована учителям, историкам, музейным работникам, краеведам и всем, кто интересуется прошлым Карелии и историей российского образования.

О. Илюха • Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в.

Ольга Илюха

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ И ШКОЛЬНИКОВ КАРЕЛИИ

в конце XIX – начале XX века

Карельский научный центр РАН
Институт языка, литературы и истории
Национальный архив Республики Карелия

Ольга Илюха

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ И ШКОЛЬНИКОВ
КАРЕЛИИ**

в конце XIX – начале XX века

Очерки. Документы. Материалы

Петрозаводск
2010

УДК 947 (470.22) «19/20»
ББК 63.3-28 9 (2Рос. Кар)
И 49

И 49 Илюха О.П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века / Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 145 с.
ISBN 978-59274-0444-5

В жанре научного очерка раскрываются особенности повседневной жизни сельских учителей Карелии, характеризуется социокультурный облик деревенских школьников. Уделяется внимание специфике конфликтов и способам их преодоления в школьной среде и во внешкольной жизни учителей и учащихся. В разделе «Документы и материалы» представлены архивные источники и статьи из дореволюционных периодических изданий, иллюстрирующие школьную повседневность. Книга адресована учителям, студентам педагогических вузов, историкам, музейным работникам, краеведам и всем, кто интересуется прошлым Карелии и историей российского образования.

УДК 947 (470.22) «19/20»
ББК 63.3-28 9 (2Рос. Кар)

Раздел «Документы и материалы» подготовлен при участии ведущего специалиста Национального архива Республики Карелия, заслуженного работника культуры Республики Карелия **И. С. Петричевой**

Художник А.Н.Трифанова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Карельской государственной педагогической академии **С. М. Лойтер**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории **Н. А. Кораблев**

*Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»*

ISBN 978-59274-0444-5

© Илюха О.П., текст, 2010
© Трифанова А.Н., художественное оформление, 2010
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной России общеобразовательная школа оценивается государством как «критически важный элемент на пути модернизации и инновационного развития страны»¹. Указом президента России 2010 год объявлен Годом Учителя. Поставлена цель широкой реализации творческого и профессионального потенциала школьных преподавателей, повышения социального престижа учительской профессии. Одна из нестандартных государственных акций года – выделение тысячи крупных грантов молодым учителям, отправляющимся на работу в сельскую школу². Этот жест можно расценивать как признание государством кризисного, если не сказать катастрофического положения сельской школы. О сложности ситуации говорят и суждения делегатов X республиканского Съезда учителей Карелии³. В ожидании этого форума они пишут, что с предстоящим съездом связаны их надежды на «получение гарантий развития сельских школ Карелии», «сохранение малокомплектных школ», «решение проблем сельского учительства»⁴.

Опросы показывают, что школа отпугивает современную молодежь не только низким уровнем заработной платы и бытовыми трудностями деревенской жизни, но и упавшим престижем, низким социальным статусом профессии. Выпускники педвузов – вне зависимости от того, предстоит им работать в городской или сель-

¹ Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». Утверждена Президентом РФ Д.Медведевым 4 февраля 2010 г. Российское образование, федеральный портал. <http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/> (прочитано 09.11.2010).

² Размер гранта составляет 500 тыс. руб.

³ Проведение съезда намечено на 20–21 декабря 2010 г.

⁴ Образовательный портал Карелии. X республиканский Съезд учителей Карелии. Список зарегистрировавшихся делегатов съезда. <http://edu.karelia.ru/portal/page/portal/edu> (прочитано 01.12.2010).

ской школе – нередко испытывают страх перед школьниками и их родителями, что свидетельствует не только о недостатках в профессиональной подготовке, но и характеризует нравственное состояние общества.

Отличительной чертой современной российской школы является старение кадров: в столице Карелии, например, средний возраст учителя составляет 40 лет, тогда как молодых учителей со стажем работы до 5 лет в школах республики насчитывается лишь 10 процентов⁵. Другая проблема – чрезвычайная феминизация учительской профессии. И хотя качество образования определяется, разумеется, не полом и возрастом педагога, социальные последствия этих процессов неоднозначны. Дети, многие из которых растут в неполных семьях, и дома, и в школе видят образцы преимущественного «женской модели» поведения.

Социокультурная среда массовой школы, применительно к какому бы времени мы ее не рассматривали, – пространство конфликтогенное, управлять которым непросто. Его формируют частое несовпадение интересов ребенка и взрослого; пересечение воззрений семьи и школы по широкому кругу вопросов воспитания и образования, ситуация состязательности как среди учеников, так и среди учителей; столкновение разных систем ценностей – официальных, традиционных и др. Для нашего современника, живущего в мире, раздираемом конфликтами и противоречиями разного уровня и свойства, полезно знать, каковы были основания и поводы появления конфликтных ситуаций в прошлом, какие вырабатывались модели поведения и подходы к преодолению трудностей.

Одни из тревожных симптомов современной российской школы – результат социально-политического конструирования последних десятилетий, а другие – закономерное следствие углубления тех характерных черт российского образования, которые обнаружили уже на этапе становления школы, еще в дореволюционный период. В этой связи актуален поиск ответов на вопросы о том, какой была внутренняя среда школы конца XIX – начала XX века, когда «учебный процесс» охватывал все большее

⁵ Мешкова Н. Почему в школах мало молодых учителей? // Лицей. 7 октября 2010. <http://gazeta-licey.ru> (прочитано 10.11. 2010).

число детей. В этот период школа вошла в жизнь многих деревень российской Карелии (населенных карелами уездов Олонецкой и Архангельской губерний)⁶. В стенах школы складывалось многомерное культурное пространство, где традиционная сельская культура соприкасалась с элементами городской культуры, носителями которой являлись учителя. В этой книге сведены к минимуму вопросы школьной политики, педагогики и идеологии⁷. В центре внимания оказываются реалии повседневной жизни учителей и школьников: круг их общения, характер взаимоотношений, ценностные ориентиры, модели поведения, а также черты школьного и домашнего быта, особенности питания, костюма. Все это традиционно относится к «структурам повседневности», которые вплетены в целостную ткань социальной жизни, неразрывно связаны с ней и поэтому позволяют понять поступки людей, их менталитет, дают возможность уловить и почувствовать «дух времени».

Читатель найдет в книге два очерка: один посвящен учителям, другой – учащимся. Жизнь тех и других была тесно связана, но одновременно и разделена социально-культурной и возрастной дистанцией. Кроме того, свои особенности имелись в повседневности и ее восприятии учительницами и учителями-мужчинами. Именно поэтому для воссоздания жизненных реалий этой замечательной группы российского общества избран гендерный подход, уделено внимание процессу феминизации учительской профессии на этапе ее превращения в массовую.

⁶ Северная часть административно разобленной Карелии в исследуемый период относилась к Кемскому уезду Архангельской губернии (Беломорская или Архангельская Карелия), центральная и южная входили в состав трех западных уездов Олонецкой губернии: Петрозаводского, Олонецкого и Повенецкого (Олонецкая Карелия). Численность карелов, проживавших в Архангельской губернии, по переписи 1897 г. составляла 19,5 тыс. человек – 54,4% населения Кемского уезда и 5% всего населения губернии. В Олонецкой губернии перепись 1897 г. зафиксировала 59,4 тыс. карелов, составлявших более 16% всех жителей, в Петрозаводском уезде их доля составляла 22,1%, в Олонецком – 71,3% и в Повенецком уезде – 49,7%.

⁷ Эти аспекты темы нашли свое отражение в монографиях: *Илюха О. П.* 1) Школа и просвещение в Беломорской Карелии в конце XIX – начале XX в. Петрозаводск, 2002; 2) Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007.

Во второй части книги раскрывается социокультурный облик сельского школьника. Показаны средства и методы формирования *Homo obligans* – человека дисциплинированного, а также те ментальные рифы, с которыми сталкивалась школа в решении этой задачи. Обращается внимание на то, как менялся и маркировался статус школьника, и каким содержанием был наполнен отрезок детства, соответствовавший школьному возрасту, у тех, кто оставался за порогом учебных заведений.

В разделе «Документы и материалы» представлены архивные источники и данные периодической печати о состоянии школьного и учительского быта. Они включают характеристику школьных помещений, расписание уроков, сведения о школьных праздниках и экзаменах, описание детского досуга в школьных интернатах и др.

В современных условиях трудно, да и не нужно напрямую использовать опыт XIX – начала XX вв., но он может и должен быть переосмыслен как в плане поиска «вечных тем» и «вечных проблем» российского образования, так и в отношении путей их смягчения, что невозможно без выявления тех ценностных основ, которые позволяли людям прошлого сохранять личное достоинство в очень непростых жизненных ситуациях.

Выражаю искреннюю признательность Наталье Львовне Пушкинарей, чей интерес к теме вдохновил меня обратиться к «гендерному измерению» учительской повседневности. Благодарю руководство Национального архива Республики Карелия, поддержавшего инициативу издания этой книги, а также лично Иду Семеновну Петричеву – ведущего специалиста архива за большую практическую помощь в подготовке раздела «Документы и материалы». Сердечное спасибо рецензентам: авторитетным ученым Софье Михайловне Лойтер и Николаю Александровичу Кораблеву, чьи деликатные замечания позволили по-новому взглянуть на некоторые аспекты исследования. Иллюстрации к книге выполнила молодая художница Настя Трифанова, сумевшая в неповторимой манере передать характерные черты школьного быта давно минувших лет.

"УЧАЩИЕ":

УЧИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬНИЦА
В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях. Жизнь трудная, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, вроде этой Марьи Васильевны; те же живые, нервные, впечатлительные, которые говорили о своем призвании, об идейном служении, скоро утомлялись и бросали дело¹.

А.П. Чехов. На подводе (рассказ)

Современная Россия является мировым лидером по преобладанию женщин в учительской профессии. Эта свойственная всем индустриально развитым странам гендерная диспропорция приблизилась у нас к своему пределу: в начальной школе 99% преподавателей составляют женщины, тогда как в мире в среднем – 75%. Прослойка мужчин заметнее в средней школе – около 20% (в мире не менее 40%), но и там она постепенно тает².

Последствия феминизации школы, неоднозначные и не всегда очевидные, пристально изучают социологи, педагоги и психологи, рассматривая, в частности, проблему навязывания школой «женской модели» поведения. Процесс гендерной инверсии в профессии, начавшийся полтора столетия назад, уже в то время был более характерен не для средней, а для начальной, народной, в первую очередь сельской школы. Менее чем за четыре десятилетия в конце XIX – начале XX вв. женщины-учительницы из меньшинства в своей профессии стали большинством. Чем отличался «женский» путь в профессию от «мужского»? С какими трудностями сталкивались учителя и учительницы в своей повседневной жизни и школьном быту? Как относилось к тем и другим школьное началь-

¹ Чехов А.П. На подводе // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 томах. Сочинения. Т. 9. М., 1977. С. 339.

² Смирнов П.Г. Анализ хода реформы образования в бюджетной сфере и ее последствия для положения женщин. Гендерное измерение государственной политики и ее отражение в бюджетном процессе в 2005–2006 гг. Результаты мониторинга. <http://www.owl.ru>

ство и крестьянское сообщество? Что приобретали и чего лишались юноши и девушки, получив право стоять у школьной доски?

Немного историографии

Уже в конце XIX – начале XX вв. публицистами и деятелями народного образования были предприняты первые попытки анализа материального и правового положения учителей-современников. Эти вопросы затронуты в публикациях В.П. Вахтерова, К. Мягковой, С.В. Рождественского, Н.В. Чехова и других авторов³. Они концентрировали внимание на актуальных для своего времени проблемах школы и педагогики, привлекая обширную, но подчас слабо систематизированную информацию, лишь в общих чертах очерчивая социально-профессиональный статус учителя.

Благодаря указателю Э.Д. Днепрова мы располагаем полной библиографией советского периода по истории школы и педагогики. На фоне обилия литературы по данной теме (за 1918 – 1977 гг. в СССР вышло 6774 работы, кроме того, были защищены 483 диссертации), количество исследований, посвященных непосредственно учителям, кажется ничтожно малым: раздел «Русское учительство XIX – XX вв.» насчитывает всего 36 публикаций⁴.

Свой вклад в изучение истории отечественного учительства внесли специалисты по истории интеллигенции: В.Р. Лейкина-Свирская, А.В. Ушаков, Ф.Г. Паначин, Н.М. Пирумова, Л.К. Ер-

³ Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896; Мягкова К. О положении народных учителей. СПб., 1905; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912.

⁴ Днепров Э.Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. 1918 – 1977 гг. Библиографический указатель. М., 1979.

ман, О.Н. Знаменский и др.⁵ В центре их внимания находились социальная и политическая активность учительства, а также участие в революционном движении. Советская историография по вполне понятным причинам оказалась не в состоянии полно и всесторонне раскрыть проблему. Как справедливо отметил И.В. Сучков, исследования советских историков отличала политизированность, и, как следствие, «обеднение духовного и социального облика учительства»⁶. Этого не удалось избежать и авторам обобщающих, информационно насыщенных трудов по истории школы и педагогики в России⁷. Оставались крайне мало изученными вопросы формирования рядов российского учительства, а его быт и повседневная жизнь практически не попадали в поле зрения исследователей.

В 1990-х гг. историографическая ситуация начала постепенно меняться. Уже в начале десятилетия была издана монография Н.Н. Смирнова, раскрывающая социально-политические позиции учительства, где, в частности, дана общая краткая характеристика материального положения различных групп учителей накануне революции и в 1917 г.⁸ Позже появился ряд статей, посвященных истории среднего женского образования, по-новому высветивших проблему подготовки школьных учительниц⁹. Были опубликованы

⁵ Лейкина-Свирская В.Р. 1) Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; 2) Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976; Паначин Ф.Г. Учительство в революционном движении России (XIX – начало XX в.). Историко-педагогические очерки. М., 1986; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.

⁶ Сучков И.В. Учительство России в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис... д. ист. наук. М., 1995. С. 7–8.

⁷ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. М., 1991.

⁸ Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни 1917 г. СПб., 1994.

⁹ Христофорова Н.В. Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4. С. 80–86; Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3. С. 85–91; Кошелева О.Е. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. № 2. С. 59–64; Слепенкова Е.А. Из истории женского среднего образования в России // Педагогика. 2000. № 9. С. 74–78.

исследования по истории высшего образования, в которых раскрыто состояние «женского вопроса» в высшей школе¹⁰.

Представления о женском образовании, жизни женщин провинциального интеллигентного круга, их положении в семье и обществе обогатились благодаря исследователям традиций женского движения XIX–XX вв. Безусловный интерес представляют работы Н.Л. Пушкаревой, раскрывающие процессы женской эмансипации в общеисторическом контексте¹¹. Обращает на себя внимание монография Т.Б. Котловой, посвященная вопросам складывания нового социокультурного типа женщины, получившего распространение в провинциальных городах России на рубеже XIX–XX в., а также ее статья об идеалах гимназисток¹². Следует отметить исследования Т.Г. Леонтьевой, воссоздавшей черты повседневной жизни и быта сельского духовенства, которого многое объединяло с учительством¹³. Их дополняет книга О.Д. Поповой, где рассматривается повседневность женских епархиальных училищ¹⁴.

Особенности правового, общественного и материального положения российского учительства наиболее обстоятельно охарактеризованы в работах И.В. Сучкова¹⁵. Автор рассматривает основные проявления социальной активности учительства, содержание общественно-

¹⁰ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв. М., 1999; Купайгородская А.П. Российские ученые – инициаторы и создатели системы высшего женского образования в России // О благородстве и преимуществе женского пола. СПб., 1997. С. 71–79; Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998; Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999.

¹¹ Пушкарева Н.Л. 1) Русская женщина: история и современность (два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой). М., 2002; 2) Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. М., 1997.

¹² Котлова Т. Б. 1) Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново. 2003; 2) Гимназистки на рубеже веков: духовные ценности и идеалы // Исторический путь российской женщины. <http://ivanovo.ac.ru>

¹³ Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество / ТвГУ. Вып.1. Тверь, 1999. С. 47–57.

¹⁴ Попова О. Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006.

¹⁵ Сучков И. В. 1) Социальный статус и духовный облик учительства в России на рубеже XIX – XX вв. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62–77; 2) Учительство России....

педагогической деятельности, сущностные черты его духовного облика.

Среди работ зарубежных авторов следует отметить книгу Бена Эклофа, многопланово и интересно анализирующего состояние народной школы в России во второй половине XIX – начале XX вв. Отдельная глава книги посвящена жизни учителей в деревне, характеру их отношений с сельским сообществом¹⁶.

Особый интерес представляют исследования, позволяющие выйти за рамки «среднестатистической» общероссийской панорамы. Количество таких «региональных картин» (точнее, зарисовок) пока еще невелико. Большинство из них слабо вписаны в общеисторический контекст и носят преимущественно краеведческий, «эрудитский» характер. И все же ряд работ, выполненных на материалах конкретных регионов – российского Севера, Ярославской губернии, Забайкальской области¹⁷ привлекает внимание широтой освеще-

¹⁶ Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkley; Los Angeles; London, 1986.

¹⁷ В частности: Афанасьева А. И. Сельская интеллигенция Олонецкого края во второй половине XIX – начале XX веков // Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения – 1995». Сборник научных докладов. Петрозаводск, 1997. С. 286–290; Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области 1884–1917 гг. Чита, 2002; Гуркина Н. К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1998; Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование в угличском крае в XIX – начале XX вв.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль, 2006; Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века». СПб., 2009. Кукушкина Н. А. Роль церкви в создании системы начальных школ в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века // Кижский вестник. 2001. № 6. С. 3–23.

мых проблем народного образования. Их авторы касаются и таких вопросов, как условия жизни, быт, интересы сельского учительства. Тем не менее, социокультурный облик и повседневная жизнь этой крупной социально-профессиональной группы еще не раскрыты в полной мере, не говоря уже о «гендерном измерении» проблемы. Не упуская из виду контуры общероссийской ситуации, сосредоточим основное внимание преимущественно на Карелии.

Гендерная асимметрия источниковой базы

Сведения об условиях жизни сельских учителей содержатся в самых разнообразных источниках, начиная от законодательных актов и официальных отчетов, заканчивая личными дневниками и частной перепиской. Однако объем материала, касающегося повседневности учительниц невелик, детали приходится восстанавливать по обрывкам сведений, по случайным замечаниям или суждениям современников событий, в основном мужчин. Сохранилось гораздо меньше официальных источников, созданных женщинами. Все должности в тех инстанциях, которым подчинялась школа, занимали мужчины: священник, наблюдавший за нравственностью учительниц, инспектор школы, директор народных училищ, председатель училищного совета, – словом все, кто стоял «выше», были мужчинами. Тем не менее, в разного рода «мужских» отчетах их авторы нередко апеллируют к информации, полученной от учительниц, как к надежному материалу.

Великолепным источником, доносящим до настоящего времени детали прошлого, – «первичный материал» познания, – являются фотографии (вспомним выражение Ролана Барта: «ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фото»¹⁸). Сохранилось немало персональных и групповых фо-

¹⁸ Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. М., 1997. С. 12, 120, 128.

топортретов учителей, которые часто фотографировались, бывая в городах. Некоторые учителя-мужчины в начале XX в. приобретали собственные фотокамеры. Таким образом, фотографии учительниц – этот своеобразный исторический источник – тоже выполнены мужчинами, привносящими свои стереотипы в создание фотообраза.

В «предметном мире» фотографии интересны «элементы престижа» – одежда, аксессуары, которыми окружают себя люди. Внимание исследователей не может не привлечь выражение лица человека, подготовившегося к фотографированию. Независимо от того, как сами авторы фотоснимков воспринимали фотографии, они глубоко семиотичны, в них заложен не всегда очевидный широкий познавательный потенциал.

В целом женщины оставили гораздо меньше «следов в истории». Учительницам принадлежат лишь первичные отчеты о деятельности школ, а также дневники и письма, найти которые – редкая удача для исследователя. В провинциальной прессе публикации сельских учительниц единичны. Корреспонденты из их рядов даже в начале XX в. составляли еще тонкую прослойку среди авторов губернских ведомостей, вестников земств и других местных изданий.

«Учащие»: несколько слов о природе термина

Первыми учителями официальных школ в российской деревне были лица духовного звания или недоучившиеся семинаристы. В стихийно возникавшие крестьянские школы также приглашали мужчин – обычно отставных солдат или унтер-офицеров. Женщины в роли учительниц получили некий статус и сыграли важную роль в старообрядчестве. Известны также успехи наставниц-черничек из числа девушек, отказавшихся выйти замуж, для которых обучение детей грамоте становилось профессиональным занятием.

Таким образом, еще до эпохи эмансипации женщины заявили о своих способностях в учительском деле, но возможности для этого имелись лишь в чрезвычайно узких пределах преимущественно религиозной сферы.

Последовавшее в 1870-е гг. массовое вхождение женщин в ряды учительства выдвинуло проблему наименования профессии во множественном числе. Группу учителей-мужчин, как и прежде, называли «учителя», группу учительниц – «учительницы». Нашлось и соответствующее слово для обозначения смешанной группы. Термин «учащие», – не сразу понятный с позиций социолекта нашего времени – отражал гендерный микс. В форме единственного числа термин употреблялся редко. Лишь в советское время с его выраженным культом маскулинности, всех – и мужчин, и женщин, стали называть учителями, исходной формой номинации во множественном числе стало существительное мужского рода. Престижные социальные коннотации, связанные с использованием формы мужского рода, способствовали ее широкому применению по отношению к женщине, даже в единственном числе (например: «Учитель математики Иванова»).

Путь в профессию. «Гимназистки румяные...»?

В ходе реформ середины XIX в. была реорганизована система народного образования, изменился и путь в учительскую профессию. К вопросу о привлечении женщин в сельские начальные школы в качестве учительниц и помощниц учителей российское учебное ведомство обратилось на рубеже 1850–1860-х гг. В этот период в стране закладывались основы сети средних женских учебных заведений – гимназий, первоначально получивших название «женских училищ 1-го разряда». Параллельно создавались и неполные средние учебные заведения – «училища 2-го разряда» (будущие женские прогимназии). Предусматривалось устройство дополнительного (восьмого) педагогического класса при семиклассных женских гимназиях, по оконча-

нии которого выпускницы могли рассчитывать на получение звания домашней наставницы или домашней учительницы. Кроме того, ученицы, успешно окончившие прогимназии или три низших класса гимназии, по достижении 16-ти лет приобретали право на получение звания учительницы народного училища.

Гимназии пореформенного времени, в первую очередь частные, отличались от прежних своей всеословностью, они были доступны для всех, кто мог внести плату за обучение. Если для юношей гимназия являлась стартовой площадкой в дальнейшем карьерном росте, то для большинства девушек получение среднего образования было «потолком» и определяло выбор учительской стези. Выпускницы гимназий, в том числе и Петрозаводской, открывшейся в 1870 г.¹⁹, поступали на работу преимущественно в земские школы.

В стенах гимназий формировалась устремленность к исполнению гражданского долга, который гимназистки видели в просвещении народа. В 1870-х гг. эти народнические идеалы, идея ответственности интеллигенции, готовность к лишениям привели в деревню учительниц из более высоких сословий. Их деятельность в собственных глазах была окружена ореолом подвига. Искренне преданные своему делу, эти учителя и учительницы привнесли в жизнь школы высокие идеалы, завоевали любовь и уважение крестьян, что было непросто, особенно для учительниц, поначалу принятых населением с недоверием²⁰.

Несмотря на последовавший кризис народничества, идеи просвещения крестьянства оставались властителями умов новых поколений образованной российской молодежи. Спустя многие годы, в 1912–1913 гг. Педагогический музей Учительского дома в Москве провел опрос в трех провинциальных и одной московской женских гимназиях, интересуясь, кем бы хотели стать ученицы после окончания учебы. Показательно, что 45% опрошенных назвали учительство как самую желательную профессию (среди мальчиков

¹⁹ Женская гимназия в Петрозаводске была создана в результате преобразования Петрозаводского Мариинского училища 1 разряда (см.: Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы в трех книгах. Кн. 2. Петрозаводск, 2001. С. 223).

²⁰ *Чехов Н.В.* Народное образование... С.110–111.

аналогичные ответы дали 28%), а среди учениц старших классов таких было подавляющее большинство. Свой выбор 16–17-летние девушки объясняли желанием быть полезными для общества, для бедных и обездоленных²¹.

Число женских учебных заведений, включая частные, быстро росло, особенно в начале XX в. Если в 1899 г. в 189 гимназиях империи обучалось около 67 тыс. гимназисток, то к 1913 г. число гимназий достигло 825, а учащихся в них – почти 312 тыс. человек²². При этом число детей из дворянско-чиновничьих семей сокращалось: в 1913 году только 22% девочек принадлежали к привилегированным сословиям, 45% гимназисток – к городским сословиям и 25% – к сельским²³. Этот процесс шел в основном за счет уездных гимназий и прогимназий (в Олонецкой губернии в Вытегорской и Каргопольской прогимназиях дочери крестьян составляли значительный слой, тогда как в женской гимназии губернского центра даже в 1916 г. крестьянские девочки составляли лишь 14% учениц²⁴). В целом в России по этой причине, а также в силу того, что размер платы за обучение был символическим (от 3 до 6 рублей в год), размещались гимназии и в захолустных уездных городах, они нередко слыли крестьянскими. Инспектор Санкт-Петербургского учебного округа, проводивший в 1913 г. ревизию уездных гимназий и прогимназий Олонецкой и Вологодской губерний, писал об их внешнем несходстве со столичными: «Иногда из пригородных сел идут в гимназию босиком, башмаки в руках, платья подобраны...»²⁵. Развивавшуюся сеть женских гимназий дополняли женские епархиальные училища Духовного ведомства (в их числе – училище Олонецкой епархии, открытое в 1858 г. в Каргополе, а в 1874 г. переехавшее в Петрозаводск), где получали обра-

²¹ *Котлова Т.Б.* Гимназистки на рубеже веков: духовные ценности и идеалы // Исторический путь российской женщины. <http://ivanovo.ac.ru>

²² *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 147.

²³ Отчет министра народного просвещения за 1913 год. СПб., 1916. С. 62.

²⁴ *Гуркина Н.К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX вв. С. 14.

²⁵ *Успенский М.И.* По учебным заведениям Вологодской губернии: Из записок окружного инспектора. Пг., 1915. С. 16.

зование дочери священно- и церковнослужителей. Там изучали те же предметы, что и в гимназиях, в педагогических классах – специальные дисциплины, но больше внимания уделялось религиозному воспитанию и обучению.

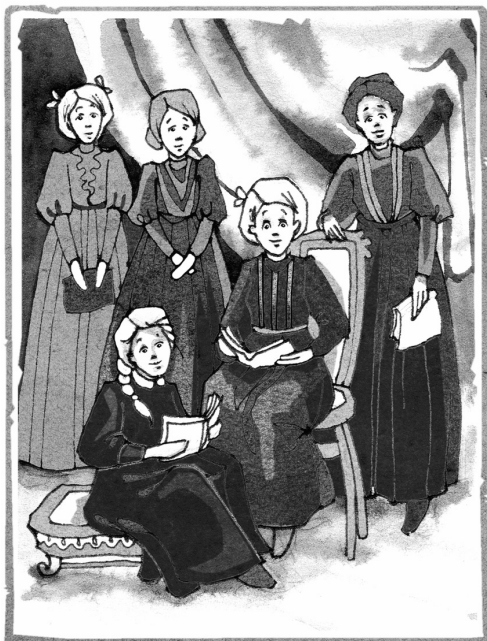
Более качественную подготовку к педагогической деятельности давали учительские семинарии. В Петрозаводске в 1915 г. в дополнение к мужской была открыта женская учительская семинария. И в этих учебных заведениях прослойка учителей крестьянского происхождения постепенно расширялась, что было типичным для всей России явлением. Известный школьный деятель того времени С.А. Рачинский объяснял это смутным желанием родителей-крестьян вывести своих детей в «господа» (в крестьянском смысле этого слова)²⁶. Выходец из крестьян, окончивший полный курс в учительской семинарии, считался самым лучшим и надежным типом народного учителя.

Еще в годы учебы в семинарии будущие учителя и учительницы, начинавшие учиться в возрасте 14–16 лет, испытывали серьезные материальные трудности. Большинство из них – выходцы из деревни, сознательно выбрав профессию, терпеливо переносили тяготы жизни. В Петрозаводске многие снимали угол на несколько человек, спали по двое-трое на одной кровати или сенных матрасах, недоедали. От взгляда столичного проверяющего не ускользнуло, что у многих крестьянских девушек в преддверии зимы 1915–16 гг. не было теплых перчаток, но большинство было обеспечено подходящими сезону пальто и галошами²⁷. Немаловажное значение имело создание общежитий при семинариях: это позволяло учащимся экономно расходовать средства путем организации питания «на артелях началах». В годы первой мировой войны в среде семинаристов из-за недоедания отмечались многочисленные случаи истощения, появление таких заболеваний, как малокровие, педикулез и куриная слепота²⁸.

²⁶ Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1902. С. 31–32.

²⁷ Успенский М.И. По учебным заведениям Олонецкой губернии // Известия по народному образованию. 1917. Часть 52, январь. С. 60–61.

²⁸ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15738, л. 1.

Феминизация учительской профессии проявлялась на всех уровнях подготовки кадров, включая низшие учительские школы церковного ведомства. Так, созданная специально для подготовки учителей со знанием карельского языка²⁹ Юргильская (Олонецкий уезд) учительская школа в 1912 г. была преобразована в женскую.

В отличие от «равноправок» — девушек из высших сословий, которые, отправляясь в деревню, оставляли материально благополучную среду и шли на определенные

жертвы, для крестьянских девушек получение учительской профессии означало продвижение по социальной лестнице. При этом они вовсе не стремились в глушь, в глубинку, а предпочитали по мере возможности выбрать относительно благоустроенную школу и крупное село³⁰.

Попасть на работу в народную школу можно было и более простым путем — окончив учительские двухгодичные курсы или двухклассную начальную школу, после чего следовало сдать экзамен на право занимать учительскую должность. Местные учебные заведения стали основной базой для подготовки учительских кадров. В 1914 г. в школах Карелии трудились выпускники Архангельской, Петрозаводской, Тотемской, Череповецкой учительских и

²⁹ Обучение детей во всех школах Карелии осуществлялось на русском языке. Но в учебных заведениях, готовивших учителей для карельской местности, в отдельные периоды преподавался карельский язык. См. подробнее о системе Н.И. Ильминского: *Илюха О.П.* Школа и детство... С. 178–211.

³⁰ *Успенский М.И.* По учебным заведениям Олонецкой губернии. С. 65.

духовных семинарий, Петрозаводской и Архангельской гимназии и других учебных заведений. К этому времени каждый четвертый учитель имел гимназическое или семинарское образование³¹.

Получение женщинами в 1860–1870-е гг. права занимать учительские должности С.В. Рождественский назвал «крупным социальным приобретением педагогического труда»³². Появление самой системы женского среднего образования стало результатом успехов эмансипаторского движения, проистекавшего как «снизу», так и «сверху».

Механизм инверсии: вытеснение или замещение?

Начавшаяся феминизация учительской профессии не могла пройти мимо внимания современников. В.В. Розанов, многие годы работавший преподавателем гимназии и знавший о проблемах образования не понаслышке, изложил собственное видение того, каким образом были приоткрыты для женщин двери в образовательную среду:

«В 60–70 годах мужчина отдал женщине свое право; и она была так робка, так застенчива, так, может быть, запугана уже «вековым» рабством, что не осмелилась выговорить простое: «это – не мое право», т.е. поправить, указать, внушить слепому и холодному распорядителю своей судьбы, спросив у него о *своем* праве. Это право – в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя, опереться на его честное и великодушное сердце...»³³.

³¹ См. подробнее: *Илюха О.П.* Школа и просвещение в Беломорской Карелии... С. 56.

³² *Рождественский С.В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII–XIX вв. // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 8. С. 8.

³³ *Розанов В.В.* Женское образовательное движение 60-х годов // Розанов В.В. Религия и культура. Сб. статей. СПб., 1901. С. 106.

Но как получилось, что женщины *быстро* потеснили мужчин в этой профессии? Происходило ли это в жесткой конкурентной борьбе или ситуация не была столь драматична? Рассмотрим данный вопрос на примере Олонецкой губернии, где и земство, и епархия уделяли большое внимание развитию народного образования. Для этого северного края, как и для всей страны, в рассматриваемый период был характерен быстрый рост численности начальных школ, сопровождавшийся появлением новых рабочих мест. Бэн Эклоф назвал этот процесс «школьной экспансией».

Проблема «кадрового голода», который испытывала сельская школа, была хорошо известна на самом высоком государственном уровне. Характерно, что просматривая отчет олонецкого губернатора за 1896 г., рядом с информацией о планах развития народной школы Николай II сделал пометку:

«Это Меня радует, лишь бы нашлось достаточное количество добрых и честных тружеников – учителей народной школы»³⁴.

Попытки приглашения учителей из-за пределов губернии не принесли успеха, так как всюду в местах нахождения семинарий имелись учительские вакансии. Кроме того, появившиеся время от времени претенденты далеко не всегда устраивали школьное начальство. Например, конфессиональная принадлежность финнов или латышей была труднопреодолимым препятствием в случае их желания устроиться на работу в православную школу³⁵. В подобной ситуации предпочтение отдавалось учительницам: не всегда достаточно подготовленные, они уже широко предлагали свои услуги на рынке педагогического труда.

Если в 1869 г. среди народных учителей Олонецкой губернии женщины составляли лишь 13%, то четверть века спустя ситуации изменилась. В 1895 г. учительницы составляли три

³⁴ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1897 г. директора народных училищ Д.П. Мартынова. Петрозаводск, 1898. С. 17.

³⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 335, оп. 2, д. 4/59; л. 6, 36.

четверти учительского персонала церковно-приходских школ (ЦПШ), тогда как в школах гражданского ведомства одну четвертую часть общего числа преподавателей (не считая законоучителей). В 1913 г. доля женщин составляла уже 62% всего учительского персонала начальных школ. Мужчины численно преобладали лишь в министерских и городских приходских школах, предоставлявших лучшие материальные условия³⁶. Именно здесь имелись наиболее стабильные преподавательские кадры, тогда как в земской и церковно-приходской школе наблюдалась высокая сменяемость учителей. Особую группу составляли учителя Закона Божьего, к исполнению обязанностей которых к этому времени по совместительству широко допускались не только светские учителя, но в исключительных случаях и учительницы³⁷.

Тенденция к феминизации сельской школы отчетливо прослеживалась в масштабе всей страны. В свете данных однодневной школьной переписи 1911 г. рельефно обозначилась роль земства в этом процессе. Женщины в сельских школах 34 земских губерний России составляла 62%, тогда как в 13 губерниях, не имевших земства – лишь 36%. Тогда же в Остзейском крае доля учительниц едва приближалась к 10%, в Польше она составляла 24, а в странах Европы в среднем 55%³⁸.

Оплата труда в школах разных типов существенно различалась. Имелась дифференциация также по отдельным губерниям, а внутри губерний и по уездам. Из числа сельских учителей лучше других были обеспечены работавшие в образцовых училищах Министерства народного просвещения, средние позиции занимали земские школы, хуже всего было материальное положение работавших в ЦПШ. В середине 1890-х гг. оклады учителей министерских училищ Олонецкой губернии превышали 330 руб. в год, а в отдельных уездах составляли более 400 руб. В то

³⁶ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 г. Вып.1. Петрозаводск, 1913. С. 47; Школьная статистика... Вып. 2. С. 54–55.

³⁷ Учительский вестник. 1911. № 4. С. 36.

³⁸ *Eklöf B.* Russian Peasant Schools... P. 186.

же время основная часть учителей земских училищ была вынуждена довольствоваться годовым окладом в 200 руб.³⁹

Заработная плата учителей ЦПШ была ощутимо меньше. До 1896/97 учебного года она составляла 120 руб., а затем была увеличена до 180 руб. в год. Учителя Закона Божьего (в основном приходские священники) получали вознаграждение от 30 до 60 руб. в год. Самую низкооплачиваемую категорию составляли учителя школ грамоты (низший тип церковной школы). В начале 1890-х гг. еще нередки были случаи, когда крестьяне в складчину содержали учителя или расплачивались с ним поочередным «еже-недельным кормлением»⁴⁰. Многим крестьянам это было в тягость, и они отказывались отпускать детей в такие школы. В 1908 г. законодательно была установлена фиксированная норма основного оклада учителей и учительниц – 360 руб. в год. В 1913 г. были также официально санкционированы периодические пятилетние прибавки, вводившиеся с конца XIX в. отдельными земствами с целью создания стабильных учительских кадров. Позже, уже в условиях военного времени, вводились так называемые военные прибавки в размере 120 руб. в год⁴¹.

Предусматривались специальные выплаты учителям за квартиру, стол, отопление и освещение, дополнительно оплачивались уроки пения, ремесла, сельскохозяйственные занятия с школьниками. В 1910 г. законодательно были установлены пенсии по возрасту (требовалось отработать в школе 25 лет) и инвалидности учителям и учительницам народных школ. Однако на протяжении всего периода сохранялась нерегулярность оплаты труда, от чего особенно страдали учителя земских и церковно-приходских школ⁴².

По уровню зарплаты учителя резко отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции. Так, в 1908 г. в Повенец-

³⁹ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г. Петрозаводск, 1895. С. 20.

⁴⁰ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–1896 учебный год. Петрозаводск, 1896. С. 86.

⁴¹ Сучков И.В. Социальный и духовный облик... С. 65; Илюха О.П. Школа и детство... С. 154–157.

⁴² ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10849, л. 24.

ком уезде Олонецкой губернии, где стоимость жизни всегда была высокой, учитель в зависимости от стажа получал 300–400 руб. в год, тогда как жалование земского врача составляло 2000–2200 руб. провизора – 1200, его помощника – 800, дантиста – 800 руб. в год. Так же низко, как труд учителей, оплачивался на селе труд фельдшеров, повивальных бабок, ветеринарных врачей. Лишь с точки зрения крестьянина-бедняка учитель, освобожденный от всех личных повинностей, получавший «рубль в день», а по старости – пенсию, был обеспечен неплохо⁴³.

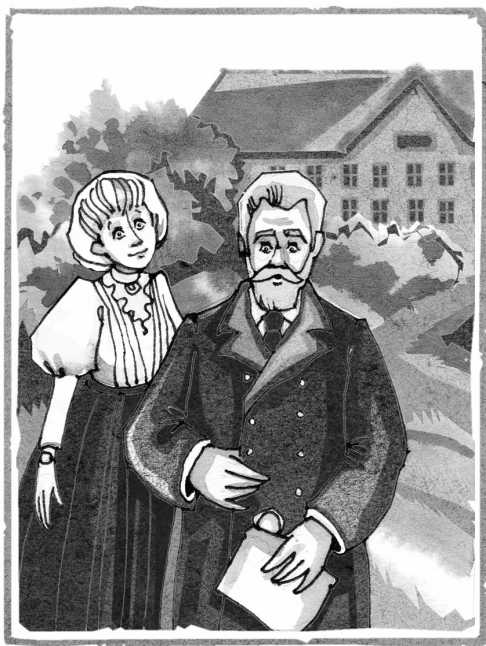
Сельские учителя сетовали на то, что их возможности создать семью ограничены, поскольку деревенская девушка даже из крестьянской семьи среднего достатка считает школьного учителя с его скромными доходами «неудачной партией»⁴⁴. Эта социально-демографическая проблема имела общероссийский масштаб: в конце XIX в. почти половина учителей и более 4/5 учительниц не имели собственных семей. В ряде губерний были установлены свои правила, согласно которым учительница, выйдя замуж, должна была оставить работу в школе⁴⁵. Такое ограничение соответствовало господствовавшим представлениям о предназначении женщины – растить детей и вести домашнее хозяйство; и тому, что работа для нее является дополнительным бременем, в отличие от мужчины, перед которым общество ставило цель работать и обеспечивать жену и детей. В результате для учительницы на одной чаше весов оказывались интересы дела, избранной профессии, а на другой – устройство личной жизни. Деревенским учительницам было непросто найти себе подходящего спутника: образованные девушки предъявляли более высокие требования к женихам. Не редкостью было создание учительских семей – идеальная ситуация для женщины, увлеченной работой, поскольку при поддержке мужа она могла получить статус помощницы учителя и не бросать работу в школе.

Таким образом, увеличение доли женщин в рядах российского учительства происходило благодаря развитию женского среднего

⁴³ Бахметьев В. Нечто о земском и крестьянском хозяйстве в Повенечком уезде // Вестник Олонецкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1908. № 5. С. 41.

⁴⁴ Забавкин И. Об учащих «второго разряда» // ВОГЗ. 1910. № 17. С. 13.

⁴⁵ Панчин Ф. Г. Педагогическое образование в России: Историко-педагогические очерки. М., 1979. С. 135.

образования. Они постепенно заполняли новые вакансии, которые в изобилии появлялись в связи с быстрым ростом школ, а также замещали мужчин, переходивших на более высокооплачиваемые должности, в престижные и материально обеспеченные сферы профессиональной деятельности. Говорить о том, что женщины стали конкурентами мужчин в области народного образования, не приходится. Низкая заработная плата была тем фактором, который во многом определил переход начальной школы в руки женщин,

но отнюдь не в смысле определения стратегии развития образования, а лишь в отношении практической, рутинной, повседневной работы с детьми. Привлечение женщин в школу с точки зрения чиновников имело определенные преимущества, поскольку по своей психологической природе они признавались более «приспособленными» к труду воспитателя, более терпеливыми и управляемыми. В то же время отмечались слабые стороны этой категории работников: из числа учительниц сложнее было рекрутировать преподавателей гимнастики, сельского хозяйства; им было труднее завоевать доверие крестьян. Приток учительниц в школу еще более усилился в годы первой мировой войны, отвлекшей на фронт тысячи учителей.

В Карелию со своим самоваром

Закончив учебу, новоиспеченные учителя не стремились возвращаться в родные села, где, по выражению современника, их помнили как «Танек» и «Гришек», а искали приложения своим силам в соседних волостях, чтобы быть ближе к родительскому дому⁴⁶. Однако это не всегда было возможным. Путь к месту работы для многих оказывался вовсе неблизким и далеко не простым. Например, молодая учительница, отправляясь в Архангельскую (Беломорскую) Карелию из губернского центра преодолевала путь в 700 верст за 12 дней. Приходилось сменить несколько видов транспорта: плыть на пароходе, в лодке и на плоту, ехать верхом на лошади, на подводах, долгие версты идти пешком. Опухшие от ходьбы по каменистым тропам ноги, угроза разбиться в порожистой бурной реке, вынужденные ночевки в землянке и шалаше у встреченных в пути рыбаков, полчища комаров, качка в море – достаточные причины, по которым сельская учительница предпочитала вообще не выезжать с места работы на каникулы. Дневники и заметки учителей-путешественников показывают, что учительские квартиры становились надежным приютом для путешествующих коллег⁴⁷. Так на основе знакомств, контактов и связей складывалась профессиональная сеть взаимопомощи, социального страхования.

Багаж учителя, направлявшегося на работу в деревню, был невелик. Обычно он ограничивался сундуком и парой узлов, в которые паковалась одежда, книги и кое-какая домашняя утварь. Предусмотрительные молодые люди, отправляясь на работу в Беломорскую Карелию, брали с собой самовар. Они поступали разумно, так как приобрести в глуши подобную вещь было непросто, да и не во всех карельских семьях она имелаась, поскольку здесь предпочитали кофе⁴⁸. В учительском быту значение чаепития, а стало быть, и самовара, трудно переоценить:

⁴⁶ Гуркина Н.К. Интеллигенция... С. 80.

⁴⁷ Например: *Опокина А.* Из дневника учащихся Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1911. № 14. С. 113–116.

⁴⁸ В отличие от южных районов Карелии, где самовар широко использовался в быту на протяжении всего XIX в., в северной Карелии он завоевывает популярность только в конце столетия. Одна из северокарельских сказительниц вспоминала: впервые увидев самовар, она испугалась, подумав, что это «глаз черта».

чайная церемония была любимым видом трапезы, спутницей задушевной беседы.

Горожанки оказывались малоподготовленными к сельской действительности. Некоторые из них не вполне представляли ее специфику, другие попросту не имели денег на приобретение необходимых вещей. Об одной из таких учительниц смотритель училищ Петрозаводского уезда писал:

«...каждодневно, даже в сильные морозы ходит две версты пешком в училище в самой легкой одежде, потому что теплой не имеет, и летних полусапожках...»⁴⁹.

Учителю, оказавшемуся в незнакомой местности, предстояло преодолеть недоверчивое и настороженное поначалу отношение местных жителей к чужаку. Еще сложнее было учительнице. По наблюдениям П. Соломатина, многие годы работавшего в сельской местности

«...мужчины стесняются вообще заходить к учительнице, подозревают, что она всегда занята своим туалетом и бояться помешать, стесняются «барышни» и немножко презрительно смотрят на ее опыт: – Что она знает?»⁵⁰.

Жильем учителя становилась съемная комната или угол в доме кого-либо из крестьян. Иногда в качестве жилья приходилось использовать помещение учебного класса. По мере улучшения материального положения начальной школы появлялось все большее количество учебных заведений, построенных по специальным проектам. При них были предусмотрены учительские квартиры, реже – дома.

Рацион питания учителя мало отличался от незатейливой крестьянской еды. Снимая квартиру, учителя обычно столовались у тех же хозяев за отдельную плату. Из соображений экономии учительницы предпочитали готовить для себя самостоятельно. В свободное время некоторые учителя занимались охотой и рыбной ловлей, учительницы вместе с другими деревенскими девушками ходили по грибы

⁴⁹ НА РК, ф. 42, оп. 1, д. 1/17, л. 208.

⁵⁰ *Соломатин П.* Как живет и работает народный учитель. СПб., 1914. С. 59.

и ягоды. Тем не менее, основная часть заработка учителей в северных «малохлебных» губерниях уходила на приобретение продуктов питания. В этой связи довольно цинично звучат наставления, опубликованные в 1896 г. в специальном руководстве для начинающего педагога:

«Привыкнув, в большинстве случаев, в семинарии к простой пище, учитель не тяготится такой же скромной, а может быть, и более скромной пищей, тем более, что он знает, что простая пища есть в то же время и самая питательная и здоровая»⁵¹.

В школах с общежитиями (приютами или интернатами), которые множились в начале XX в. в Карелии с её редкой поселенческой сетью, учителя питались «из одного котла» с учениками. В одном из отчетов за 1914 г. находим изложение меню в школьном общежитии: Обеды состояли из супа и жареного картофеля или каши, а ужины – из супа и творогу.

«Грошовые учителя»: нравственный долг и денежные долги

Государство, спекулируя на молодости и неопытности начинающих педагогов, внушало им: «...учитель должен выдерживать тяготы службы, помня, что он молод, что переносить лишения необходимо, и что лишения нравственно полезны»⁵². Однако не все чиновники разделяли этот взгляд. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д.П. Мартынов резонно замечал:

⁵¹ Тарновский А. Об обязанностях учителя начального народного училища. Опыт краткого руководства. Для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896. С. 9.

⁵² Там же. С. 8.

«Грошовые жалования приводят и к грошовым учителям, а грошовые учителя дают и грошовые успехи»⁵³.

Материальное положение влияло на характер поведения учителя, его социальный облик, репутацию в деревне. Несвоевременная выплата зарплаты вынуждала жить в долг. Кредиторами учителей становились не только местные торговцы, снабжавшие продуктами, но и крестьяне, кормившие учителей с отсрочкой оплаты. Такая ситуация ставила учителя в унижительное положение. Отмечались факты, когда кредиторы приходили требовать возвращения долга прямо в класс⁵⁴.

В 1890-х гг. начинается широкое движение по созданию обществ взаимопомощи учителей. Их денежные фонды складывались из пособий губернского и уездных земств, пожертвований и шли на поддержку многодетных учителей, на оказание помощи в случае болезни и других жизненных трудностей. Общества учреждали стипендии для поддержки студентов, являвшихся детьми учителей⁵⁵.

Земские бюджетные обследования, проводившиеся в разные годы, показали, что у семейных учителей Олонецкой губернии, имевших детей, все жалование уходило на питание. И это при том условии, что учитель обязательно преподавал дополнительные и необязательные предметы, заведовал школьным хозяйством и получал надбавки за стаж работы. В противном случае семья могла голодать.

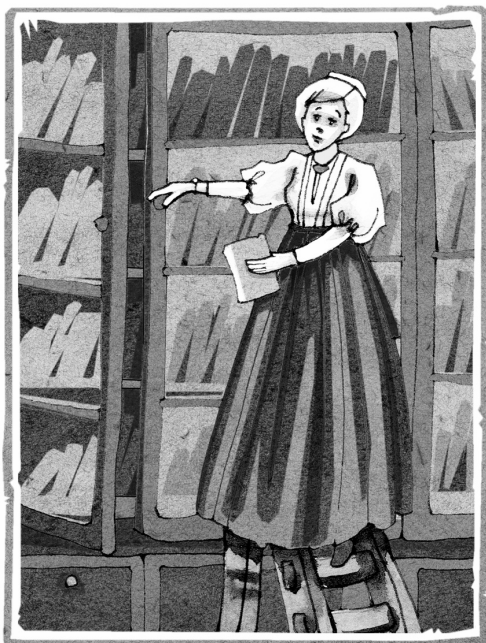
Учителя с трудом могли дать образование собственным детям, вывести их «в люди». Большинство было вынуждено обучать дочерей во второклассных школах или в епархиальных училищах, а сыновей – в духовных училищах. Выбор определялся вовсе не тем, что учителя были склонны избирать для своих детей духовную карьеру, а лишь относительной дешевизной содержания в этих учебных заведениях. Они использовали различные способы пополнения семейного бюджета. Приблизительно каждый десятый из них трудился во время каникул, занимаясь клеймением леса, работами на строительстве дорог и т.п. Некоторые подрабатывали переплетом книг, разными ремеслами, фотографией.

⁵³ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г.... С. 19.

⁵⁴ Из жизни сельского учителя // ВОГЗ. 1913. № 10. С. 9–10.

⁵⁵ *Тевель*. В обществе взаимопомощи учащихся Олонецкой губ. // ВОГЗ. 1909. № 1. С. 12–13; Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1898 г. директора народных училищ Д. П. Мартынова. Петрозаводск, 1899. С. 20.

Более надежным и потому достаточно распространенным способом получения дохода были занятия сельским хозяйством. На школьных и учительских огородах наряду с картофелем, брюквой, капустой, луком, редькой, горохом, морковью и свеклой культивировались чеснок, бобы, укроп, сельдерей, салат, некоторые сеяли злаки, выращивали в парниках огурцы. С конца XIX в. учителя, наряду с сельскими священниками, обзаводятся также «правильно организованными» псеками. Однако

незамужние учительницы редко вели подобное хозяйство, им не всегда было под силу даже содержание небольших огородов.

Преобладающим способом дополнительного заработка было совмещение учительской службы с другой постоянной работой. Распространенным видом службы учителей «по совместительству» стала в начале XX в. работа в кооперативах. В карточках бюджетных обследований учителя делали записи: «работаю в кооперативе», «служу бухгалтером в кредитном товариществе», «заведую потребительской лавкой», «занимаюсь счетоводством в местном кооперативном складе» и т. д. Земцы не без основания говорили о том, что «кооперация, организуя экономические силы в деревне, пришла на помощь учителю возможностью платной работы»⁵⁶.

Учительницам было сложнее найти возможность дополнительного заработка. Некоторые из них шили, другие в дни летних каникул за символическую плату работали в приютах-яслях, первые из которых были созданы в Олонецкой губернии на рубеже

⁵⁶ Школьная статистика. Вып. 1. С. 34–36.

XIX – XX вв. Другим способом пополнения бюджета учительниц становилась организация «народных чтений» – лекториев. Проведение народных чтений увеличило спрос на книги. На рубеже веков многие земства начинают активную работу по устройству народных библиотек-читален. При отсутствии подготовленных кадров они вновь опираются на сельских учителей, в большей мере учительниц, привлекая их к работе в библиотеках по совместительству.

В годы первой мировой войны положение учительства резко ухудшилось. Сами учителя характеризовали свою жизнь в очень мрачных тонах: «волком воем сейчас в 1916 г.», «живу с семьей впроголодь; одежду и обувь донашиваем старую, затасканную», «дефицит покрываем молитвою и постом»⁵⁷. Показательно, что в этих условиях учителя выступили организаторами помощи семьям фронтовиков. С самого начала военных действий они стали добровольно отчислять от 1 до 3% своего ежемесячного жалования в пользу семей воинов, призванных на фронт⁵⁸.

В стенах школы. Рабыни шаблона и барышни, склонные к роскоши

Школьная администрация порой отмечала недостаточную подготовленность учительниц, особенно выпускниц женских епархиальных училищ. Один из чиновников писал:

«Слабые по общему образованию, с узким мировоззрением, при крайней забитости, они не имеют практической подготовки к делу и являются рабынями шаблона и мученицами учительского дела...»⁵⁹.

⁵⁷ Школьная статистика. Вып. 4. Петрозаводск, 1917. С. 38.

⁵⁸ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 10/150, л. 21–24.

⁵⁹ Лосев С. Наброски и заметки по вопросам школьной жизни // ВОГЗ. 1907. № 15–16. С. 34.

Но не редко можно обнаружить и восхищенные отзывы об успехах учительниц.

«Удивительная личность эта Елизавета Ивановна Пре-
чистенская; – писал другой чиновник, – с малолетства ос-
тавшись сиротой, она, можно сказать, выросла при школе и
вот уже 24 года состоит учительницей, посвятивши детям
всю себя без остатка; выучила и воспитала целые сотни хо-
роших матерей для народа, пребывая с ними в постоянной и
непрерывной нравственной связи и служа для них общей
матерью: при всех обстоятельствах жизни они идут к Елиза-
вете Ивановне за советами»⁶⁰.

Такая полярная крайность суждений отражает то большое зна-
чение, которое имеет для успеха дела личность учителя. В системе
подготовки школьных работников не получил развития индивиду-
альный подход, учет персональных особенностей будущих учите-
лей и учительниц. На этой почве, тем не менее, появлялись удиви-
тельные самородки, устанавливавшие высокую планку профессио-
нального мастерства и для других.

Учительницы выглядели не хуже, а подчас и лучше коллег-
мужчин в той части школьного дела, которую ныне принято назы-
вать «воспитательным процессом». Их успехи особенно заметны
в организации досуга школьников, быта школьных общежитий,
где они в полной мере проявляли свои творческие наклонности.
Учительницы успешно организовывали подвижные и настольные
игры. Под их руководством дети изготавливали игрушки из при-
родных материалов, в том числе из желудей и еловых шишек, аба-
журы и другие изделия из сушеных цветов.

Отдельные учителя пытались организовать подобие школьного
театра. Некоторых успехов в этом деле добилась учительница
Л.А. Иорданская, многие годы работавшая в с. Видлица Олонецко-
го уезда. К организации спектаклей и постановке «живых картин»
она привлекала не только школьников, но и своих бывших учени-
ков, уже закончивших учебу. Спектакли устраивались как в здании
в школы, так и в соседних селениях. В репертуаре были неболь-

⁶⁰ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г.
Петрозаводск, 1895. С. 15.

шие детские пьесы и отрывки из «взрослой» русской классики⁶¹. Проведение школьных праздников, устройство спектаклей, ярких церемоний за пределами школьного здания было действенным способом привлечения внимания к школе не только родителей, но и других жителей деревни, способствовало расширению контактов учителя с крестьянским миром.

В жизни школы имелаась и сугубо бытовая сторона. Топка печей и уборка помещений, ношение воды и дров, как в земской, так и в церковно-приходской школе возлагались на плечи учителей или ... учительниц. Благоустроеннее был быт образцовых министерских училищ, по штату которых полагались сторож и кухарка. Образ жизни учителей таких школ был схож с жизнью мелкого провинциального чиновничества. Учительницы тех учебных заведений, где отсутствовали элементарные бытовые удобства – чадила печь или было холодно в классе, выражали свое отношение к ситуации тем, что предпочитали сменить место работы. Относительно высокие требования, предъявляемые учительницами к благоустройству школьных помещений, хотя и вызывали раздражение руководства, оцениваясь как «склонность к роскоши», но, тем не менее, заставляли прилагать усилия по улучшению школьного быта.

В кругу коллег

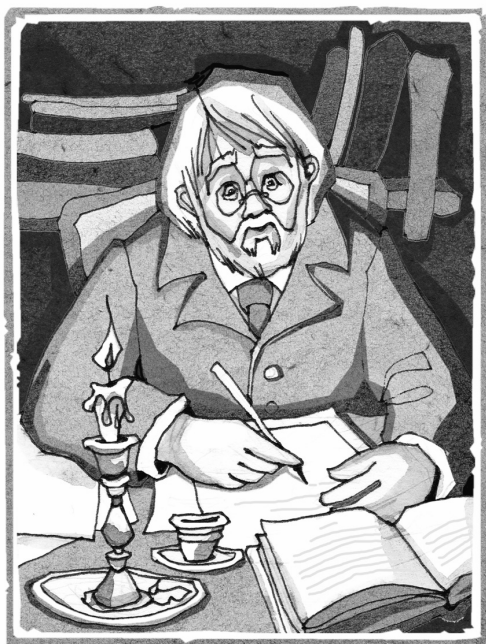
Значительный вклад в дело формирования учительского сообщества внесли земства путем организации учительских съездов, губернских и уездных совещаний и курсов для учителей. Все они служили повышению профессионального и культурного уровня школьных работников. Педагогические курсы устраивали во время летних каникул продолжительностью от двух недель до полутора месяцев. Высоко котиrowались курсы при Санкт-Петербургском

⁶¹ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 9/145, л. 64.

университете, где лекции читали известные профессора. График занятий здесь был довольно напряженный: ежедневно лекции начинались в 9 час. утра и заканчивались в 10 час. вечера. Перерыв с 14 до 17 час. заполняли специально организованные экскурсии, осмотр достопримечательностей Санкт-Петербурга⁶².

Общероссийские съезды также сыграли большую роль в профессиональном росте учителей (обмен опытом, овладение передовыми методами преподавания), а местные, проходившие периодически, позволяли учителям с большей или меньшей степенью регулярности встречаться и поддерживать отношения, способствуя личному сближению и формированию профессиональных контактов. Архивные материалы и публикации в прессе показывают, что женщины на учительских съездах не проявляли активности, выступали редко, соответствуя поощрявшемуся стереотипу «женственного поведения».

В течение учебного года круг общения учителей в деревне был довольно ограничен. В Карелии учителя, несмотря на официальные запреты, общались с политическими ссыльными, среди которых было много высокообразованных людей. Желая не допустить такого рода контактов, власти использовали самые разные, порой достаточно изощренные средства. Учительниц, общавшихся с политическими ссыльными, могли обвинить в «безнравственных действиях» и на этом основании уволить из

⁶² НА РК, ф. 27, оп. 2, д. 1/11, л. 34–35.

школы. Так поступили, например, с Елизаветой Заостровской – учительницей Летнерецкой ЦПШ в Кемском уезде Архангельской губернии, у которой сложились дружеские отношения с политическим ссыльным Вячеславом Шлепским. Не помогло заступничество ни местного священника, ни представителя епархиального училищного совета⁶³.

В самом начале XX в. местом учительских встреч, настоящим клубом молодых педагогов становится квартира политического ссыльного С.Я. Элленгорна в д. Киновичи Олонецкой губернии. С.Я. Элленгорн учился в университетах Москвы и Берлина, позже завершил образование в Юрьевском университете, получив диплом врача с отличием. Один из неизменных участников встреч в доме Элленгорнов – молодой учитель П.К. Успенский впоследствии уже на новом месте работы в с. Туломозере продолжил традицию. Здесь его собственная квартира стала клубом для учителей близлежащих школ. Здесь звучали песни – пели хором или соло, читали вслух русских классиков, играли в шахматы и лото, показывали фокусы. Женщины вышивали, шили, вязали, из бумаги и картона изготавливали наглядные пособия для уроков, детские игрушки, переплетали книги, по вечерам ставили спектакли⁶⁴.

Подобные встречи были возможны в основном в дни каникул. В течение учебного года многие из учителей, работавших в глуши, были обречены на почти полное одиночество. Письма, газеты и журналы становились спасительными нитями, связывающими с друзьями и коллегами. Именно учителя являлись активными сельскими корреспондентами губернских периодических изданий, поднимая на страницах прессы проблемы школы и жизни педагогов. Заметка А. Шестакова передает общий настрой этих публикаций:

«Одно развлечение для учителя – книга, журнал. А на журнал не остается, даже на пропитание никак не остается <...> Если бы явилось чудо,– как-нибудь перепали хотя бы 10 рублей. Какое счастье – журнал! Там знакомые речи, те

⁶³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 28, оп. 1, д. 1173, л. 28.

⁶⁴ *Инно Х. О.* Автор вепского словаря // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 46, 48–49.

идеи, тот дух, с которым сжился учитель. Там люди образованные, настоящие люди говорят о новых направлениях в педагогике, литературе, общественной жизни, искусствах....»⁶⁵.

Наставники-«батюшки» и подруги-поповны

Уже в годы учебы формировались разные модели поведения будущих учителей и учительниц. По наблюдениям инспекторов и преподавателей, девушки из богатых семей (даже крестьянских), будучи гимназистками, уже мнили себя «барышнями», важничали своей ученостью, а вернувшись в деревню «водили знакомство» только с деревенской «аристократией»: в основном с представителями администрации, иногда земскими врачами, что не помогало их сближению ни с народом, ни с избранным кругом, где они не пользовались популярностью. Другие – таких было немало среди выпускников учительских семинарий – примыкали к «среднему классу»: деревенский священник, лавочник, писарь, иногда старшина и урядник составляли их общество. Иначе вели себя выходцы из небогатых крестьянских семей. Они мало отличались от своих односельчан как по воззрениям, так и по образу жизни. В дни каникул они наравне с другими днем работали в поле, а вечерами или в праздник читали вслух для родных и соседей интересующие всех книги или газеты⁶⁶.

Для начинающего учителя был разработан подробный инструктаж по поводу того, как вести себя, устанавливая контакты с должностными лицами. Посещать незнакомых и почетных лиц следовало после полудня, с 12 до 14 часов. В случае радушного

⁶⁵ Шестаков А. Народный учитель. С. 5.

⁶⁶ Успенский М.И. По учебным заведениям Олонецкой губернии (Из заметок окружного инспектора) // Известия по народному образованию. 1917. Часть 52, январь. С. 52.

приема предписывалось не отказываться от угощения, но сразу же заявить своим новым знакомым, что гость «не пьет водки и не играет в карты»⁶⁷.

Учителям постоянно приходилось общаться с местными священниками, заведовавшими ЦПШ или преподававшими уроки Закона Божьего в министерских и земских училищах. Их сближал не только статус людей образованных, но и общие заботы, нужда. Материальное положение сельского духовенства было несколько лучше, чем у учителей, но и оно являлось весьма скромным⁶⁸.

Многие из священников были потомственно образованными, что, несомненно, отражалось на уровне общей культуры. Их отличала преданность делу, тесный контакт с населением, понимание местных проблем. Дочери церковно- и священнослужителей по настоянию отцов возвращались после окончания епархиальных училищ домой, поскольку по устоявшейся традиции одна из дочерей могла наследовать место своего престарелого отца для будущего мужа⁶⁹. Участь такой учительницы – «невесты с местом» была незавидна. В ожидании подходящей партии поповна оставалась под надоедливой опекой отца. Священники, заведовавшие ЦПШ, нередко брали на себя ряд школьных обязанностей дочерей. Подобный «семейный подряд» обычно вредил делу: загруженные основными обязанностями священники относились к школьным делам без особенного рвения. Крестьяне выражали недовольство превращением школы «в пустую затею» и просили о замене таких учителей⁷⁰.

Стремление «удачно» выдать дочь замуж подогревалось желанием сохранить нажитое семейное имущество. Отступление дочерей от одобренного традицией сценария немилосердно каралось, в этом вопросе священнический долг был выше отцовской любви. Так, в 1909 г. священник Подужемского прихода в Беломорской Ка-

⁶⁷ Тарновский А. Об обязанностях... С. 3–4.

⁶⁸ Афанасьева А.И. Сельская интеллигенция... С. 288–289.

⁶⁹ Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 47–57.

⁷⁰ Гуркина Н. Интеллигенция... С. 84.

релии отправил свою дочь «для раскаяния» в монастырь, поскольку она вступила в связь с учителем и родила «незаконного» сына⁷¹.

Учительский век поповны «с местом» был короток: выйдя замуж, она всецело посвящала себя мужу и детям и оставляла школу. Однако дочери многосемейных священников, не обеспеченные «местом», задерживались в девичестве, а стало быть, и на учительском месте. Этим, в частности, объясняется рост доли «епархиа-лок» среди школьных учительниц. В начале второго десятилетия XX в. в отдельных местностях России они составляли половину общего числа учительниц⁷².

Приходские священники по долгу службы должны были опекать учителей и наблюдать за их нравственностью. Эту задачу они выполняли подчас с излишним рвением. Священников заботила не только «близость учителей церкви», регулярность прохождения ими обрядов причащения и исповедания, но они стремились также влиять и на круг общения молодых учителей, нередко вмешиваясь в их личную жизнь. Оказавшись под такой опекой, наиболее кроткие учительницы считали необходимым согласовывать со священником все житейские вопросы. Дошедшие до нас отголоски реальных житейских ситуаций кажутся банальными и обнаруживают на первый взгляд только межличностный конфликт. Однако корень конфликтности следует искать, по всей видимости, в конкуренции учителя и приходского священника: появление учителя нарушало «духовную монополию» священнослужителя в деревне.

Священники требовали от учителей особого отношения к их детям-школьникам, подчас бесцеремонно вторгались в учебный процесс. Учителя ждали от батюшек более уважительного отношения, их раздражала мелочная опека и тем более грубость. Учителя-мужчины, пытаясь защитить себя, писали жалобы в вышестоящие инстанции, тогда как учительницы предпочитали не предпринимать подобных мер. О конфликтах учительниц со своими коллегами чаще узнаем из жалоб и заявлений священников. Спектр претензий священников к учительницам широк:

⁷¹ ГААО, ф. 28, оп. 2, д. 37.

⁷² НА РК, ф. 17, оп. 3, д. 4/71, л. 38–43.

от недовольства увлеченностью шитьем (в ущерб интересам дела, как казалось священнику), до обвинения в «опасной» дружбе с политическими ссыльными или организации танцев для взрослых жителей деревни после детской рождественской елки в школе. Жалуясь начальству на учительницу, отказавшуюся от исповеди, священник приводит ее аргумент: «Вы грехи мои по всей деревне расскажете»⁷³. Отказ от исповеди был вызван осознанием опасности, которую могут принести злые сплетни в деревне. Этот случай показывает, что учительницы, в целом не склонные к конфронтации, могли «держаться удар», использовать критику и даже выступать обвинителями с целью сохранения собственного статуса и репутации в местном сообществе.

Учитель и крестьянский мир. В плену традиции

Положение учителя в деревне зависело от многих обстоятельств. Как свидетельствуют источники, ситуация могла варьировать от почти полной его разобщенности с крестьянским миром до противоположной, когда учитель становился «своим человеком» в деревне, советчиком и помощником в разных жизненных ситуациях. Одна из крестьянок так характеризовала роль учителя в карельской деревне:

«Заболеет кто в деревне – к нему, скотина заболеет – тоже к нему... Заявление написать в волостное правление, или земскому начальнику, или в город, в земскую управу, опять к нему же...»⁷⁴.

⁷³ НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 11/161, л. 18.

⁷⁴ *Кучепатов Н.Г.* Выдающийся карельский педагог Кузьма Иванович Дмитриев // Труды карело-финского учительского института. Петрозаводск, 1948. Т. 1. С. 64.

Чтобы «вписаться» в жизнь деревни», добиться признания местного сообщества, школьным учителям приходилось учитывать особенности менталитета крестьян, осваивать карельский язык. При этом по отношению к учителю применялись более строгие мерки, чем к кому бы то ни было. В старообрядческих селениях учителю следовало при любых обстоятельствах не пить кофе, не курить табаку, не есть «из общей чашки» и т. п., поскольку нарушение этих запретов могло повлечь за собой «немилость населения»⁷⁵. Так же с оглядкой на деревенский мир учителю приходилось выбирать кандидатуры учащихся для оказания им материальной помощи, применять дисциплинарные меры в школе, обустривать жизнь общежития и т. п.

«Не быть своим человеком в деревне для народного учителя равносильно тому, что не быть учителем»⁷⁶, – подчеркивал один из земских служащих.

Недопонимание, противоречия и даже конфликты учителя с деревенским сообществом могли происходить на разной почве. Ничто не ускользало от взгляда крестьян: ни отношение к детям, ни внешний вид учителя, ни его поведение в быту. В Карелии, например, где крестьяне возражали против физических наказаний детей, а пьянство учителя считалось непростительным пороком, появлялись требования заменить учителей учительницами, со свойственными им «кроткими дисциплинарными мерами». И наоборот, крестьянское сообщество повсеместно не принимало «эмансипированных учительниц», поведение и внешний вид которых не соответствовал традиционным представлениям. Как отмечалось в одном из писем в редакцию педагогического журнала,

«учительницы сами отталкивают от себя простой народ тем, что стригут волосы, курят папиросы и носят очки»⁷⁷.

⁷⁵ Краткая записка о развитии и состоянии грамотности в Повенецком уезде за 27-летний период времени с 1867 по 1893 гг. Повенецкой уездной земской управы. Петрозаводск, 1896. С. 9.

⁷⁶ Там же. С. 47.

⁷⁷ Письмо учительницы // Русский начальный учитель. 1883. № 8–9. С. 530.

Учителям по роду своей деятельности приходилось решать задачи санитарно-гигиенического, медицинского характера. Скопление большого количества детей рождало особые проблемы. Подчас именно школы становились главными очагами распространения эпидемических заболеваний⁷⁸. Вместе с тем именно учащиеся в первую очередь получали медицинскую помощь. Сельские учителя и учительницы при отсутствии в деревне медицинских работников оказы-

вали первую помощь и взрослому населению. Инспектор народных училищ П.П. Николаевский признавал:

«Школа, в лице лучших своих представителей, особенно учительниц, принимает на себя заботу по врачеванию больных, обмывает и перевязывает раны, не страшась ни чесотки, ни рожи, ни других прилипчивых болезней. Школа обо всех больных доводит до сведения врача и содействует скорейшему прибытию настоящей медицинской помощи»⁷⁹.

Уже в 1890-х гг. уездные земства рассылали в школы минимальный набор лекарственных средств, которыми при необходимости пользовались не только школьники, но и местные крестьяне. О пополнении лекарствами школьных и приходских аптек заботились миссионерские и благотворительные общества. Перечень

⁷⁸ НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 97/12, л. 1.

⁷⁹ Г. Повенец. Очередное земское собрание. Заседание 7 октября // ВОГЗ. 1908. № 22. С. 8.

лекарственных средств в таких аптечках обычно включал от полутора до трех-четырех десятков наименований довольно широкого спектра действия.

Школа обеспечивала также организацию и проведение прививок. Учителям приходилось вести разъяснительную работу среди крестьян, считавших, что «оспа – посланница Божья» и велению Божью нельзя противиться. Консультации по вакцинации – «оспопрививанию» учителям давали уездные врачи во время своих разъездов, а земские управы снабжали оспенной лимфой и ланцетами. Выпускницы епархиальных женских училищ получали навыки проведения вакцинации против оспы еще в годы учебы и также оказывали большую практическую помощь в сельской жизни.

В «инородческой» местности контакты русских учителей с крестьянами осложнялись языковым барьером. Учителя были вынуждены прибегать к помощи случайных людей или учащихся старших классов, владевших основами русского языка. Учитель А. Андронов так характеризовал ситуацию:

«Закинутый в глухой край, неопытный, со скудными знаниями деревенской жизни, не зная ни одного карельского слова, я положительно не знал, что делать. По-русски никто не говорил. У меня же ни словаря, ни руководств и пособий не было. Положение было из ряда вон выходящее. Для меня в то время Варлоев Лес являлся местом ссылки...»⁸⁰.

Адаптироваться к таким условиям мог далеко не каждый. И все-таки многие из сельских учителей и учительниц стойко переносили тяготы жизни, искали и находили интересные занятия, средства для самовыражения и творчества, сочетая их с необходимыми для выживания обычными крестьянскими занятиями. Молодой учитель министерского образцового училища в далеком карельском селе Кимасозеро Архангельской губ. И.В. Оленев описал свой повседневный быт в письме, адресованном невесте, учительнице Л.А. Сосиной:

⁸⁰ Андронов А. Из учительских воспоминаний // ВОГЗ. 1910. № 2. С. 26.

«... Почти каждый день хожу кататься на лыжах. Теперь практикуюсь в спускании с горы с препятствиями – прыжки на лыжах через яму на середине или в конце горы. Есть успехи.

Выучил много новых романсов. Серенада Шуберта «Песнь моя летит с мольбою» после отъезда из Архангельска долго не давала мне покоя. Между прочим, мотив оказался у меня на нотах, но раньше почему-то этот романс мне не нравился. А теперь он гуляет в Паданах, где я распевал его на первой неделе поста. Хотя этот мотив далеко не великопостный, но, право, как насидишься в Кимасозере, то, пожалуй, и простительно.

Я собирался из Архангельска взять в Кимасозере кухарку, но теперешняя кухарка у меня – карельский феномен. Это местная знахарка, костоправка, массажистка, акушерка, причитальщица на свадьбах... Старушка 55 лет. Любит меня без души. Как-то я был немножко болен, и день сидел на диете. Она страшно была этим опечалена и говорит мне: уж мне так жалко тебя, что я весь день была не спокойна и не могла даже пить чаю – только выпила 4 стакана. Представьте, какое сочувствие!..

Куры, взятые мной в Архангельске, начинают нестись. К пасхе будут яйца. Недавно начала доить моя корова. Летом выросло у меня 40 мешков картофеля и 60 пудов сена. Вот какое хозяйство!

Что Вы теперь читаете? Я перечитываю Достоевского. Выписываю также газеты и журналы. В «Охотничьей газете» опять напечатана моя большая корреспонденция публицистического характера. Большого пока ничего не начал. Думаю написать что-нибудь в журнал «Русский начальный учитель». Вдохновите! Помните, я просил Вас об этом в котором-то письме, и статья вышла недурная...»⁸¹.

⁸¹ Власов Ю.П. Северная баллада. Петрозаводск, 1989. С. 43–45.

Шляпка и семечки, городская мода и деревенский вкус

В годы учебы будущие учителя и учительницы из крестьян усваивали элементы городской бытовой культуры, в том числе, и манеру одеваться. По наблюдениям одной из классных дам Петрозаводской гимназии деревенские девушки, вернувшись в дни каникул в родительский дом, становились объектом всеобщего интереса. В дни сельских праздников они привлекали внимание односельчан и своими городскими нарядами, и осведомленностью в самых разных вопросах:

«В дни храмовых праздников они ходят в церковь. Тогда церковь бывает полна нарядными прихожанами. После службы начинается гулянье, танцы на мосту, игры на гармонии, шутки и разговоры на самые незатейливые темы. Гимназистки в это время чувствуют себя на седьмом небе: смеются, хвастаются своими платьями, грызут семечки и веселятся»⁸².

Еще в годы учебы будущим учителям внушалось, что их внешний вид, одежда и прическа должны быть отражением нравственного идеала, скромности и воздержанности, поскольку призвание народного учителя – служить «живым примером» для учеников и их родителей. Предписания, касавшиеся одежды сельского учителя, были опубликованы в специальном руководстве в 1896 г.:

«Для учителей не установлена обязательная форма; поэтому учитель может приходить в класс в высоких сапогах и во фланелевой рубашке-косоворотке, темного цвета. Такое платье вполне подходит к нашему народному, домашнему. Для посещения знакомых учитель может обзавестись платьем в виде короткого пальто <...> При таком платье нет надобности в белой накрахмаленной рубашке. Да кто в селе накрахмалит и выгладит ее? Достаточно надеть под воротничок галстук военного покроя. Учителю нет надобности и в покупке шубы. Нагольный полушубок, самого обычного цвета, – очень удобное платье, так как хорошо защищает грудь и живот от холода. Единственное неудобство его –

⁸² Успенский М.И. По учебным заведениям Олонецкой губернии (Из заметок окружного инспектора) // Известия по народному образованию. 1917. Часть 52, январь. С. 52.

в отсутствии воротника для защиты щек и ушей от холода. Но учителю народного училища не приходится ездить и далеко ходить; следовательно, при полушубке вполне достаточно одного башлыка»⁸³.

Определенное представление о том, как в действительности одевались сельские учителя и учительницы, дают фотографии. Образы учителей запечатлены также на хрестоматийных полотнах бытописателя российской школы Н.П. Богданова-Бельского, а также на рисунках М.А. Круковского, путешествовавшего в начале XX в. по Карелии. Учителя-мужчины на рубеже веков носили пиджаки, рубашки-косоворотки, сапоги. Костюмы и белые рубашки мог позволить себе в будни лишь учитель образцового министерского училища. В холодную погоду надевали суконный однобортный кафтан, валяную войлочную шляпу. В целом одежда сельского учителя мало отличалась от костюма других должностных лиц, будь то волостной писарь, лесной объездчик или фельдшер. Мужчины из числа сельской интеллигенции носили летом фетровые шляпы с полями и лентой вокруг тульи. В жаркую погоду и учителя, и учительницы нередко дополняли свой скромный костюм соломенной шляпой⁸⁴.

Пестрое ситцевое платье летом и серая пуховая шаль зимой стали банальными частями гардероба сельской учительницы лишь в советское время. В конце XIX – начале XX вв. учительницы надевали в школу платья-двойки, вошедшие к этому времени и в праздничный гардероб крестьянской женщины. «В гости», в поездки учительницы старались одеться в соответствии с городской модой. Носили, как правило, платья из однотонных тканей (одежда из набивных, «цветастых» тканей была характерна для крестьянок, мещанок и провинциальных купчих). Темные платья шили из шер-

⁸³ *Тарновский А.* Об обязанностях учителя начального народного училища. Опыт краткого руководства. Для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896. С. 9.

⁸⁴ *Трифопова Л.В.* Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии по материалам «Этнографической экскурсии М.А. Круковского» // Кижский вестник № 8. Сборник статей. Петрозаводск, 2003. С. 127–128, 139.

сти, кашемира, тонкого сукна, светлые – из шелка, поплина, или, как его тогда называли, папелина или авиньона (ткань из хлопка с мелким поперечным рубчиком), блузы – из ситца и кисеи.

Затянутые в талии пышные платья сменяются в начале XX в. одеждой, соответствующей стилю «модерн» со спрямленным силуэтом и заниженной линией талии. Популярны были светлые блузы в сочетании с темной юбкой. Учительницы, которым время от времени приходилось путешествовать, быстро подхватили наметившуюся в начале XX в. тенденцию к практицизму в одежде. Дорожный костюм состоял из темной, более узкой, чем обычно, юбки и темного жакета с легкой блузой, что давало большую свободу движения и удобство. Появляются пальто и пыльники, которые назывались словом сак (мешок). В качестве повседневной обуви зафиксированы сапожки и коты – низкие туфли с резиновой вставкой сбоку. В дороге поверх этой обуви при необходимости натягивали галоши.

Готовясь к салонной фотосъемке, надевали лучшие платья. Отличное качество этих снимков позволяет разглядеть в деталях ладно сидящие, хорошо сшитые, иногда изящно отделанные – красивые вещи. Фотографировались и в дни съездов или во время прохождения курсов, когда учительницы одевались проще. На групповых, обычно любительских фотографиях, можно заметить, что одежды сшиты без особых затей, часто из грубоватых тканей, но «модели» выглядят неизменно аккуратно⁸⁵.

Белый кружевной воротничок – редкая деталь, он остался на гимназическом платье. Среди повседневных аксессуаров, также выделявших учительницу среди деревенских женщин, – часы, предмет первой необходимости для работающих по звонку. Это часы-кулон или изящные ручные часики. На фотографиях начала XX в. изредка появляется эсклаваж – модное в те годы украшение, которое носилось на бархатной ленте на шее или недорогие бусы из искусственных материалов. Чаще в качестве украшения использовались разного рода броши.

⁸⁵ На основе фотоматериалов НА РК, Карельского государственного краеведческого музея, отдела эстампов Российской национальной библиотеки.

Волосы учительниц обыкновенно длинные, собраны в аккуратный низкий узел, заколотый шпильками или гребнем. Молодые девушки заплетали косу, дополняя ее легкими локонами на лбу или висках. Короткая стрижка, ставшая модной в годы первой мировой войны, завоевывает популярность среди сельских учительниц в предреволюционное время.

Наряд школьной учительницы вызывал восхищение молодежи и враждебность женщин старшего поколения. «Шаг в сторону» от общепринятой нормы привлекал внимание и образованных современников. Несуразная шляпка («колесо с высоким султаном из перьев»), в которой сельская учительница появилась вместе со школьниками в Петрозаводской церкви, стала поводом для написания заметки в губернскую газету. Автор выносил на суд публики размышления о том, как должна одеваться «умная девушка из деревни»⁸⁶.

«Зингер», «Ришелье», фриволите...

Широко распространенная в России начала XX в. торговля по почте, которой с удовольствием пользовались жительницы провинциальных городов, почти не коснулась российской деревни, тем более карельской глубинки. Лишь отдельные молодые учительницы, имевшие состоятельных родителей, получали почтой зонтики, шляпки или недорогие украшения. Одежду для себя они часто шили сами, освоив это умение еще в годы учебы. Но некоторые находили в занятиях шитьем способ дополнительного заработка. Для редких счастливых обладательниц швейной машинки «Зингер» (в 1902 г. в Олонецкой губернии ее стоимость составляла 35 руб., что превышало среднемесячный учительский оклад), она становилась «кормилицей», позволяла свести концы с концами. Бывая в городах, учительницы покупали журналы мод – «Дамский

⁸⁶ ОГВ. 1903. 26 апр. С. 2.

мир», «Современная женщина» и др., где содержались описания моделей одежды, выкройки, рисунки вышивок. Более доступными были выкройки в календарях, которые, однако, приходилось увеличивать, перенося на бумагу по специальной сетке.

Необходимые в сельском быту ремесленные навыки учителя и учительницы приобретали в годы учебы. Большое внимание этому уделялось в учительских семинариях, где юноши осваивали технологию работы с деревом и металлом, де-

вушки – разного вида рукоделия, учились составлять рисунки и чертежи для работы. Во всех других учебных заведениях, готовивших учительниц, также преподавалось рукоделие, причем в начале XX века повсеместно уделялось повышенное внимание технологии шитья и отделки платьев⁸⁷. Студентки осваивали как традиционные виды рукоделия, так и особо модные. Например, выполненной вручную или на машинке вышивкой «Ришелье», имитирующей венецианские кружева, украшали салфетки, блузы, сорочки, воротники, носовые платки. Использовали фиволите – искусство плетения легкого узелкового кружева. Им отделявали занавеси и скатерти, стремясь облагородить свой быт. В начале XX в., когда в моду вошла отделка одежды бисером, молодые учительницы быстро освоили эту технологию. Земство Олонецкой губернии, увлеченное идеей распространения в крестьянской среде ремесленных навыков через школу, устраивало в начале XX в. специализированные летние курсы для обучения учителей.

⁸⁷ НА РК, ф. 17, оп. 3, д. 4/71, л. 46.

До начала XX вв., пока обучение рукоделию в народных школах еще не стало повсеместной обязанностью учительниц, многие из них вели такие занятия по собственной инициативе, зачастую бесплатно. Учили шить белье, вышивать по канве, вязать шарфы, чулки, теплые платки. Они частично коммерциализировали дело, организовав продажу местным жителям выполненных ученицами изделий, а на вырученные деньги закупали материалы, выписывали журналы и выкройки. К началу нового столетия спектр ремесел, основы которых изучались в школе, расширился. В одних школах дети знакомились с переплетным и картонажным делом, в других изучали выпиловочное, токарное, жестяное ремесла, осваивали плетение кружев, изготовление шляп и других изделий из соломы, плетение корзин из ивы, лаптей из лыка, плели также ковры из кромок (полосок ткани), делали из бумаги или ткани абажуры и т.д.⁸⁸

Благодаря этим занятиям в школу удавалось шире привлечь крестьянских девочек, матери которых ценили занятия рукоделием выше грамотности. Во внеурочное время учительницы проводили подобные занятия с крестьянскими девушками, чей возраст значительно превышал школьный. В итоге рукоделие оказывалось для учительниц одной из тех основ, на которых строились контакты и связи с взрослым населением деревни.

В событиях, ограниченных пространством Карелии, проявились общие социальные процессы. Быстрый рост численности сельских учительниц и расширение в их среде крестьянской прослойки в конце XIX – начале XX вв. были отражением постепенных изменений в общественных представлениях о правах женщин, их предна-

⁸⁸ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9249, л. 12; НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 75–102.

значении и свидетельствовали об ослаблении традиционной гендерной иерархии в деревне.

Для деревенских девушек учительская стезя давала реальную возможность избавиться от тяжелого крестьянского труда, приобрести экономическую самостоятельность, изменить свой быт, образ жизни, и, наконец, быть не похожей на других, получив право ежедневно носить хоть и скромный, но престижный в деревне городской костюм. Крестьяне относились с почтением и любовью к учительницам, многие годы отдававшим свои знания, силы, здоровье работе с детьми. Готовность работать за мизерную плату говорит о том, что все перечисленные обстоятельства служили определенной компенсацией материальных невзгод. Государство использовало эту ситуацию, решая за счет учительниц кадровую проблему сельской школы, все меньше привлекавшую мужчин.

Рост числа женщин-учительниц повлек за собой целый ряд социокультурных феноменов и проблем. В частности, появились учительские семьи, являвшие собой новую для деревни модель отношений и распределения семейных ролей. С другой стороны, существовавшие в Олонецкой, как и ряде других губерний, правила, по которым учительница, выйдя замуж, отстранялась от работы, а также высокие требования, предъявляемые сельскими образованными девушками к женихам, привели к росту числа «старых дев», что внесло свои коррективы в коллективный социокультурный портрет сельского учительства.

Путь в учительство не был стандартным: в должности сельского учителя могли оказаться лица с разным образовательным багажом и социальным прошлым, чем определялось многообразие конкретных проявлений социокультурного облика представителей этой профессии. Преодолеть первоначальное недоверие, с которым в деревне встречали всякого нового человека, учительницам было намного сложнее, чем учителям-мужчинам. Вместе с тем они крайне редко вступали в открытые конфликты с местными жителями, находя различные пути для компромиссов. Их постепенному сближению со взрослым населением способствовали школьные праздники, занятия рукоделием, оказание медицинской помощи, работа по совместительству в сельской библиотеке.

Среди учительниц было мало выдающихся педагогических деятелей. Все официально одобренные достижения в российской педагогике и дидактике – «мужские». На плечах женщин лежала рутинная, повседневная, кропотливая работа с детьми. Отразившиеся в документах взгляды мужчин-начальников на труд сельской учительницы не только строги, но и покровительственно-снисходительны. Подчас они не могут и не хотят скрывать восхищения. Однако профессиональные успехи учительниц, их способность устанавливать теплые отношения с детьми, создавать располагающую атмосферу, столь важную для успешной коммуникации и обучения, обычно оцениваются не как результат труда, а как следствие «природной сущности» женщины – терпения, усидчивости, любви к детям, и вообще «приспособленности» к педагогическому труду. Учительницы редко выступали на съездах и совещаниях, мало публиковались в профессиональных изданиях, оставаясь в тени мужчин-коллег. Интерпретируя этот факт, полезно учесть замечание Деборы Таннен о том, что женщины, обладая такими же знаниями, как и мужчины, часто с разочарованием и удивлением обнаруживают, что не имеют особого желания их демонстрировать⁸⁹.

⁸⁹ Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык. М., 2005. С. 335.

КАРЕЛЬСКИЙ Филипок:

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА
СЕЛЬСКОГО ШКОЛЬНИКА

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: куда ты, Филипок, собрался? – В школу. – Ты еще мал, не ходи, – и мать оставила его дома. Ребята ушли в школу. Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на поденную работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашел, взял старую, отцовскую и пошел в школу.

Л.Н.Толстой. Филипок (быль)

Организации школьной жизни в разных регионах России строилась на основе общих принципов. Но в процессе контактирования с окружающим сельским миром, с крестьянской культурой, школа была вынуждена так или иначе адаптироваться к внешним условиям, в результате чего в различных местностях этнически пестрой Российской империи школьная повседневность и содержание «школьного детства» приобретали черты своеобразия. Дети приходили в школу уже с определенным социальным опытом, основами мировидения, заложенными в семье. Этнокультурная специфика и особенности менталитета отражалась на ходе освоения новых социальных ролей в школе.

Подчас в стенах сельских учебных заведений оказывались дети младше установленного школьного возраста. Среди них были те, кого отправляли в школу отцы и матери («чтобы дома не баловались»), но находились и такие, кто принимал решение самостоятельно, и даже вопреки родительской воле, подобно хрестоматийному Филипку. Как бы то ни было, с поступлением в школу в жизни ребенка происходил решительный поворот.

Новый сюжет в российской историографии

Изучение повседневной жизни школы и школьников в России переживает пору становления. Уже опубликован ряд работ, раскрывающих школьную жизнь с позиций социальной истории и исторической антропологии. При этом историков в большей мере привлекает советская школа¹, а предшествующие периоды пока не удостоены столь пристального внимания.

Тем не менее, в самые последние годы появились первые опыты воссоздания школьной действительности рубежа XIX – XX вв. Наиболее предметно и многосторонне тема раскрыта в монографии М. В. Егоровой². Опираясь на подходы, выработанные «историей повседневности», автор обращается к средней (городской) школе Урала XIX – начала XX вв., уделяет внимание быту, окружавшему учеников и учителей, межличностным отношениям, правилам поведения, состоянию школьной дисциплины и здоровья учеников, форме одежды, питанию. Автор анализирует перемены, происходившие в различных сферах жизни школьников, в связи с изменениями экономической и политической ситуации в стране. Городская школьная повседневность – преимущественно вопросы взаимоотношений детей и взрослых – оказалась также в поле зрения А. Б. Лярского и Е. Пашковой, исследовавших проблему самоубийств учащихся³. Таким образом, первые ростки интереса применительно к концу XIX – началу XX вв. связаны с жизнью городской средней школы, бытом провинциальных гимназистов⁴, тогда

¹ *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917–1927. Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; *Келли К.* «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время // Антропологический форум. 1. 2004. С. 104–155; *Леонтьева С.Г.* Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 249–259; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар: Перспективы образования, 2002. В 2 т.; *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007 и др.

² *Егорова М.В.* Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М., 2008.

³ *Лярский А.Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010; *Пашкова Е.* Смерть гимназиста Колышкина // Родина. 2008. № 5. С. 126–129.

⁴ *Бушмаков А.В.* Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2006. № 3. С. 20–29; *Егорова М.В.* Повседневная жизнь...; *Пашкова Е.* Смерть гимназиста Колышкина.

как повседневность сельских школьников, этнокультурная специфика школьной жизни в различных регионах России еще ждет своих исследователей.

Обращение к школьному периоду крестьянского детства представляет интерес уже по той причине, что позволяет понять, как в пространстве школьной повседневности традиция, усвоенная ребенком в семье, соприкасалась с новыми универсальными знаниями и официальными установками, которые несла школа. Какими средствами и методами происходило формирование человека дисциплинированного, с какими ментальными рифами сталкивалась школа в решении этой задачи? Немаловажно установить, как соотносился официально установленный школьный возраст с народной периодизацией детства, а школьные требования и предписания – с традиционными воззрениями на детей, с отведенной им ролью в крестьянской семье. Представляется важным выяснить, как менялся и маркировался статус школьника, и каким содержанием был наполнен отрезок детства, соответствовавший школьному возрасту, у тех, кто оставался за порогом учебных заведений.

«Вступление в разум»: народные представления об одном из критических периодов детства

В соответствии с народной традицией термином «lapset» (дети), «lapšuiš», «lapsusaigu» (детство) в карельском языке обозначался начальный период жизненного цикла, объединявшего младенцев, детей и подростков. Детство начиналось с рождения человека, а его верхним пределом (хотя он и варьировался в отдельных районах от 13 до 16 лет) чаще считалось достижение 15 лет. К этому возрасту дети были обучены всем крестьянским работам, достигали физиологической зрелости, им уже позволялось ходить на беседы и на праздники в другую деревню. По установившейся традиции до 16 лет за поступки детей отвечали родители, а позже наступала по-

ра широкой социальной ответственности человека⁵. Этот возрастной рубеж кореллировал с российской законодательной брачной нормой: нижний возраст для вступления в брак составлял для девушки 16 лет, для юноши – 18 лет.

В крестьянском мировидении детство воспринималось как подготовительный этап к самостоятельной жизни, а семи-восемилетний возраст, выделяется в народной культуре как рубеж в физиологическом, психическом и социальном развитии человека. Считалось, что дети «входят в разум», приобретают более или менее устойчивый характер – все это служило основанием для увеличения требований со стороны взрослых. Семилетние дети допускались церковью к исповеди, восьмой год жизни ребенка считался оптимальным для начала обучения в школе. Этот официально установленный возраст и соответствующее ему начало «школьного детства» были адекватны народным представлениям о стадиях взросления ребенка.

К детям, не достигшим этого возраста, их поступкам в семье относились снисходительно, объясняя поговоркой: «Lapsel on lapsen mieli» (ливв.) – «У ребенка и ум ребячий». В причитаниях по умершему малолетнему ребенку, при обращении к нему, нередко использовалась метафорическая замена «hulluni» (сев. кар.) – «неразумный». О взрослом человеке, ведущем себя по-детски, говорили: «hukustua» (ливв.) (ср. «hukkuine» – «глупыш, несмышлениш»), известна также метафорическая характеристика глупца как человека, наделенного «детским» умом («lapsen mielel on» – «в детском уме находится»; «lapsen mielet on piäs» – «детский ум в голове» (ливв.).

Фольклор, для которого характерна собирательность образов и нечеткость возрастных границ, дает, тем не менее, примеры фиксации возрастных ступеней. В карельской сказке «Дочка Семилетка» говорится об умственном превосходстве семилетней девочки над взрослым человеком⁶. Характерно то, что возрастная граница, безусловно связанная с символикой числа, используется

⁵ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki, 1995. S. 70.

⁶ Карельские народные сказки (Южная Карелия) / Сост. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л., 1967. С. 341–344.

как личное имя, подчеркивающее в данном случае стереотипичность образа.

Биологическим маркером данного возрастного перехода можно считать смену молочных зубов на постоянные, которые прорезывались в 6–8 лет и с которыми связаны народные представления о жизненной силе⁷. Выпавшие молочные зубы необходимо было выбросить за печку с приговором: «Hiirel šittua, minul kuldua» (ливв.) – «Мышке – дерьмо, мне – золото». Поскольку в традиционном мировоззрении мышь олицетворяет хтоническую природу, то получение от нее новых, настоящих (твердых) зубов означало «доделывание» ребенка и признание его человеком.

Вступление в новый возрастной диапазон могло сопровождаться обрядовыми действиями с использованием пуповины, означавшими начало нового жизненного цикла. Пупок, по воззрениям карелов, имеет большое значение для каждого человека, поскольку в таинственной связи с ним находится человеческий разум. Поэтому после того, как пупок новорожденного зарастал, отвалившийся кусочек пуповины не выбрасывали, а тщательно хранили в продолжение всей жизни⁸. Считалось, что потеря этого оберега может

⁷ Грысак Н. К. Разумова И. А. К представлениям о человеке и животном (по северно-русским верованиям и сказке) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 46–60.

⁸ Аналогичное отношение к пуповине в русской крестьянской культуре описано Н. Е. Мазаловой. См.: Мазалова Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 106–107.

привести к тяжелым последствиям: «крянул пуп ребенка, крянул его ум, навек сделал его несчастным»⁹. С 7–8-летнего возраста ребенок переставал носить ладанку с кусочком пуповины – оберег, где, согласно поверью, была сосредоточена «материнская сила», – лишаясь, таким образом, признака прежнего состояния¹⁰.

Народная периодизация детства и связанные с нею обрядовые практики, так называемая система возрастного символизма, выросшая на почве архаического сознания, составляющего основу народного мировоззрения, оказались в какой-то мере созвучными современным научным наблюдениям. Психологи выделяют несколько кризисных периодов, переломных моментов, переживаемых от рождения до юношества и происходящих при переходе от одного этапа психического развития ребенка к другому. Среди них – кризис семи лет¹¹. Швейцарский психолог Жан Пиаже описал микрореволюцию в системе детской логики, происходящую в возрасте около 7 лет в результате прогрессивной перестройки детского интеллекта. Д. Б. Эльконин относил к 7-летнему возрасту кризис мировоззрения, открывающий ориентацию в мире вещей. Современные специалисты по детской психологии подтверждают устойчивость данных феноменов¹². По материалам социолингвистики, именно к этому возрасту заканчивается усвоение базовой структуры родного языка. В современной научной периодизации онтогенеза возрастной диапазон 7–12 лет принято называть вторым (иногда – поздним) детством¹³.

⁹ Лесков Н. Отчет о поездке к олонецким корелям летом 1893 г. // Живая старина. 1894. Вып 1. С. 25.

¹⁰ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 167.

¹¹ Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития. Ред. Реан А. А. 2-е изд. СПб.–М., 2003. С. 40.

¹² Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. С. 151.

¹³ Бочаров В. В. Антропология возраста: учебное пособие. СПб., 2000. С. 38, 42.

Мейнстрим крестьянского детства

Количество сельских школ неуклонно росло, но для многих детей сохранялись разного рода преграды в получении даже элементарного образования: инерция традиции и бедность большей части крестьян являлись существенными препятствиями на пути детей к школе. Учеба не расценивалась крестьянином как труд, а потеря семьей рабочих рук ребенка заставляла считать пребывание ребенка в школе своего рода привилегией. В 1895/96 учебном году в Олонецкой губернии насчитывалось 47 тыс. детей в возрасте 7–14 лет, из них две трети оставались за пределами школы¹⁴. К 1910 г. доля детей, не охваченных школьным обучением в губернии, сократилась до одной трети от их общего числа¹⁵.

Школа обладала определенной притягательностью для детей, создавая устойчивую специфическую среду общения со сверстниками. Учеба была альтернативой тяжелому крестьянскому детству, для которого характерно раннее приобщение к труду и возложение на ребенка ответственности за младших братьев и сестер, обязанности вносить вклад в поддержание хозяйственной состоятельности семьи. В православной крестьянской семье целью воспитания было развитие страха Божьего, покорности родителям, церкви и властям. Однако на первом месте стояло обучение трудовым навыкам¹⁶.

Пересечение нового возрастного рубежа, «вхождение» в разум, приобретение ребенком более или менее устойчивого характера – все это служило основанием для увеличения требований по выполнению им новых социальных ролей. С 7–8-летнего возраста детям поручалось самостоятельное выполнение некоторых видов работ. Для них изготавливали собственные инструменты маленьких размеров: цепы, грабли, косы. К этому возрасту карельская девочка умела доить корову, теребить шерсть, помогала матери или бабушке в ткачестве, перематывая нитки и делая всю мелкую вспомогатель-

¹⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–1896 учебный год. Петрозаводск, 1897. С. 4.

¹⁵ Отчет Олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1909–1910 учебный год. Петрозаводск, 1910. С. 7.

¹⁶ *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 238.

ную работу. С этого же возраста девочки начинали прясть на специальной детской прялке, учились владеть иглой и спицами, а также помогали матери стряпать.

Мальчики к 7–8 годам обычно уже могли вязать невод, им позволяли косить маленькой косой, грести сено, поручали пасти скот, вязать веники. Они занимались также заготовкой березовых листьев, которые в Карелии сушили в огромном количестве и добавляли в корм скоту. Весной по насту мальчики 9–10 лет и старше привозили дрова из лесу, кололи их, приносили в дом. В этом же возрасте они начинали оказывать ощутимую помощь на сенокосе. Труд ребенка 7–8 лет уже мог использоваться не только в своей семье, но и за ее пределами: девочки работали няньками у богатых односельчан или в соседней деревне, мальчики нанимались подпасками. За эту работу дети редко получали деньги, в качестве оплаты их кормили, а иногда давали что-либо из одежды. При одинаковой со взрослыми нагрузке и выработке труд детей оплачивался многократно ниже¹⁷.

В жизни карельских детей условным рубежом был десятилетний возраст (термин «lapsessuskymmen» – означает первое десятилетие в жизни ребенка), после чего начинался подростковый период (keskenkazvuine). В 10-летнем возрасте начиналось освоение сложных видов «взрослых» занятий, в частности, мальчики учились шить сапоги, девочки ткать. Игра с куклой девочки-подростка уже считалась постыдным занятием.¹⁸ Характерное выражение «выбрось детство под лавку!» знаменует требование к ребенку осознать свой меняющийся статус.

На десятилетних детей смотрели как на экономически полезных членов семьи, считалось нормой использование их труда за пределами дома. Работа в качестве казачка, казачихи (kazakku) – наемного работника, выполнявшего самые разнообразные работы – характер-

¹⁷ НА РК, ф. 337, оп. 1, д. 12/460, л. 23–24; Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969. С. 201.

¹⁸ О.А.Кись отмечает магико-символический смысл куклы, состоящий изначально в передаче фертильности от старших женщин рода младшим. Запрет играть в куклы девочкам-подросткам указывает на предполагавшуюся связь между игрой куклами и деторождением. См.: Кись О.А. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. Ред. Н. Л. Пушкарева. М., 2003. С. 160.

ный факт детства конца XIX – начала XX вв. С этого возраста дети, в большей степени мальчики, привлекались к отходничеству. В ближний отход, в пределах своей волости – на работу по найму няньками, пастухами, вязальщиками сетей и т. д., дети отправлялись самостоятельно, без сопровождения взрослых. Более отдаленные перемещения детей (в пределах уезда или губернии) связаны с работой на лесозаготовках, рыбном промысле, на промышленных предприятиях уездных центров и Петрозаводска, со сбором милостыни. Нищенство приобретало значительные масштабы в неурожайные годы, когда жители целыми деревнями покидали свои дома и отправлялись на поиски хлеба в другие селения. Мальчики 10–15 лет вместе с девушками и женщинами составляли в начале XX в. около 20% от числа тех, кто уходил из Беломорской Карелии на заработки в Финляндию, куда отцы и братья брали их «для приучения к разносной торговле, а иные для того, чтобы просто не есть дома зиму хлеб, а прокормиться на стороне работой или попрошайничеством»¹⁹. В 13–14 лет подростки уже широко участвовали в отхожих промыслах.

Для Олонецкой Карелии центром притяжения детской миграции был Петербург, где в большом объеме требовалась неквалифицированная рабочая сила. По разным источникам (архивным, устной традиции) достаточно четко определяется возраст – 10 лет, когда ребенок считался «готовым» к отправке в город. Но по возможности родители предпочитали отсрочить уход ребенка из семьи до достижения мальчиком 12–13, девочкой – 13–14 лет. На столичном рынке труда сложилась специализация выходцев из разных регионов страны. Целые артели петербургских газетчиков состояли из жителей Олонецкого края, традиционно много их было также в торговле. Юные выходцы из Олонецкой губернии нередко попадали в мастерские шапочников, башмачников, шорников, басонщиков, конфетчиков, столяров, портных, имеются свидетельства о работе их в качестве поводырей для слепых. Девочек определяли, в частности, в шапочницы, в башмачницы, в портнихи и в няни²⁰.

¹⁹ Р[оманов]. Сношения архангельских карел с Финляндией // ИАОИРС. 1911. № 7. С. 560–562.

²⁰ Архив КарНИЦ РАН, ф. 1, оп. 2, колл. 155, д. 1, л. 18, 85, 196; Кофырин Н., учитель. Увоз мальчиков и девочек из села Песчаного, Пудожского уезда, в Петербург // ОГВ. 1902. № 47. С. 2–3.

Отправка детей в город, не носила выраженной этнической окраски: она получила распространение как в карельских, так и в русских волостях Петрозаводского и Олонецкого уездов, в Обонежье, была характерна и для губернского центра – Петрозаводска. Этот путь принудительной социализации, приводившей к девиантным формам поведения, вызывал озабоченность прогрессивной части общества. Городское ученичество расценивалось обществом как

серьезный сбой в жизненном сценарии крестьянина. Не случайно усыновителю ребенка-сироты запрещалось отдавать его «в мальчики»²¹.

Утечка детских рабочих рук попадает под определенный контроль властей по мере расширения сети школ в губернии. Учителя писали о ежегодных «эпидемических выходах» учеников из школы в дни Великого поста как о серьезной проблеме школы. Например, из д. Космозеро ежегодно в течение 1898–1908 гг. отправлялись в Петербург около 12% учащихся местного училища. Статистическим бюро при губернской управе в 1900–1902 гг. в Олонецкой губернии было зафиксировано 539 учеников, обучавшихся ремеслам «на стороне» (и это без учета мальчиков и девочек, занятых в промышленности и торговле)²².

²¹ НА РК, ф. 337, оп. 1, д. 11/437, л. 3.

²² Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 161.

Сельская земская школа пыталась дать альтернативу отправке детей в город и оградить их от преждевременного обращения в рабочую силу путем организации обучения ремеслам. На 1 января 1901 г. в 19 из 302 начальных училищ Олонецкой губернии имелись ремесленные классы, велось обучение столярному, портновскому, сапожному, гончарному, кузнечному и переплетному делу. Занимались также плетением из соломы, вязанием сетей. Получило широкое распространение обучение рукоделию, служившее надежным средством привлечения девочек в школу. Тем не менее, проблема детской трудовой миграции сохранялась. Так, в конце первого десятилетия XX в. до 700 учащихся начальных училищ Петрозаводского уезда ежегодно покидали школу, отправляясь в Петербург²³.

Судьбы людей, прошедших «испытание обучением» в Петербурге, складывались по-разному. Те, кому не удавалось адаптироваться, быстро оказывались «на дне» петербургской жизни. Следствием такого «зигзага судьбы» становилось неумеренное потребление алкоголя. Пьянство, прежде не свойственное карелам, проникает в их среду в конце XIX – начале XX в., получая распространение среди молодежи и 15–16-летних подростков, создавая питательную почву для утраты взаимопонимания и преемственности поколений. Однако влияние города на жизнь подростка было неоднозначным. Наряду с такими его проявлениями, как преждевременное обретение новых социальных ролей, девиации, современники отмечали и позитивное воздействие города, выражавшееся в интеллектуальном развитии подростков, расширении их кругозора. В большей мере это относилось к тем, кто поработал на фабриках или заводах Петербурга («потер фабричную лямку»). Вернувшись в деревню, эта немногочисленная часть молодежи уже не расставалась с книгой, составляя постоянный контингент читателей сельских библиотек.

Во всех этих случаях можно говорить об ускоренной принудительной социализации – процессе преждевременного освоения подростком социальных ролей взрослого человека, вынужденного подражания суррогатным моделям поведения, зачастую неразбор-

²³ Земская хроника // ВОГЗ. 1908. № 19. С. 25.

чивого освоения низкопробных образцов культуры. Отправка детей в город, вызванная жестокой экономической необходимостью, приводила к длительному разрыву с семьей и ее можно считать альтернативным видом социализации периода «второго детства».

В условиях, когда капиталистические отношения все глубже проникали в различные сферы жизни, крестьяне убеждались в необходимости обучения детей, но в силу бедности карельская семья, как правило, была неспособна обеспечить полноценную социализацию подрастающих поколений, соответствовавшую потребностям времени.

Возраст от 7 до 10 лет, когда крестьянский мальчик уже «вступил в разум», но физически недостаточно окреп (т.е. отдача от него в трудовой сфере была невелика), создавал тот временной зазор, когда школа могла относительно легко «вписаться» в сценарий крестьянского детства, не нарушая родительских представлений о судьбах своих чад. Это в меньшей мере относилось к девочкам, от которых в домашнем хозяйстве ждали разнообразной помощи, не требовавшей большой физической силы.

Школьная экспансия и новый стандарт биографии

В конце XIX – начале XX в. государственное присутствие в деле воспитания подрастающих поколений в России существенно увеличилось: выросло число детских приютов, появились первые ясли (в том числе и в сельской местности), но особенно стремительно увеличивалась численность школ.

Для Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в. характерно динамичное развитие начального образования. К 1 января 1914 г. здесь насчитывалось 564 русских школ и 187 «иностранческих» – для детей карелов и вепсов. Эти пропорции соответствовали этническому составу населения. В волостях с «иностранческим» населе-

нием к 1914 г. имелось также 12 школ повышенного типа (двухклассных и второклассных).

Срок обучения в карельских школах первой ступени был в 1,5 раза продолжительнее, чем в русских. Он составлял для одноклассных учебных заведений гражданского ведомства 4,5 года, для церковно-приходских школ – 3 года²⁴. В школах повышенного типа продолжительность обучения также была на 1–1,5 года больше, чем в русских, и составляла 6–7,5 лет²⁵.

Темпы роста учебных заведений заметно опережали прирост количества школьников. За 1895–1913 гг. число школ в Олонецкой губернии выросло в 2,25 раза, тогда как количество школьников увеличилось лишь в 1,4 раза. Едва ли эти цифры являются прямым отражением соотношения спроса на школьное образование и имевшегося предложения. Ситуация представляется несколько сложнее. В Повенецком уезде – передовом в отношении народного образования – уже в 1907–1908 гг. не посещали школы лишь 4,4% мальчиков, русских и карелов, вместе взятых (доля неучившихся девочек, тем не менее, была на порядок выше – 52%)²⁶. Здесь успехи были достигнуты в результате создания школьных приютов-общежитий, позволявших удовлетворить потребность в обучении детей крестьянам из многочисленных мелких деревень, где не было собственных школ.

Многие крестьяне забирали своих детей из школы, как только они более или менее овладевали начальными навыками чтения, письма и счета, о чем свидетельствуют многочисленные фактические данные. Статистическая картина была практически идентичной общероссийской ситуации. В 1911 г. школьная перепись показала, что в сельских школах Олонецкой губернии 40% учеников находились на первом году обучения, 47,7% – на втором и третьем и лишь 12,3% посещали школу более трех лет. В целом по России эти показатели составляли соответственно 42,1%; 47,5; 10,4%.

²⁴ Решения были приняты соответственно в 1892 г. и в 1896 г. и мотивировались тем, что при обучении карелов и вепсов требовалось дополнительное время для освоения ими русской речи.

²⁵ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1914–15 учебный год. Вып. 3. Петрозаводск, 1915. С. 4.

²⁶ Состояние начальных народных училищ Повенецкого уезда за 1907–1908 год // ВОГЗ. 1909. № 5. С. 8.

Средний по Олонецкой губернии показатель выбывших до окончания курса в 1912 г. составлял 21%²⁷.

Сколько бы времени не провел человек в школе, в его биографии появлялся новый факт. По мере нарастания «школьной экспансии» социальная действительность детства модифицировалась, возникли такие феномены, как «дошкольное детство» и «школьное детство». Спустя годы учеба в школе стала восприниматься крестьянами не как нечто навязываемое извне, а как средство преодоления социально-неблагоприятной стартовой позиции, нормальный этап жизненного сценария. Был сделан шаг к стандартизации биографий, присущей эпохе модерна.

Ученики и ученицы: православные, старообрядцы, лютеране...

В Олонецкой губернии детские дошкольные учреждения в их простейшем виде начали появляться на рубеже XIX–XX вв. и охватывали незначительную часть детей. Первый опыт общения в формализованном пространстве подавляющее большинство детей приобретало лишь в стенах школы.

Рекомендованный официально возраст учеников начальной школы составлял 8–11 лет, в действительности же начальную школу посещали дети в возрасте от 7 лет до 14, как исключение встречались 6- и 15-летние. Когорты школьников от 8 до 11 лет были наиболее многочисленны, и лишь 15% учащихся выходили за эти возрастные пределы²⁸, в целом по России – почти 28%²⁹.

²⁷ Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в 19 и начале 20 века // Исторические записки. 1951. № 37. С. 66; Школьная статистика. Очерк состояния народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 28, 76–79.

²⁸ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 76–79.

²⁹ Eklof B. Russian Peasant Schools... P. 38.

Подавляющее число начальных школ Карелии были смешанными по составу учеников, в них учились совместно мальчики и девочки. В 1904 г. из 316 начальных школ, состоявших в ведении Олонецкой дирекции, являлись: специально мужскими – 9,2%; специально женскими – 6,6%; смешанными – 84,2%³⁰. Приблизительно такое же соотношение сохранялось и в дальнейшем. Земское издание так комментировало эту статистику:

«Начальное обучение не ставит специальных задач развития навыков, свойственных преимущественно какому-либо одному полу. Наставление в вере, обучение счету, чтению и письму, сообщение важных сведений об окружающем мире одинаково необходимо как мальчику, так и девочке. Поэтому учреждение школ исключительно мужских или исключительно женских было явлением случайного характера...»³¹.

Таким образом, школа формировала принципиально новую модель гендерных отношений, ставя в равное положение, выводя на общее состязательное поле мальчиков и девочек, которым в родительских семьях были отведены строго предначертанные роли.

По данным однодневной переписи МНП 18 января 1911 г., девочки составляли в младших возрастных группах (до 10 лет включительно) около трети всех школьников, тогда как в старших группах их доля резко снижалась и составляла к 14 годам лишь 15%³². Председатель Олонецкого губернского училищного совета так сформулировал проблему, пересказывая идею С. А. Рачинского, известного теоретика церковных школ и религиозно-церковного воспитания детей: «...мы должны позаботиться всеми зависящими от нас средствами об образовании девиц – будущих матерей, воспитательниц подрастающего поколения. Грамотна мать – будет грамотна и семья»³³.

³⁰ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1904 г. Петрозаводск, 1905. С. 21.

³¹ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1913–14 учебном году. Вып. 2. Петрозаводск, 1914. С. 8.

³² Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. С. 76–79.

³³ НА РК, ф. 17, оп. 1, д. 88/1384, л. 13–14.

Для привлечения в школы девочек успешно осуществлялась программа по обучению рукоделию. На протяжении всего исследуемого периода абсолютное и относительно количество школьниц постепенно росло: в 1895/96 учебном году – 24% всех учащихся Олонецкой губернии, в 1913/14 учебном году – 36%³⁴. Карелы и вепсы по сравнению с русскими проявляли больший консерватизм в отношении образования дочерей: в 1912 г. среди русских школьников доля девочек составляла 35%, тогда как в карельской местности – 31%, в вепсской – 23%³⁵.

Иные гендерные пропорции в составе школьников наблюдались в городах Олонецкой губернии, где размещалась основная часть начальных школ повышенного типа. Там к 1911 г. число мальчиков и девочек сравнялось (1071 чел. и 1083 чел. соответственно), что отражает опережающее движение городов по пути модернизации. Гендерный сдвиг в городских школах в сторону увеличения доли девочек был еще более заметен среди представителей карельской национальности. Например, в г. Олонце, где училось немало крестьянских детей ближайшей округи, доля девочек составляла 57% (55 чел.), а мальчиков – 43% (41 чел.)³⁶. Сотрудник олонцкого губернского земства В. Бузин, составлявший ежегодные отчеты по народному образованию, обратил внимание на это характерное для России в целом повышение доли девочек в двухклассных училищах. Современники не могли дать исчерпывающего объяснения этому явлению, усматривая его причины «в особенностях быта и психологии крестьянской семьи»³⁷. Вероятно, многие из этих девочек были на пути к получению профессии учителя или фельдшера, что обеспечивало в дальнейшем их относительную материальную и правовую независимость и имело большое значение в эпоху начинавшейся женской эмансипации.

³⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–1896 учебный год. Петрозаводск, 1897. С. 10; Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1913–14 учебном году. Вып. 2. Петрозаводск, 1914. С. 12.

³⁵ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 31.

³⁶ Там же. С. 76–79.

³⁷ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1915–16 учебный год. Вып. 4. Петрозаводск, 1917. С. 15.

Дети «инославных» и «иноверных» родителей, то есть лиц неправославных вероисповеданий, к которым относились и проживавшие на территории Карелии финны, евреи, татары, поляки, немцы и представители некоторых других народов³⁸, в большинстве своем посещали местные народные школы. Как правило, они слушали и уроки Закона Божьего у православных законоучителей. Съезд инспекторов народных училищ Олонецкой губернии в 1906 г. постановил:

«Желающих учиться в начальных училищах <...> детей инославных и иноверных родителей беспрепятственно принимать в это училище без обязательства слушать Закон Божий у православного законоучителя, и, если инославные и иноверцы пожелают иметь особые, соответствующие их верованиям школы, возбуждать о том перед кем следует ходатайства»³⁹.

Однако в сельской местности ходатайств не появлялось. Школьной переписью 1911 г. были учтены 48 детей неправославного вероисповедания (в основном лютеране), посещавшие сельские школы губернии⁴⁰.

Такая особенность края, как его «зараженность расколом», в какой-то мере учитывалась при организации обучения. Важно было преодолеть негативное отношение старообрядцев к школе, особенно церковно-приходской. В повседневной жизни подчас возникали неординарные, иногда конфликтные ситуации, в результате которых корректировалась тактика школьной работы в старообрядческой местности. В 1898 г. о подобной коллизии сообщил на страницах губернской газеты учитель В. Хазов из д. Карельская Масельга Повенецкого уезда. Учитель взволнованно писал, что, заботясь о чистоплотности учеников, он в гигиенических целях организовал в школе стрижку детей. Это вызвало резкое недовольство родителей. Один из отцов даже жестоко наказал сына, а учителю, «сделавшему из сына солдата», устроил выговор («честил на чем свет стоит»), замечая: «Эта раститель-

³⁸ По переписи 1897 г. они составляли менее 1% населения Олонецкой губернии.

³⁹ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 26.

⁴⁰ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. С. 76–79.

ность (волосы. — О. И.) Богом создана, и ты не должен над ней смеяться, стричь нагладь». Учитель иронично резюмировал, что таких защитников «Божьей растительности» будет непросто сделать культурными людьми⁴¹.

Эта публикация не осталась незамеченной. Спустя месяц в газете появилось ответное письмо учителя из с. Паданы Повенецкого уезда, видимо, опытного педагога, пожелавшего остаться неизвестным. Он резонно замечал, что «стриженная голова еще не указывает

на культурность». Оппонент не ограничился философствованием, предложив практическое решение проблемы в следующем наставлении:

«...не в одной стрижке волос заключается школьная гигиена. Разве трудно учителю ежедневно сказать ученикам, чтобы они причесались? Разве трудно учителю обрезать длинные волосы в кружок? Разве зависит успех школы от того, что ученик выстрижен, а не причесан?».

Подводя итог собственным рассуждениям, корреспондент «Губернских ведомостей» писал: «Лучше избегать всего того, что может восстановить крестьян против школы, тем более осторожно надо обращаться с вековыми, „старыми“ обычаями раскольников...»⁴².

⁴¹ ОГВ. 1898. № 78. С. 2.

⁴² Там же. № 89. С. 2.

Дети старообрядцев обычно оставляли учебу в школе, едва научившись читать и писать, некоторые из них поступали для дальнейшего обучения к старообрядческим наставникам. Олонецкий епархиальный наблюдатель ЦПШ, объясняя сложность работы с такими детьми, отмечал:

«Запрещение и клятва родителей-раскольников на детей служит одним из важных условий, поддерживающих раскол. Бывает, что люди, понимающее ложь раскола, все-таки остаются в нем потому, что родители так благословили»⁴³.

Согласно официальным отчетам старообрядцы редко отдавали детей в церковно-приходские школы: например, в 1896 г. во всей Олонецкой губернии насчитывалось лишь 5 таких школьников, в 1899 г. – 8⁴⁴. Оправдываясь, руководители ведомства ссылались на неполноту учета и недостатки ведения священниками «раскольнической статистики». В школах гражданского ведомства картина была несколько иной. По неполным сведениям за 1904 г., из приблизительного числа 450 детей старообрядцев в Олонецкой губернии посещали школы (в основном гражданского ведомства) около 60 человек. В то же время в Архангельской губернии, где общая численность таких детей составляла 611 (из них 243 проживали в Кемском уезде), школы посещали 145 человек⁴⁵.

⁴³ НА РК, ф. 27, оп. 6, д. 1/11, л. 109.

⁴⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–1896 учебный год. С. 12; Отчет Олонецкого епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Олонецкой епархии за 1899 г. Петрозаводск, 1900. С. 24.

⁴⁵ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10153, л. 14–18.

Крестьянский календарь и школьный хронотоп: становление человека дисциплинированного

Школа, основанная на добровольности обучения, должна была заинтересовать крестьян в обучении детей и создать для этого соответствующие условия. Попытки ввести единые для всех школ сроки начала и завершения учебного года не увенчались успехом⁴⁶ и учителя были вынуждены устанавливать сроки учебного года в зависимости от местных особенностей хозяйственной жизни.

Данные за 1890-е гг. и за первое десятилетие XX в. свидетельствуют, что начинался учебный год в довольно широком временном диапазоне с августа по ноябрь, а заканчивался в марте-июне (во многих случаях сроки определяло сельское общество). Школа приспособлялась к крестьянскому календарю, учитывая деревенские традиции и потребности семей в рабочих руках детей. Например, учитель П. К. Успенский ввел в Туломозерском земском училище дифференцированное начало учебного года: младшие ученики начинали учебу раньше (и учитель мог уделить им максимум внимания при обучении основам русской речи), тогда как старшие ученики в это время еще были заняты сельскохозяйственными работами⁴⁷.

В карельских селениях, расположенных неподалеку от Белого моря, откуда целые семьи ежегодно осенью уезжали на семужьи промыслы, начало учебного года откладывалось на конец ноября. Учителя отмечали, что чем ближе к морю школа, тем короче в ней учебный год⁴⁸. В других случаях экзамены проводились уже в марте, поскольку позже подростки отправлялись с отцами на отхожие промыслы. В дни местных престольных праздников занятия в школах прерывались. Повсеместно ученики не ходили в школу на первой неделе Великого поста. В эти дни полагалось говеть, читать духовную литературу и, по возможности, ходить к исповеди и причастию. Вместе с тем учителя решительно пресекали попытки детей

⁴⁶ В начале 1870-х гг. были установлены единые для всех земских школ Олонецкой губернии временные пределы учебного года: он начинался 1 сентября и продолжался до 15 июня.

⁴⁷ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 9/145, л. 81–82.

⁴⁸ ГААО, ф. 28, оп. 2, д. 26, л. 1.

пропускать занятия в дни деревенских часовенных праздников, число которых в отдельных местностях достигало 30 и более⁴⁹.

В карельской семье ребенка провожали в школу, как и вообще за пределы дома, с молитвой, благословением. В Южной Карелии известен и языческий обряд, применявшийся при отправке ребенка в школу: мать, бабушка или кто-то другой из старших женщин становилась на порог – границу «своего» и «чужого» мира, а ребенок должен был проползти между ее ног⁵⁰. Этот обряд, относится к числу переходных, то есть связанных с изменением статуса, сменой пространства, среды обитания, а также выполняет функцию оберега. Девочка-подросток, впервые отправлявшаяся погостить в другую деревню, или мальчик, уходивший на охоту, также проходили этот обряд. Отправляя ребенка на учебу в отдаленную местность, ему, как и любому отъезжающему члену семьи, могли дать ладанку с землей из подполья и золой из печи⁵¹.

Для того, чтобы ребенок не испытывал затруднений в разговорной речи, над его головой разламывали горячий овсяный хлеб, произнеся при этом слова заговора: «Так же, как этот овсяный хлеб разломится над головой, так прорвется твоя речь». Карелы совершали эти ритуальные действия и при поступлении ребенка в школу, в некоторых случаях детскую голову посыпали крошками хлеба⁵².

«Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно...» – эти начальные строки стихотворения «Приглашение в школу» русского поэта XIX в. Л. Н. Модзалевского⁵³ напоминают о том, что крестьянские дети, как и взрослые, начинали отсчет дневного времени с пения третьих петухов. После третьего «курооглашения», приходившегося на время утренней зари, в крестьянской семье начина-

⁴⁹ НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 2/25, л. 5; ОГВ. 1873. 5 декабря. С. 12.

⁵⁰ При этом женщина произносила слова: «Как мой стыд нельзя сглазить, так и моего ребенка пусть никто не сглазит».

⁵¹ *Линевский А. М.* Карелы // Советская этнография: Сб. статей. М.; Л., 1941. Вып. 5. С. 101.

⁵² *Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä II. Helsinki, 1963. S. 305–306.

⁵³ Стихотворение Льва Николаевича Модзалевского (1837—1896) стало широко известно после публикации в школьных хрестоматиях для начального чтения, выходивших в XIX в. Впервые опубликовано в учебнике «Родное слово» (1864) выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского.

лась активная часть суток⁵⁴. Отправляясь в школу, дети собирались группами: ребенок из дальнего дома «по пути» заходил за товарищами. Тем самым не только расширялась возможность общения, заполнявшего время в дороге, но и обеспечивалась определенная безопасность, особенно необходимая в зимнее время, когда была реальной угрозой встречи с волками.

В стенах школы жизнь ребенка была подчинена новой регламентации, протекала «от звонка до звонка», что можно рассматривать как первый шаг на пути формирования *Homo obligans* – человека дисциплинированного. Однако протяженность уроков даже в 1870-х гг. еще нередко оставалась условной: на съезде земских учителей Олонецкой губернии в августе 1873 г. выяснилось, что во многих школах отсутствуют часы. Приобретение этого принципиально важного для школы механизма впредь значилось в одном ряду с задачей обеспечения школ учебниками. Начало школьных уроков не определялось жестко: допускались его небольшие отклонения в зависимости от местных условий и времени года. Приступать к занятиям рекомендовалось в 8.30 – 9.30 час. утра, а заканчивать их – в 14.30 – 15.30 час. по полудни. За это время полагалось провести 5 уроков, каждый по 50 минут, с десятиминутными переменами. Большая перемена устраивалась после третьего урока и длилась час с четвертью. Часть этого времени отводилась для завтрака («закуски»)⁵⁵.

В школе, где ребенок проводил значительную часть времени, складывался свой пространственно-предметный мир. Крестьянские избы, нанимаемые под школы, в большинстве своем не соответствовали официально принятым стандартам, как по площади, так и по освещению. Эти недостатки устранялись по мере строительства специальных зданий. В начале XX в. все школьные помещения Олонецкой губернии освещались керосиновыми лампами, отапливались печами – русскими и голландками. К этому времени отсутствие вентиляции (форточек или фрамуг), стало уже довольно редким явлением. В новых, специально построенных зданиях, вместо

⁵⁴ Обязательной принадлежностью обстановки в домах крестьян часы становятся в начале XX в. В состоятельных семьях это могли быть настенные часы с боем, прочие ограничивались простейшими «ходиками».

⁵⁵ ОГВ. 1873. 8 декабря. С. 9.

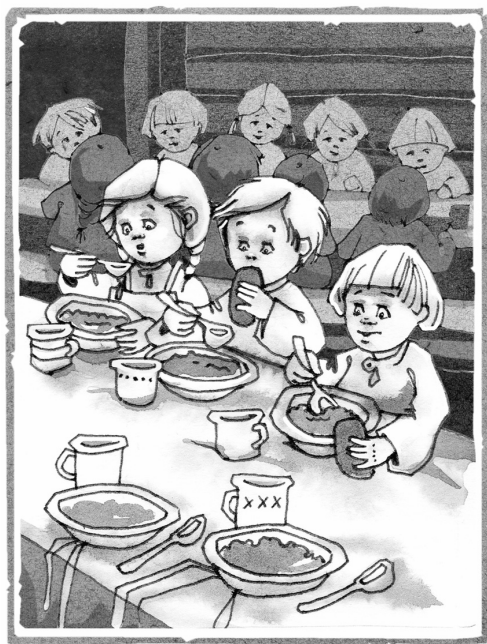
школьных столов, предназначенных на 3–4 человек, стали устанавливать двухместные, созданные по системе Эрисмана⁵⁶. Появились также теплые ретирады-уборные, однако в большинстве же школ эти помещения по-прежнему были холодными и нередко, как и в крестьянских дворах, самого примитивного устройства.

Важным фактором успеха всей школьной работы в крае, страдающем от бездорожья, с преобладанием малолюдных, разбросанных селений стали ученические приюты или общежития. При отсутствии общежития дети, прибывавшие в школу из других деревень, были вынуждены искать приют у местных крестьян. Ниило Марттинен, приехавший учиться из Кивиярви в двухклассную школу в с. Ухта вынужден был четыре раза в год преодолевать расстояние в 90 км.: пешком, на лодке или на лыжах, в зависимости от сезона. В своих воспоминаниях он пишет: «Когда я приехал в Ухту на лодке, зашел в первый дом и сказал: “Я приехал учиться в вашей школе. Можно ли у вас жить?”. Хозяева ответили: “Можешь. Иди на печку спать”»⁵⁷. Обычно с детей-постояльцев не брали плату за проживание, но питание, как правило, они должны были обеспечивать себе самостоятельно. Ответственность за судьбы детей, традиции гостеприимства, взаимопомощи карельских крестьян в определенной мере смягчали проблему размещения школьников из отдаленных деревень, но не решали ее полностью.

С конца XIX века в карельских уездах наблюдался непрерывный рост числа школьных общежитий. По своему устройству и функциям они различались: были как простые ночлежки (с питанием и без), так и общежития типа интернатов, в которых школьники проживали в течение всего учебного года и обеспечивались всем необходимым. В общежитиях проживали учащиеся из деревень, находившихся в радиусе 10–50 верст от школы. В официальных отчетах обитателей общежитий называли «интернами», хотя понятие «интернат» еще не стало общеупотребительным.

⁵⁶ Врач-офтальмолог, профессор Ф. Ф. Эрисман в 1870-х годах определил основные требования к конструкции парты и её размерам (соответствие росту ребенка), разработал модель рациональной парты.

⁵⁷ *Marttinen N.* Uhtuan seminaarin oppilaana vuosisatamme alkukymmenellä // *Karjalan heimo*. 1993. N 5–6. S. 68–69.

В 1900 г. при школах гражданского ведомства в карельских уездах Олонецкой губернии насчитывалось 38 приютов и общежитий. В 1913/14 учебном году там действовали 74 ночлежных приюта, основная часть которых обеспечивала детей питанием, а также 73 общежития интернатского типа. В среднем в одном приюте или общежитии размещалось по 10 детей. Наибольшие успехи были достигнуты в Повенецком уезде, где, по признанию губернского земства, «школа без ночлежного

приюта встречается как исключение»⁵⁸. Церковное ведомство создавало общежития типа интернатов лишь при школах второклассных (готовивших учителей) и двухклассных (в 1910 г. в Олонецкой губернии их было соответственно 1 и 5). В то же время при начальных ЦПШ имелось 10 постоянных приютов и 37 временных, создававшихся на период осенней и весенней распутицы. Всего приютами и общежитиями церковного ведомства пользовались около 500 учащихся⁵⁹.

Довольно строгому режиму был подчинен быт в общежитиях. Здесь стремились «правильно» распределить время, чтобы дети не оставались «праздными и безнадзорными»⁶⁰. Сохранившиеся правила внутреннего распорядка, составленные учителями и школьными инспекторами, дают примеры детальной регламента-

⁵⁸ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1913–14 учебном году. С. 47.

⁵⁹ НА РК, ф. 22, оп. 1, д. 109/1531, л. 62.

⁶⁰ Там же, ф. 240, д. 2/16, л. 39; д. 6/66, л. 35.

ции жизни школьников. Например, в приюте Угмойльской (Эс-сойла) земского училища, предписывалось вставать в 6 утра, приводить в порядок кровати (требовалось перетряхнуть белье, в строгой последовательности сложить постельные принадлежности), умываться и причесываться, чтобы к 7 часам быть готовыми к молитве. За обеденным столом запрещалось находиться более 15 минут. Контролю со стороны учителя подлежали и детские развлечения:

«По окончании уроков, придя в приют, дети должны при-
брать сумки и до 5 часов вечера могут заниматься играми, бе-
седами, чтением внеклассных книжек и т.п. Игры на улице до-
пускаются с разрешения учителя и смотря по погоде. Шалости
в приюте не допускаются, бегать нельзя. Беседы должны со-
стоять из рассказов, прочитанных в школе, из своих воспоми-
наний или о крестьянском хозяйстве. Книги внеклассного чте-
ния могут читать только те, которые позволит учитель. Играть
можно такими играми, которые тоже позволит учитель»⁶¹.

Безусловно, совместное обеспечение детьми своих повседневных нужд в школьных общежитиях способствовало развитию духа това-рищества, коллективизма, и это можно расценивать как положитель-ный фактор. Вместе с тем нельзя однозначно оценивать те социокуль-турные перемены в жизни карельского ребенка, которые влекла за со-бой жизнь в общежитии. К ним можно отнести изменение организа-ции пространства, отчасти – языкового окружения; корректировку ритма жизни и занятий; перемены в социальном статусе ребенка и от-ношении к нему; в нормах бытового поведения и гигиенических на-выках; культуре питания. В целом же школа формировала новую по-вседневность, подчиненную строгому режиму, когда значительная часть жизни ребенка протекала «от звонка до звонка».

⁶¹ Калинина Е. Эссойльской (Угмойльской) школе 110 лет // Север. 2006. № 11–12. С. 186.

Статус ученика и роли школьника

Форменная одежда для сельских школьников не была установлена, поэтому во внешнем облике статус ученика проявлялся не столь очевидно, как, например, у гимназистов. Характерным атрибутом деревенского школьника была схожая с пастушеской холщовая сумка домашнего производства, в которой носили выданные в школе учебники и тетради. Внешний вид новичков и учащихся «со стажем» различался. Школьный инспектор Повенецкого уезда Олонецкой губернии П.П. Николаевский так описал группу учеников, едва поступивших в школу:

«Бегут они в школу нестройной толпой, часто неумытые, непричесанные, в изорванной и не всегда опрятной одежде... Многие буквально не умеют отличить правой руки от левой, не знают своего настоящего имени, не знают названия деревни, в которой живут и т.д. Сделать кое-как крестное знамение почти все могут, но никаких молитв никто не знает. Требовать от таких детей дисциплины или какого-либо порядка невозможно»⁶².

Школа осуществляла целенаправленную и последовательную работу по «окультуриванию» внешнего вида учеников. Учителя вели со школьниками беседы на санитарно-гигиенические темы, требовали опрятности в одежде, проверяли чистоту рук перед началом занятий. К началу XX в. наличие умывальника, полотенец и мыла в школах становится обязательным. По результатам проверки Ведлозерского училища С. Лосев писал:

«Дети стояли в церкви в чистых одеждах. К этому следует добавить, что все девочки-ученицы были в вышитых ими самими русских костюмах»⁶³.

Замечание инспектора говорит о том, что попытки определенной унификации одежды сельских школьников все-таки предпринимались. Здесь присутствует еще одна многозначительная деталь: создание карельской девочкой под руководством учительницы

⁶² Повенец. Очередное земское собрание. Заседание 7 октября // ВОГЗ. 1908. № 22. С. 10.

⁶³ Лосев С. «В Дикой Кореле» // ОГВ. 1902. № 12. С. 2.

русского костюма, который в дальнейшем следовало одевать по торжественным случаям, свидетельствует, что пути и методы «культурной русификации» были разнообразны.

Плохое состояние одежды школьников было наиболее распространенной причиной пропуска занятий. В зимнюю стужу дети нередко не могли выйти на улицу из-за отсутствия теплой обуви или одежды. Неслучайно в начале XX в. пожертвования в пользу школы нередко производились в виде одежды и обуви, иногда недорогих тканей (ситца, кумачу) и кожи. Косвенные сведения о характере одежды школьников можно получить также на основе тех заявок, которые поступали из школ в различные благотворительные общества. Детям требовались валенки, полушубки, башлыки, сапоги, рукавицы, шапки, платки, брюки, рубашки, блузы, юбки и прочее, но ограниченные в средствах общественные организации обычно были в состоянии передать в школы лишь валенки – самое необходимое для зимы. В отчетах учителей о школьных праздниках можно встретить упоминания о кумачовых рубашках, одетых мальчиками по случаю торжества, и столь же скупые сведения о платьях девочек – «опрятных», «разноцветных»⁶⁴.

В определенной степени статус, причастность к группе демонстрировали организованные шествия школьников по деревенским улицам. «Положение о внеклассной подготовке русской молодежи к военной службе», высочайше утвержденное 18 июля 1911 г., предполагало улучшение в школах обучения детей военному строю и создание детских дружин. При таких занятиях дети «вооружались» деревянными ружьями, допускалось использование значков, имеющих вид орденов и других знаков воинских отличий, поощрялось использование русского национального флага. Воинская символика и «взрослая» атрибутика усиливали интерес мальчиков к занятиям такого рода, выводившим детей за пределы привычной повседневности. В дни весенних праздников там, где позволяли условия, устраивались «школьные флотилии» – водные походы на украшенных флагами лодках. Подобные походы обычно сопровождалось пением патриотических песен.

⁶⁴ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9858, л. 1–4.

Праздничные колонны учащихся, школьные флотилии имели магическое воздействие на младших детей, еще не ходивших в школу. Корреспонденция, опубликованная в «Олонецких губернских ведомостях» содержит любопытное описание того, как реагировали на одно из таких событий жители деревни:

«Многие оставляли свои неотложные полевые работы и спешили посмотреть на школьный праздник. Но всего поразительнее было, как дети 4 и даже 3 лет, держа в руках маленькие флаги, шли навстречу шествию и пристраивались к нему. Многие женщины, смотря на эту пеструю картину и видя лица детей сияющими от восторга, плакали, осеняя себя крестным знамением, и сердечно благодарили учителя за устроенную прогулку <... > У многих, можно сказать, явилась в этот момент мысль учить и неотложно учить своих детей»⁶⁵.

Первым официально санкционированным детским праздником, ритуал которого был привнесен в деревню школой, была рождественская елка. Впервые в массовом празднике дети выступали как главные действующие лица. Подарки здесь дарились за демонстрацию какого-либо умения (чтение стихов, пение и т. д.), а зрителями выступали взрослые, в большинстве своем родители (вспомним, что на традиционных деревенских праздниках детям, как правило, отводилась роль зрителей). Похожая субординационная ситуация складывалась и во время «народных чтений» – громких чтоток, устраивавшихся в школах для «широкой публики», на которых учащимся отводилась роль чтецов. Разновидностью новой социокультурной роли грамотного ребенка были домашние чтения вслух, когда в качестве слушателей выступали не только младшие дети, но и взрослые, включая стариков, а также написание детьми писем под диктовку взрослых. В годы Первой мировой войны потребность написать письмо на фронт, прочитать газетные фронтовые сводки заставила многих крестьян и крестьянок не только понять, но и прочувствовать ценность образования.

Крестьянские дети испытывали немалые трудности в процессе адаптации к школьной среде, связанные с привыканием к учителю

⁶⁵ ОГВ. 1898. 3 июня. С. 2.

и новой обстановке. К. И. Дмитриев писал, что при поступлении в школу карельский ребенок испытывает удивление, страх и стеснение:

«... дитя-корел переходит в совершенно новый для него мир, новую для него сферу предметов и явлений, которых он дома не видел и о которых не слышал. Более же всего всматривается в учителя, следит за его движениями, исподтишка меряя с головы до ног, а главное, что учитель и товарищи-ученики говорят на непонятном ему языке...»⁶⁶.

Начинающему учителю рекомендовалось учитывать такое состояние ребенка и приступать к занятиям «слегка, ласково, поинтереснее», чтобы ребенок *полюбил* школу. Для этого предлагалось максимально разнообразить содержание первых уроков: показать картины, предметы, порисовать, посчитать, попеть.

В процессе адаптации дополнительным препятствием для карельских детей было обучение на русском языке. Карельский язык в лучшем случае допускался в качестве вспомогательного средства в первый год обучения, в худшем – и ученикам, и учителю предписывалось говорить только по-русски (применялся «естественный» или, как называли его противники – «немой» метод обучения). По мере овладения навыками русской речи, у детей появлялись новые социальные роли. Старшие дети, сколь-либо понимавшие русский язык, становились помощниками учителя и вели под его руководством занятия с младшими учениками (т.е. применялись элементы Ланкастерской системы обучения). Начинаящий учитель, приехавший в карельскую деревню без знания местного языка, вынужден был общаться с крестьянами, в том числе и родителями учеников, с помощью ребенка-переводчика. Подобная практика – «прибегнуть к толмачу из учеников» – в 1890-х гг. официально рекомендовалась дирекцией народных училищ Олонецкой губернии⁶⁷.

⁶⁶ Дмитриев К. И. О преподавании русского языка в корельских школах // Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1908. С. 171.

⁶⁷ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 8437, л. 9.

Учеба в школе предполагала и перемены в правовом статусе ребенка. Законодательство ограничивало родительскую власть над детьми после их поступления в общественное училище, «начальство которого заступает тогда по их воспитанию место родителей»⁶⁸.

Во власти учительской: розга, крендель и похвальный лист

Статус ученика в определенной степени проявляется через систему наказаний и поощрений. Исключение из школы (а соответственно и потеря статуса) как способ наказания фиксировалось в документах конца XIX–начала XX вв. крайне редко. В случае неуспеваемости дети не переводились на следующий уровень обучения, а оставались «на второй год».

Школьные наказания были, с точки зрения карелов, излишне строгими. Еще в 1872 г. на страницах «Архангельских губернских ведомостей» подверглись резкой критике такие применявшиеся в церковно-приходских школах меры наказания, как стояние в углу на коленях, лишение учеников обеда и наказание розгами. Публичная порка воспринималась карелами как недопустимая мера. Известно, что местные волостные суды практически не использовали в своей практике наказания розгами, поскольку карельский крестьянин не мог допустить такого позора и, по словам современников, «решился бы на самые крайние средства, чтобы избежать этого»⁶⁹. Приступая к работе в карельской местности, русские учителя недоумевали, почему даже по их просьбе крестьяне не наказывают детей, провинившихся в школе. Деспотизм преподавателей, свидетельствовавший о скудости педагогических ресурсов, вызывал у детей страх перед школой, неприязнь к ней и протесты родителей.

⁶⁸ Законы о детях / Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899. С. 41–42.

⁶⁹ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 91.

Напротив, учителя, отличавшиеся «кроткими дисциплинарными мерами», привлекали в школу большое количество детей.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о наказаниях в школе становится предметом внимания как церковного ведомства, так и МНП. Циркуляром Синода от 25 февраля 1891 г. было запрещено применение в школе грубых, жестоких и унижительных мер наказания. Судя по отчетам церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1890-е гг., постановка в угол, на колени, земные поклоны таковыми не считались и находили применение в русской местности. Но в школах карельского края, во избежание оттока учеников, их использовать опасались⁷⁰.

Официальные правила предписывали применять, прежде всего, «меры нравственного влияния», а если появлялась необходимость, наказания должны были осуществляться «в следующей постепенности»:

«Замечание, выговор, строгий выговор в присутствии законоучителя и учителя, в квартире его, строгий выговор перед всеми учениками, при соблюдении торжественности, оставление без места во время урока, стояние в углу, оставление на некоторое время без обеда для исполнения работы, но не для наказания голодом (оставленному учитель дает хлеба), сообщение родителям, устранение от участия в играх с товарищами и исключение из училища после убеждения в полной неисправимости ученика <...> Телесные наказания: таскание за волосы и уши, удары линейкой по рукам, стояние на коленях и сечение розгами никоим образом не допускаются в училище, даже в том случае, если бы об этом просили родители»⁷¹.

В качестве наказания в ЦПШ могло применяться также «лишение удовольствия читать и петь на клиросе и подавать кадило во время богослужения»⁷².

В эти же годы школьное ведомство Финляндии ищет ответ на вопрос о том, стоит ли использовать физические наказания в школе

⁷⁰ Отчет о состоянии церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1891–1892 учебный год. Петрозаводск, 1893. С. 31.

⁷¹ Тарновский А. Об обязанностях учителя начального народного училища. Опыт краткого руководства. Для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896. С. 41–42.

⁷² Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–1896 учебный год. С. 81.

как дисциплинирующую меру. Задача не находила легкого решения. Было немало сельских школ, где физические наказания совершенно не применялись, но на окраинах крупных городов, в заводских районах, других местах проживания рабочего люда физические наказания были нормой в народной школе. На съезде народных школ Финляндии в 1896 г. было предложено использовать опыт Норвегии, где учитель по необходимости мог применять некоторые меры физического воздействия, но следовало получить санкцию дирекции. Однако конкретного решения по этому вопросу так и не приняли⁷³.

К началу XX в., судя по отчетам учителей церковно-приходских школ Карелии, провинившихся уже не секли розгами. Шел постепенный процесс гуманизации педагогики, и такие репрессивные меры, как стояние на коленях и в углу, изживались. И все-таки периодически отмечались случаи физических, унижительных наказаний, вступавших в противоречие с педагогическими традициями карельской семьи. А. Д. Акимова (Бокарева), учившаяся во втором десятилетии XX в. в образцовой школе МНП д. Виданы, вспоминала:

«Учеников наказывали, ставили на колени или в угол, или посреди класса. А кто плохо учился или плохо себя вел, мог и деревянным кубиком по голове получить...»⁷⁴.

Более мягкими были наказания в виде задержания учеников на некоторое время в школе после занятий за пропуски уроков без уважительной причины, порчу классной мебели или книг и другие проступки. Тенденция демократизации отношений между учителем и учениками более ощутимо проявлялась в земской школе, где формировались товарищеские отношения между педагогом и детьми. Однако и здесь статусная дистанция неизменно сохранялась.

Средствами поощрения учащихся служили похвала и одобрение учителя; иногда отличившиеся ученики получали в подарок письменные принадлежности, книги или брошюры. Коллективные поощрения предусматривались в праздничные дни: учителя устраивали чаепития для детей, раздавали крендели, пряники, конфеты. Ученикам, отличившимся в учебе, торжественно вручались похвальные листы и подарки в виде книг или школьных принадлежностей. Вру-

⁷³ Halila A. Suomen kansakoululaitoksen historia. Osa 2. Helsinki, 1949. S. 303–304.

⁷⁴ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН, № 3518. Записи Л.И. Ивановой и В. П. Мироновой.

чение наград старались приурочить к какому-либо школьному празднику, чтобы придать событию наибольшую торжественность.

Подобные официальные публичные церемонии награждения школьников были принципиально новым явлением в деревне. Новым был сам факт награждения детей, их поощрения со стороны властей. Это закреплялось в официальных бумагах, фиксирующих статус ученика и подчеркивавших его отношения с государством. Такие награды – похвальные листы, письма, грамоты – становились предметом гордости семьи, неграмотные отцы и матери бережно хранили их за божницей наряду с другими памятными и ценными бумагами. По окончании школы выдавалось не только свидетельство, но и евангелие в кожаном переплете.

В процессе освоения детьми нового культурного пространства появились особые «школьные» приметы: «Нельзя оставлять книгу раскрытой – все забудешь»; «Хорошо класть раскрытую книгу на ночь под голову – тверже будешь помнить». Выработались и своеобразные способы «защитной магии»:

«чтобы учитель не был сердитым и более щедро ставил отметки, подают ему новое перо, подсыпают соли под учительский стол и стул, читают про себя „Отче наш“»; «чтобы не быть спрошенным, в парту втыкают булавку, находят сушочек на парте, держатся за него и повторяют: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“»⁷⁵.

⁷⁵ ОГВ. 1900. 5 сентября.

Особые детские страхи были связаны с экзаменами. С 1897 г. в церковноприходских школах Олонецкой епархии были введены экзамены в каждом отделении, то есть после каждого курса учебы. Был установлен и более строгий порядок выпускных экзаменов. Отныне письменные работы проходили через пять инстанций: испытательную комиссию, уездного наблюдателя ЦППШ, уездное отделение, епархиального наблюдателя и епархиальный училищный совет. Строгая обстановка экзаменов вела к тому, что в весеннее время в России нередко отмечались случаи детских суицидов. Это явление было в большей мере характерно для старших классов городских средних школ, в первую очередь гимназий. Среди факторов, приводивших к самоубийствам, было умственное переутомление и подорванное школой здоровье, отсутствие взаимопонимания с учителями⁷⁶. В школах Карелии также нередко возникали драматические ситуации, но в целом сельские учебные заведения были менее конфликтным пространством, чем их городские аналоги. Заслуживают внимания рассуждения участкового земского врача Петрозаводского уезда М. Л. Зейлигера. Он написал на основе своих наблюдений за развитием местных школьников докторскую диссертацию, где констатировал:

«Городские школы, как начальные, так и средние, в гигиеническом отношении несравненно лучше сельских, но физическое развитие городских детей <...> уступает физическому развитию детей, которые учатся в сельских школах. Очевидно, влияние деревенской школы полнее, глубже, школа эта влияет благотворным образом на детскую душу, вызывает у детей жизнерадостное настроение, чувство довольства, что так важно для физического здоровья»⁷⁷.

Тем не менее, и в Карелии инспекторы подчас фиксировали крайне низкую явку учеников на экзамены. У местных школьников было принято перед экзаменом класть на ночь под подушку коробочку с пауком, чтобы «увидеть во сне, какой билет достанет-

⁷⁶ Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. С. 116–120.

⁷⁷ Зейлигер М. Л. Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска: Дис. на степень доктора медицины. СПб., 1900. С. 171.

ся», какую отметку поставят. Утром паука надо было выпустить, чтобы не произошло «что-либо нехорошее». Признав вред экзаменов в начальной школе с точки зрения педагогической и медицинской, I Всероссийский съезд по вопросам народного образования принял резолюцию о необходимости их отмены⁷⁸.

Учителя настойчиво искореняли детские суеверия. Важнейшим средством борьбы с ними было посещение церкви. В крупных селениях в дни церковных праздников школьники должны были ходить в церковь в сопровождении учителя. Это правило строго соблюдалось в церковно-приходских школах, а в земских и министерских далеко не всегда, в зависимости от убеждений учителя. Наблюдатель церковных школ писал в 1901 г. в своем отчете:

«По заведенному в школах порядку ученики старшего отделения становились на клирос, где принимали участие в чтении и пении во время богослужения, а остальные учащиеся пели только некоторые церковные песнопения. Во многих школах ученики старшего отделения допускаются по очереди прислуживать в алтарях»⁷⁹.

Религиозная обрядность, церемониал церковной службы, ее зрелищность вызывали интерес детей, способствовали их приобщению к православной вере.

Рождественская елка: детский праздник и общественный смотр школы

Жизнь сельской школы разнообразили праздники, среди которых совершенно особое место со временем заняла рождественская елка. Путь «пушистой красавицы» в школу был тернист: организация

⁷⁸ Резолюция I Всероссийского съезда по вопросам народного образования (22 декабря 1913 г. – 3 января 1914 г.). СПб., 1914. С. 3.

⁷⁹ НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 2/23, л. 17.

новогодних елок подчас становилась камнем раздора между светскими учителями и священнослужителями, преподававшими Закон Божий. Обычай устанавливать к Рождеству новогоднюю елку, пришедший в Россию из лютеранской Германии, вызывал неприязнь Православной Церкви. Святейший Синод неоднократно издавал указы, запрещающие устройство елок в школах⁸⁰. Однако этот яркий, полюбившийся детям праздник постепенно был «освоен» русским светским обществом и с середины 1860-х гг., став обычным явлением не только в городских семьях, но и в городских школах, начал приобретать христианскую символику уже на русской почве.

Устройство рождественских елок в сельской местности становится повсеместной традицией конце XIX в. Открытый для всех жителей деревни этот новый по характеру организации праздник был эффективным средством завоевания школой симпатий местного населения. Он всегда получал поддержку крестьян: сельские общества старались найти средства для этих популярных празднеств, в которых участвовали и дети, и взрослые. Проведение елки было своего рода общественным смотром школы, «народным экзаменом» и требовало серьезной подготовки. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д. П. Мартынов отмечал в 1895 г.:

«...на елки собирается вся деревенская отборная публика: лицом в грязь нельзя ударить, – напротив, надо для поддержания чести и значения училища в глазах общества привести всех в удивление и восторг»⁸¹.

«Елочные» мероприятия в школе строились по специальной программе, учителя готовили сценарий литературно-музыкального вечера. В соответствии с методическими рекомендациями, разработанными столичными педагогами, праздник елки следовало начинать с чтения евангельских глав, рассказывающих о событиях Рождества Христова, и только после этого переходить к его светской части. Литературные легенды также рисовали елку как принесенную ангелами посланницу «Боженьки»⁸². Однако елка в шко-

⁸⁰ Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 126.

⁸¹ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г. С. 21.

⁸² Русская сказка о рождественской елке. СПб., 1882.

ле превращалась в светское мероприятие, преследующее образовательно-воспитательные цели, и имела много общего с обычными литературными вечерами.

В репертуар этого сезонного праздника обязательно входила «зимняя» стихотворная классика, непременно разыгрывались сценки, маленькие пьесы, инсценировалось исполнение песен, русских народных сказок с «зимней» тематикой⁸³. Флажки, фонарики, фигурки животных, персонажей сказок и другие украшения для елки дети готовили под руководством учительниц по специальным выкройкам, в изобилии помещавшимся в приложениях к детским и педагогическим журналам. По почте из магазинов столицы выписывались наборы, куда, согласно рекламным объявлениям, входили «флаги, свечи, подсвечники, обезьяны, птички, масса картонажей, дождь, кометы, звезды и проч.»⁸⁴. Порой празднество сопровождалось устройством фейерверка или проигрыванием пластинок на граммофоне — диковинными для крестьян вещами; в качестве подарков дети получали сладости («бонбоньерки с конфетами») и книжки⁸⁵.

Такие зрелищные и содержательные мероприятия нередко привлекали крестьян широкой округи. Один из учителей, работавших в карельской деревне, так отзывался об этой новой традиции:

«Елка — единственное развлечение для здешнего захолустья, и ее приезжают смотреть из деревень за 20 и 30 верст от училища. Школьный праздник обыкновенно состоит из пения песен и чтения басен и стихотворений, причем главное участие принимают учащиеся»⁸⁶.

Многочисленные «гости», приезжавшие на «елку» из соседних деревень, размещались в семьях родственников, как это бывало в дни больших церковных праздников⁸⁷. Так новшество вплета-лось в ткань культурной традиции, осваивалось в рамках привычных моделей поведения.

⁸³ Душечкина Е.В. Русская елка. С. 183.

⁸⁴ Там же. С. 145.

⁸⁵ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1901 г. С. 42.

⁸⁶ Оленев И. В. Карельский край... С. 111.

⁸⁷ ОГВ. 1903. 20 февр. С. 3.

Педагоги признавали, что подобные праздники радовали детей, привязывали их к школе, поднимали школу в глазах детей и их родителей, благотворно действовали на эстетическое развитие тех и других, создавали хорошие школьные традиции. Особо подчеркивалось значение такого рода праздников для развития навыков чтения и пения. Так, в одном из отчетов дирекции народных училищ отмечалось:

«...мы можем похвалиться, что в большинстве училищ Олонецкой губернии, даже в глухой Кореле [Карелии. – *О.П.*], выразительное чтение положительно процветает, и развитию этого искусства особенно содействуют публичные чтения детей на елках, на народных чтениях и на других школьных торжествах, ибо успехи детей награждаются в таких случаях публичными одобрениями и подарками, а это средство сильное»⁸⁸.

Если учителя земских и министерских школ могли констатировать, что «елки крепко прижились и крепко полюбились детям и самим отцам»⁸⁹, то в официальных отчетах церковных школ Олонецкой епархии беглое упоминание о проведении детских елок впервые появляется лишь в 1912 г.⁹⁰ Годом ранее разразился скандал в Архангельской епархии: учительницы с. Вокнаволоок вслед за детской елкой в ЦПШ разрешили танцы для взрослых, вызвав негодование местного священника Стефана Красильникова⁹¹.

Елка быстро завоевала симпатии деревенской детворы, ее ждали с нетерпением, о ней мечтали. М. А. Круковский, создавший множество ярких образов детства, в одном из своих рассказов написал о том, как новогодняя елка в деревне вышла за пределы школы. После того как детям в школе не устроили праздник, они сами «срубили дерево, обрядили его тряпочками и конфетными обертками и зажгли на нем свечи»⁹². Почитание ели, уважительное

⁸⁸ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г. С. 34, 38.

⁸⁹ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1898 г. С. 22.

⁹⁰ Отчет Олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год. С. 26.

⁹¹ НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 11/161, л. 1, 6, 18.

⁹² Круковский М. А. Своя елка // Мирок. 1914. № 12. С. 354.

отношение к ней в день новогоднего праздника в некоторой мере созвучно карельской языческой традиции создания «карсикко» (памятных деревьев) путем оставления на них приметных знаков, в том числе разного рода украшений.

Официально установленное начало школьного возраста в целом было адекватно крестьянским представлениям о стадиях взросления ребенка и времени его «готовности» к выполнению новых обязанностей. С поступлением в школу в жизни детей начинался новый этап, связанный с изменением среды, правового статуса и социальных ролей. Как бы ни стремилась школа адаптироваться к местным этнокультурным особенностям, в ее стенах складывался иной, изначально формализованный круг общения, пространство повседневного быта детей расширялось и наполнялось новыми предметами и новыми смыслами. Для карельских детей адаптация к школе осложнялась языковым барьером, по мере же овладения русским языком им в определенных ситуациях могла отводиться роль «переводчика».

В отличие от семьи с ее естественной повседневностью, жизнь ребенка в школе протекала в условиях «искусственной повседневности», была подчинена новой регламентации, протекала «от звонка до звонка», что можно рассматривать как первый шаг на пути формирования *Homo obligans* – человека дисциплинированного. Регламентация школьного времени, «жизнь по звонку» вырабатывала отличное от традиционного понимание дисциплины и порядка. У крестьянских детей появлялись дополнительные обязанности и новые права. Школьная гендерная модель ставила в равные условия мальчиков и девочек, которым в родительских семьях были отведены строго предначертанные роли. Для выходцев из беднейших, многодетных семей учеба в школе станови-

лась альтернативой раннему обращению в рабочую силу и расценивалась крестьянами как привилегия.

Статус школьника не вносил радикальных перемен во внешний облик сельских детей, поскольку школьная форма не предусматривалась. Однако менялись правовые основы их существования, в силу того, что часть обязанностей по воспитанию передавалась от родителей к учителям. Особенности статуса школьника специфически проявлялись и в системе поощрений и наказаний. Новым явлением был факт награждения детей, их поощрения со стороны властей похвальными листами, письмами, грамотами. Эти официальные бумаги подчеркивали отношения детей с государством. Ребенок становился главным действующим лицом на школьном празднике, играл заметную роль при проведении «народных чтений». При переходе из класса в класс дети осваивал новые, подчас противоречивые роли (ученик, воспитанник, переводчик для начинающего учителя, учитель грамоты для младших детей в семье и т. д.). Появление общежитий при школах, создавших условия для массового обучения детей, уменьшало возраст выхода ребенка за пределы семьи, дома, привычной для него среды и неизбежно способствовало отчуждению между родителями и детьми, ослабляло прежние семейные связи и усиливало разрыв поколений.

Документы и материалы

№ 1

Письмо наставника Панозерской церковно-приходской школы в Кемское уездное училищное отделение о потребностях школы в мебели и других принадлежностях

30 августа 1895 г.

Покорнейше прошу Кемское училищное отделение найти возможным снабдить Панозерскую церковно-приходскую школу достаточным количеством грифелей (50 шт.), бумаги писчей (1/4 стопы Сумкина № 7), чернильного порошка на бутылку чернил и мыла в кусках до 20 фунтов.

А так как в означенной школе с 1884 г. и до сего времени роль стола играют 4 длинные, тяжелые, грубые доски, годные на подмости, а не для школьных занятий, то еще прошу Кемское училищное отделение походатайствовать перед Епархиальным училищным советом, не найдет ли он средств удовлетворить эту крайнюю нужду Панозерской школы – заменить неудобные 4 доски шестью настоящими классными столами.

Учитель-священник Николай Григорьевич Капорский

НА РК, ф. 342, оп. 1, д. 2/12, л. 73–73 об. Подлинник рукописный.

№ 2

Обращение супругов Лазаревых к директору народных училищ Олонецкой губ. с просьбой принять в дар дом для размещения сельской школы в д. Миккелица Сямозерской волости

4 сентября 1895 г.

Желая ознаменовать высокотожественный день бракосочетания Их Величества Государя Николая Александровича с супругою Александрою Федоровною, покорнейше просим Ваше Превосходительство принять наш дом, состоящий в Петрозаводском уезде Сямозерской волости д. Миккилицах, выстроенный в 1888 г., в каковом доме учредить русскую народную школу в память события.

Смеем предполагать, что таковая в данной местности может оказать услугу для государства в видах развития грамотности в молодом поколении русской Карелии.

Надеюсь на благоволение Вашего Превосходительства, что не будут отвергнуты отказом наши верноподданнические чувства в принятии посильной нашей лепты на алтарь просвещения родных наших захолустьев с русской душою и чувствами Карелии.

О изъявлении Вашим Превосходительством согласия принять для упомянутой цели нашего дома покорнейше просим соблаговолить ответом, ибо для приведения дома в удобное помещение народной школы я приму меры в зиму 1895/96 г. на заготовку местных материалов и отремонтирую к весне.

Крестьянин Петрозаводского у. Сямозерской вол., д. Миккилица
Григорий Иванович Лазарев, Екатерина Тимофеевна Лазарева

Жительство имеем
Выборгской губ.
ст. Сортаплахта,
звание табачный фабрикант

НА РК, ф. 17, оп. 1, д. 33/347, л. 41–41 об. Подлинник рукописный.

№ 3

Из статьи в газете учителя Падмозерского земского училища Петрозаводского уезда о праздновании Пасхи

3 мая 1897 г.

...Рано утром, после божественной литургии, из церкви в училище было устроено торжественное шествие в преднесении святых икон училища. За хором певчих и за учениками, несшими евангелие, следовал местный священник в облачении с трикирием¹ и кадилом в руках. Шествие замыкалось громадной толпой народа, шедшей также в училище...

¹ Трикирий – подсвечник для трех свечей, употр. на архиерейских службах.

Под торжественный звон церковных колоколов дети в преднесении святых икон и евангелия, в сопровождении местного священника идут в свое училище и торжественно поют хвалу воскресшему Господу «Христос воскрес!»». «Воскресения день и просветимся торжеством!» – восклицают десятки детских голосов. Громадная толпа народа идет вслед за детьми из церкви не домой насладиться поскорее приготовленными пирогами, но спешит в родное училище вслед за своими детьми еще хоть немного понасладиться «сего духовного и светлого торжества». В училище священник отслужил последний молебен в присутствии учеников и народа. В числе народа можно заметить и раскольников... Затем следовало христосование учеников со священником и учителем, христосовались с детьми и некоторые из присутствовавшего народа.

Учитель Н. Кенорецкий

ОГВ. 1897. 3 мая.

№ 4

**Из обращения учителя Вохтозерского одноклассного училища
К. И. Дмитриева кдиректору народных училищ
Олонецкой губернии об оказании материальной помощи
школьному приюту**

16 августа 1898 г.

Вверенное мне Вохтозерское одноклассное МНП образцовое училище находится в Вохтозерском приходе Петрозаводского уезда. Это самый беднейший приход Олонецкой епархии, находящийся в северо-западном углу Петрозаводского уезда, близ финляндской границы, открытый в 1879 г., населенный карелами...

Первое время число учащихся в школе не превышало 12–15–17 человек ежегодно – и неудивительно, ибо школа в Вохтозере тогда являлась как бы новинкой, ко всякой же новинке наш кореляк² привык от-

² Карел.

носиться недоверчиво; к тому же школа в первое время существовала исключительно для одного погоста...; жители же прочих деревушек прихода в силу неблагоприятно сложившихся местных условий, а именно: недавнего еще существования прихода, церкви и причта, отдаленности от школы, неудобства путей сообщения, а главное – крайней грубости и бедности своей, – не имели возможности, а иные и просто не находили удобным обучать своих детей грамоте. Только более зажиточные крестьяне, которых в нашем приходе весьма мало, «пробовали» обучать своих сыновей и для них это обучение было, можно сказать, великая жертва – приходилось платить за сына в Вохтозере 3 руб. в месяц или 25 руб. в год, что для нашего крестьянина составит большой капитал.

При желании, чтобы хотя малая искра просвещения проникла даже в эти отдаленные уголки нашего края, я, прежде всего, решил изыскивать средства дать возможность беднякам-родителям из сих деревень обучать их детей во вверенной мне школе. С этой целью я еще в 1883 г. обратился в Петрозаводское уездное собрание с ходатайством о пособии для содержания бедных учащихся, но собрание отказало в этом.

Только в следующие года Петрозаводское земство смогло выделить такое пособие беднейшим ученикам из отдаленных деревень по 20 фунтов на человека муки ежемесячно. Но это ничтожное подаяние не давало полного обеспечения бедняку-школьнику на все время учения – напротив, развило нищенство. Малютка-ученик, получив 20 фунтов муки, съедал их в сухомятку в каких-нибудь 2 недели или же отдавал своим бедным родителям, а сам все же питался Христовым именем в том же бедном Вохтозере, побираясь по дворам в то время, когда его сотоварищи-ученики сидели в школе и учились.

В это же время я по слухам узнал о благотворителе, Санкт-Петербургском 1-й гильдии купце Василии Тимофеевиче Максимове, который в то время много помогал крестьянам своей родины д. Гомсельги Кончезерского общества, в 70 верстах от Вохтозера. Не зная лично человека и даже адреса его в Петербурге, я написал «в Санкт-Петербург Василию Тимофеевичу» письмо с просьбой оказать пособие школьной нищете, описав при этом горемычное житье-бытие малого бедняка. Добрый человек щедро откликнулся на мой призыв и послал на 15 человек теплой одежды, обуви и всего необходимого для столовой.

С тех пор он не переставал покровительствовать и ежегодно, каждый раз на мое заявление, посылал пожертвования то одеждою и обувью, то деньгами и мукою. Так что в тяжкие годы неурожая в 1891–92 году, благодаря его щедрости, бедняки имели сытный кусок хлеба и приличное одеяние...

[В.Т. Максимов] собрал в среде санкт-петербургского купечества 460 руб. в пользу бедняков-школьников Вохтозерского училища, кои и переслал в мое распоряжение. Деньги эти я нашел удобным поместить в сберегательную кассу при губернском казначействе по книжке № 2998, откуда и расходовал по мере крайней нужды в доме призрения бедняков и содержания столовой.

Обеспечив существование бедняка-школьника на время учения открытием столовой я, между прочим, имел в виду улучшить и саму жизнь сего бездомного горемыки вне родительского крова. Квартировал этот малютка в Вохтозере у таких же бедняков-вохтозеров, как и его родители, в грязной дымной лачуге (конечно, Ради Христа). Сидит, читает что-нибудь – под носом дымится лучина, пописать вздумает – бумагу на лавку, а сам на пол... Сидит на голом, грязном полу, прикрытый своим дырявым кафтанишко, кулаченко под головой... Не приученный в родной семье к опрятности, он, как встал утром, неумытый, весь в саже бежит в школу. Придет из школы и целый-то остаток Божьего дня он проводил на улице с палкой в руках с такими же вольными ребятишками, как и сам, некому за ним было присматривать: мать далеко, да он ее почему-то и не боится, чужим же до него дела нет – своих ребят полная печь...

Видел я все это, жалко бедного мальчика, знаю, отчего являются все недостатки, болело сердце при мысли, что при таких условиях жизни недобрый выйдет член семьи и общества. Я искал средства осуществить свое намерение – устроить для сих бедняков-школьников общежитие близ училища, чтобы своим влиянием подействовать на необузданное дитя... Начальство отнеслось к сему с полнейшим одобрением и изъявило согласие на постройку дома близ училища на училищной же земле, о чем я сразу же уведомил в Петербург Василия Тимофеевича, представив при этом и смету расходов на постройку дома в 1200 руб., каковые В.Т. и поспешил выслать в мое распоряжение. Добрые крестьяне Вохтозера

на мою просьбу отпустить безпопенно³ из их лесного надела 500 концов бревен, принимая во внимание мою долголетнюю службу в их селе учителем, постановили удовлетворить просьбу...

К общежитию принадлежат устроенные на местные средства баня и службы: ледник, амбар, хлева с сеновалом, отхожее место и каретник. Все это – жертва благотворителя, принадлежит училищу, как недвижимое имущество, и находится в непосредственном заведывании заведующего училищем и под присмотром особой прислуги, проживающей в общежитии... В общежитие приобретено 14 железных кроватей со спальными принадлежностями, 4 стола и несколько табуретов, 3 висячих лампы «молния», часы и многие другие хозяйственные обиходные принадлежности; из инструментов же – токарный станок, 2 верстака и на 50 руб. стругов, стамесок, пил и т. п. ...

Наличный состав семьи общежития в селе 1898 г.: 2 прислуги, 13 человек сирот-учащихся и 5 четырехлетних детей-нахлебников из приюта «Ясли» в Петрозаводске – всего 20 человек. Одеваются ученики-сироты в одинаковую форму: блузу, подпоясанную кожаным ремнем, в такой материи шароварах, заправленных в сапоги из черной кожи, а зимой поверх – дубленые полушубки, которые ученикам в собственность не отдаются. Все это по моей просьбе присылал В.Т. Максимов. Белье дети-питомцы имеют свое – не менее трех пар.

Распределение времени в общежитии таково:

Утром все встают в 5 часов, в 7 часов – завтрак: хлеб с чаем, в 8 часов идут на занятия в училище, в 12 часов обедают, с 2 часов до 4 часов – гуляют, с 4 до 6 часов – занятия ручным трудом, с 6 до 8 часов готовят уроки, в 8 часов ужинают и в 9 часов ложатся спать. На каждый день назначается «очередной».

Пища: в понедельник, вторник, четверг, субботу – уха из свежей или сухой рыбы и каша со скоромным маслом, в среду и пятницу – горох или картофель, да уха, по воскресным дням и праздникам прибавляется стряпня деревенская, а иногда варится мясо. Утром – чай с молоком.

Рукоделие: плетут из рогожки веревки, а из этих сшивают разной формы ковры, из ивы делают разного рода цветочные корзины, из дерева производят ножом и столярными инструментами

³ Попенная плата – лесная подать, налог на вырубку леса.

разные мелкие вещи: топорища, грабли, рамки, ящички, фонари, полки, аршины, табуретки, мотушки и т. п., из нитей вяжут сети.

Вообще ручной труд введен, главным образом, не с промышленной целью, а с целью воспитать в этом отношении мальчика: приучить его к труду, развить навык руки и глазомер, познакомить с употреблением таких инструментов, как, например, циркуль, наугольник, рейсмус⁴, малка⁵, струг, пила и т. п. Все это познание со временем пригодится в жизни сироты и, быть может, доставит ему насущный заработок. В виду сего весьма желательно, чтобы каждому питомцу общежития, окончившему полный школьный курс учения на память выдаваемы были струг, пила, стамеска и коловорот с шестью пёрками⁶ – всего на 3 рубля.

Учитель Вохтозерского МНП училища Козьма Дмитриев

НА РК, ф. 17, оп. 1, д. 35/361, л. 7–14. Подлинник рукописный.

№ 5

Из корреспонденции в газете об организации народных чтений в Ведлозерском земском училище Олонецкого уезда

23 мая 1898 г.

...Для народа, для учащихся и не учащихся еще маленьких детей в Кореле⁷ народные чтения служат настоящим праздником. Маленькие дети, только что умеющие говорить, уже не остаются дома, а просятся у матерей в школу на чтение, многие женщины приходят с детьми на руках. Теперь народ знает школу и имеет

⁴ Рейсмус или рейсмас – инструмент для проведения на заготовке разметочных линий, параллельных выбранной базовой линии.

⁵ Малка – ручной инструмент, предназначена для быстрого перенесения необходимого угла с одной рабочей поверхности на другую.

⁶ Пёрка – сверло разных форм, вставляемое в коловорот.

⁷ В Карелии.

что-то общее с нею! В настоящее чтение все классные комнаты были битком набиты народом и народ благодарил очень учителя и законоучителя за устройство чтения, а детей очень хвалил. Многие из крестьян подходили к учителю и пожимали ему руку, чего еще раньше не бывало. Уходя домой, многие спрашивали: «Будет ли еще такой хороший праздник в училище?»».

Учительница Е. Захарова

ОГВ. 1898. 23 мая.

№ 6

Сведения Кемско-Александровского наблюдателя церковно-приходских школ о состоянии учебных помещений в начале XX в.

14 июня 1900 г.

В отчетном году 15 школ (Сороцкая заводская, Ухтинская, Вокнаволоцкая, Олангская, Керетская, Умбская, Варзугская, Тетринская, Понойская, Сонгельская, Кильдинская, Пазрецкая, Кемская заводская, Бабьегубская и Ловозерская) помещались в отдельных зданиях.

Кандалакшская, Кашкаранская, Чаномская, Тихтозерская, Поньгамская, Пильдозерская, Териберкская и Гавриловская – в причтовых домах.

Нюхотская, Панозерская, Кестенгская, Колежемская, Надвоицкая, Летнерецкая, Калгалакшская, Чаванская – в наемных квартирах.

Тунгудская, Подужемская и Ковдская – в комнатах при волостных правлениях.

Баркинская – в доме монастыря, Лапинская – в церковной трапезе. Из всех школьных помещений не более девяти соответствуют своему назначению, а прочие признаются совершенно неудовлетворительными не только для учебных целей, но и в гигиеническом отношении. Для иллюстрации сказанного достаточно указать на такие, например, стороны неблагоустроенных школьных поме-

щений, как крайний недостаток чистого воздуха, вследствие чего учащиеся с опасностью для здоровья должны даже зимой отворять дверь из класса, чтобы хотя несколько освежить в нем воздух. Вследствие недостатка чистого воздуха наблюдались также болезненные явления у учеников, выражавшиеся у них головокружением и тошнотой во время занятий (в Нюхотской школе).

Что касается квартир для учащихся, то большинство их также не удовлетворяет даже самым скромным требованиям гигиены. Классная обстановка во многих школах не вполне благоприятна для успехов обучения вследствие отсутствия в школах надлежащей классной мебели, причем в одних школах наблюдается полное отсутствие ее, в других недостаток ее. Так, в Тунгудской школе учащимся приходится заниматься за крайне неудобными для письма и могущими вызвать у учащихся известные болезненные изменения в организме партами. В Пильдозерской и Ковдской школах парты заменяют плохо сколоченные грубой работы столы и скамьи. В некоторых школах нет даже библиотечных шкафов.

Кемско-Александровский наблюдатель священник Василий Мелетиев
НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 2/23, л. 3 об.– 4. Подлинник.

№ 7

Из отчета заведующего Кондокской миссионерской церковно-приходской школой о роли учебного заведения в воспитании населения

10 декабря 1901 г.

Кондокский приход составляет обширное поле для церковно-школьного просвещения, все насельники его стараются дать своим детям хоть какое-нибудь образование: одни из родителей дома обучают детей, другие посылают их в школу, третьи, наконец, не пренебрегают и финской, хотя и православной, школой. Последняя находится в д. Куйвозере Улеаборгской губернии, в 20 верстах от приходской школы (д. Куйвозере причислена к составу Кондоковского прихода, но

состоит в заведовании 2-го походного финляндского священника). Такое похвальное усердие прихожан к обучению своих детей вполне будет понятным, если принять во внимание то, что большая часть прихожан Кондоковского прихода почти постоянно проживает вне прихода «на чужой стороне», где неграмотному «мало ходу» и трудно вести хоть какое дело, тем более, что большинство отсутствующих занимается разносною торговлею, для производства которой грамота необходима. Но и при таком похвальном усердии к обучению своих детей прихожане далеко не все могут пользоваться услугами школы. Это зависит, во-первых, от раскиданности прихода на порядочное расстояние, например, д. Костомушка очень удалена от церковно-приходской школы – на 40 верст и, во-вторых, бедность многих прихожан парализует их усердие к обучению детей. Учащихся в Кондоковской миссионерской школе в сем отчетном году 19 человек обоего пола...

Кондоковская церковно-приходская школа именуется «миссионерской», а потому деятельность ее носит миссионерский характер, именно: она приучает ученика к хождению в церковь, к исполнению христианского долга исповеди и св. причастия и к другим христианским обычаям. В этом отношении школа принесла громадную пользу, особенно жителям д. Бабыя Губа, в которой она и находится...

Вспоминаю 1894 год, когда я прибыл на служение сюда. Время было летнее, рабочее, а поэтому я никем, кроме псаломщика, не был встречен... Наступило воскресенье. Я, приготовившись к служению, отправился в церковь. Богомольцев было около десяти. После службы иду домой: на улице ни души, хотя дома на пути были битком набиты людьми. После я узнал, что народ собрался посмотреть на меня, но только не в церкви, как бы следовало, а из-за угла...⁸ А теперь народ уже не прячется от меня, даже малые ребята и те всегда бегут за мной. И церковь за богослужением,⁹ кроме осеннего времени, не пустует. В двенадцатые праздники⁹, в великий пост и особенно в последующие дни страстной седмицы, во святую Пасху она полна народом...¹⁰ Все это сделала шко-

⁸ Отточие документа.

⁹ Двенадцатые (двунадесятые) праздники – двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии. Посвящены событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы.

¹⁰ Отточие документа.

ла! Содействуя развитию православия в приходе, школа облагораживает и местное население, приучая его к скромности, порядочности и вежливости. Крестьянское население... сочувственно относится к школе. Самое школьное здание было устроено из крестьянского леса и с затратою свыше 100 руб. их денег. И теперь оно выплачивает жалование сторожу и платит страховой взнос.

Заведующий Кондокской миссионерской школой
священник Кондоцкого прихода Александр Меньшиков

НА РК, ф. 411, т. 1, д. 3/29, с. 66–66 об, 76. Подлинник.

№ 8

Письма жителей России священнику А. Меньшикову об отправке денег голодающим школьникам Кемского уезда

7–23 января 1903 г.

г. Ярославль

7 января 1903 г.

Ваше Преподобие!

Прочитав в газете Вашу просьбу о помощи учащимся детям с. Ухты, я обратился к своим знакомым и собрал 30 руб., которые и посылаю Вам для закупки хлеба для учеников вашей школы. О получении не откажите уведомить меня для оправдания моего перед жертвователями.

Прося Вашего благословения, имею честь быть Вашим покорнейшим слугой.

Воропай

Адрес: г. Ярославль. Набережная р. Которосли,
д. Несытова. Игнатию Михайловичу Воропай.

Иваново-Вознесенск

10 января 1903 г.

Его Преподобию Отцу Александру Меньшикову, священнику с. Ухты.

Милостивый государь!

Прочитав в газете «Северный Край» о нуждах, претерпеваемых учениками заведваемой Вами Бабьегубской школы, покорнейше прошу Вас принять (от неизвестного) прилагаемые при сем 10 руб. и употребить их по Вашему усмотрению на нужды учеников упомянутой школы.

При пожелании Вам успеха в Вашем добром деле, пребываю с глубоким уважением к Вам.

Г.

г. Спасск, Казанской губ

23 января 1903 г.

Ваше высокоблагородие, из газет видно, что в прошлом году родную Вашу местность посетил великий неурожай хлеба, поставив прихожан в безвыходное положение, а тем более детей – учеников Вашей школы. Разделяя Ваши чувства к детям-карелам, прилагаю 10 руб. на покупку насущного хлебца. Милостью Господа прошу Ваших молитв и благословения, накормите детей, жаждущих света¹¹.

Сын крестьянина Александра Смородинова

НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 5/60, л. 46, 61, 66. Подлинники рукописные.

№ 9

Из отчета учителя Мининского одноклассного сельского училища Кемского уезда за 1903 г. о жизни школьников в общежитии и работе ремесленного класса

Не ранее 20 мая 1903 г.¹²

Продовольствие интернов производится по особому расписанию, составленному советом училища и оно таково: утром –

¹¹ Всего школе было прислано 506 руб. 26 коп. (Там же, л. 1 об.)

¹² Датировано по содержанию.

чай с выдачей порции хлеба на каждого, в 12 часов дня – обед, состоящий из двух блюд, в 5 часов вечера каждому интерну выдается по ломтю хлеба и вечером ужин, состоящий из тех же блюд, как и обед. Как утром, так и вечером ежедневно бывает общая молитва под присмотром одного из преподавателей, в конце которой все учащиеся коленопреклоненно поминают основателя училища. Интерны и своекоштные¹³ воспитанники помещаются в двух просторных комнатах, мальчики и девочки отдельно. Во время сильных зимних холодов, а также в осеннюю и весеннюю распутицу, когда весьма трудно переправиться через озеро, в ночлежном приюте при училище живет до 30 учащихся.

После обычных занятий в классах, ученики по 2 часа работают в сапожной мастерской, в свободное от занятий время учащиеся проводят на открытом воздухе. С 5 часов до 8 часов вечера все учащиеся занимаются приготовлением своих уроков. В праздничные дни все учащиеся посещают храм Божий.

Ремесленный класс.

Ремесленный класс с квартирою мастера помещается в особом флигеле. Курс обучения сапожному мастерству, как и в училище, четырехгодичный. Все учащиеся подразделены на четыре группы, сообразно своим способностям и умению работать, а не по успехам в учебных занятиях.

За отчетный год собственно учениками под руководством мастера сшито новой обуви из училищного материала для интернов 8 пар сапог и 6 пар головок..., а посторонним лицам за это же время – до 25 пар сапог и 6 пар башмаков, ... и кроме того до 10 пар рукавиц...¹⁴

НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 2/16, л. 39–40. Подлинник рукописный.

¹³ Своекоштные – содержащиеся на своем пропитании.

¹⁴ Подпись отсутствует.

**Из статьи в журнале заведующего церковно-приходской школой
«Школьный праздник в с. Обжах Олонецкого уезда»**

28 декабря 1904 г.¹⁵

Недели за две до отпуска на рождественские каникулы заведующий Обжанской церковно-приходской школой сказал своим ученикам: «дети, я для вас устрою на святках праздник и елку», нужно заметить, что в с. Обжах, в этом дико-карельском уголке «об елке» не только дети, но и взрослые не имели никакого понятия, но все-таки дети предчувствовали что-то хорошее и веселое, до самого вожделенного дня частенько вспоминали и радовались. Заданные им стихотворения, басни, народные гимны и пение, предназначенные на елку, дети разучивали весьма скоро и охотно.

Но вот пришло желанное время. Наступил вечер 28 декабря, дети уже собрались вокруг своей школы, приехали ученики и ученицы из Сармягской школы (6 верст) со своими родителями и соседями. Народ кучками торопливо бежит в школу, особенно молодежь. Когда вошли в классную комнату, елка была закрыта от любопытных взоров занавесью.

По предварительно составленной программе, заведующий приветствовал всех собравшихся с праздником Рождества Христова и пояснил: как следует по-христиански проводить святки. Ученики и присутствующие пропели тропарь¹⁶ и кондак¹⁷ праздника, а ученик П. Фофанов рассказал историю Рождества Христова. Далее учитель Мегрецкого земского училища М. Д. Яковлев показывал туманные картины: вдруг дивно-величественно явился 1) портрет Государя Императора. Ученики пели: «Боже, Царя храни...» 2) 2 раза. 2) портрет Государыни Императрицы. То же – 1 раз. 3) Чтение «Призвание князей и крещение Руси» 9 картин – Читал заведующий. 4) Русско-японская война. – 10 картин с пояснением. 5) Порт-

¹⁵ Датировано по содержанию.

¹⁶ Тропарь – молитвенные стихи и песнопения православной церкви в честь какого-либо праздника или святого.

¹⁷ Кондак – жанр церковной византийской гимнографии.

рет Государя Императора. Пели: «Спаси, Господи».... и гимн «Славься, наш Русский Царь»... 6) Чтение «Сколько нужно человеку земли» – 8 картин. Читал учитель Яковлев. Чтение закончилось, дети и присутствующие вышли из комнаты прохладиться.

В это время была открыта и освещена елка... вся она светилась многочисленными огнями разноцветных свечей, которые мерцали, словно Божьи звездочки, переливаясь по нитям серебра, бус, хлопушек, золоченых орехов и побрякушек; вся-то она была увешена гостинцами, блестящими бабочками, коньками и птичками. Когда вошли в комнату, дети и взрослые стоят изумленные и любуются невиданной доселе красотой чудной елочки. Потом пропели: «Многие лета... », ученики в лицах прочитали басню: «Два мужика: Егор и Фаддей». Бывший ученик А. Ретров читал стихотворение: «Зимний вечер» на карельском языке: далее 2 ученика читали в лицах: «Два мужика из Ростова», а ученик В. Никитин стихотворение: «Всенощная в деревне».

В заключение пропели многолетия благотворителям и попечителям школы, на средства коих устроен был сей школьный праздник, а также и г-ну председателю Олонецкого уездного земства, который разрешил воспользоваться земским волшебным фонарем, что доставило великое удовольствие и нравственно-поучительную пользу темному люду. Детям всем выдано было по патрону гостинцев и шерстяному пояску, а девочкам еще по шелковой ленточке.

Наконец, воодушевленные видами русско-японской войны и невзгодами там нашего русского многострадального воина, присутствующие учинили сбор добровольных пожертвований «в пользу больных и раненых воинов в войне на Дальнем Востоке» и собрали 3 руб. 10 коп. Елка была погашена, с выражением глубокой благодарности устроителям. Дети радостные и веселые вместе со своими отцами, матерями и соседями, бывшими на елке, отправились по своим домам.

Заведующий школой священник Петр Тихомиров

ОЕВ. 1905. № 2. С. 63–64.

№ 11 **Расписание уроков в Виремском сельском народном училище**

1905 г.

Уроки	Часы	Отделения/ классы	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
1.	С 9 до 10 час.	II	Чтение	Арифметика	Письменное изложение	Арифметика	Арифметика	Письменное изложение
		I	Письмо	Арифметика	Чтение	Чтение	Арифметика	Чтение
2.	10 час. 10 мин. до 11 час. 10 мин.	II	Письмо заученных стихотворений	Чтение	Арифметика	Чтение	Письмо с книг	Арифметика
		I	Чтение	Письмо	Арифметика	Арифметика	Чтение	Диктовка
3.	11 час. 10 мин. — 12 час. 20 мин.	II	Чистописание	Письменное изложение	Чистописание	Диктовка	Чтение	Диктовка
		I	Чистописание	Чтение	Чистописание	Диктовка	Письмо	Диктовка
4.	1 час. — 2 час.	II	Закон Божий	Закон Божий	Закон Божий	Чтение по-славянски	Чтение по-славянски	Пение
		I	Закон Божий	Закон Божий	Закон Божий	Чтение по-славянски	Чтение по-славянски	Пение
5.	2 час. — 3 час.	II	Закон Божий	Закон Божий	Закон Божий	Пение	Грамматический разбор	Пение
		I	Закон Божий	Закон Божий	Закон Божий	Пение	—	Пение ¹⁸

НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 2/25, л. 35 об.—36. Подлинник рукописный.

¹⁸ Подпись отсутствует.

№ 12

Из доклада Олонецкой земской управы в очередное уездное земское собрание о проведении в земских училищах занятий по сельскому хозяйству и рукоделию в 1905–1906 учебном году

Не ранее 11 мая 1906 г.¹⁹

В отчетном году... в большинстве училищ велись занятия рукоделием...

Преподавание велось по программе, разосланной земской управою в 1904 г. Все преподающие старались, по мере своего умения и с тем материалом, который находился в их распоряжении, выполнить положенное по программе. Образцы ученических работ доставлены в управу и будут предъявлены на обозрение земскому собранию.

Управа старается насколько возможно шире развить это полезное занятие в школах. В текущем году она снабдила всех учительниц земских школ, занимающихся рукоделием руководством для обучения этому предмету г-жи Каблуковой. Материалы для занятия рукоделием приобретаются для земских училищ на счет земства.

Учителя министерских училищ и тех немногих земских, при которых имеются земельные участки, ведут в нешироких конечно размерах хлебопашество, огородничество, садоводство, пчеловодство и некоторые другие сельскохозяйственные занятия. Помимо приносимой ими, весьма заметной в скудном бюджете народного учителя материальной пользы, занятия эти являются весьма полезными и для окружающего населения, которое не только совершенно незнакомо с пчеловодством и садоводством, но даже весьма мало знакомо с огородничеством. В северных волостях уезда, например, только недавно начала распространяться капуста, а таких овощей как свекла, морковь, большинство крестьян совершенно не знает. Между тем наличность овощей являлась бы громадным подспорьем в незатейливом крестьянском столе. В этом смысле занятия учителей по разведению растений и овощей, как ознакомляющие население с огородничеством, являются весьма полезными и желательными. Училищный совет высказал пожелание, чтобы учи-

¹⁹ Датировано по содержанию.

телям была дана возможность пополнить запас знаний по сельскому хозяйству путем командировки их, в каникулярное время на сельскохозяйственные курсы, что обходится очень недорого...

Председатель²⁰

Члены: Як. Кузнецов
И. Громов

НА РК, ф. 67, оп. 1, д. 1/11, л. 8 об.–9. Подлинник.

№ 13

Из статьи в газете «Голос из Карелии»

12 января 1908 г.

Двадцать четыре с половиной года тому назад я приехал в Карелу²¹ учителем, чистокровный русский, не слыхавший даже одного слова по-карельски, я с ужасом думал, что и как я буду делать в Кареле. Оказалось, что я попал в такое место (Святозеро), где немногие хотя и понимали по-русски, но плохо. И все же, оглядываясь назад, могу сказать только одно, что было трудно, очень трудно, особенно не семейному. Разумеется, я искал, хватался за каждую книжку, листок на карельском языке но, к сожалению, таких книг не было, да и теперь нет. Нашел я старинное евангелие, но увы, даже наши карелы иных мест не понимали. Как же я мог изучать карельский язык? Со временем встретил я на карельском языке «Наказ десятским и сотским». Но и тут мало можно было заимствовать, так как перевод хотя и хорош, но свободный. Ни словарей, ничего! И пришлось записывать слова, вслушиваться в разговоры и скоро я, хотя и не научился говорить, но начал понимать, что уже приносило мне большую пользу. А затем дела мои поправились, когда я женился на природной карелке, состоящей ныне учительницей в Важинско-Пристанском земском училище. И пришлось мне на практике убедиться, как хорошо знать карельский язык. Привели 3–4 новых учеников. Когда, например, при уходе из

²⁰ Подпись неразборчива.

²¹ В Карелию.

школы нужно было втолковать детям, чтобы они помолились, учительница сказала несколько раз: помолись, перекрестись, – видит, что толку мало и сейчас же сказала те же слова по-карельски. И дело наладилось. А мне приходилось прибегать к помощи старшего ученика. Не говорю, что нельзя обойтись, например в данном случае, без карельского языка, без помощи знающего карельский и русский язык, но времени трата и трата малопроизводительная.

Не говорю, что обучение должно вестись по-карельски, избави Бог, но, впрочем, об учителях и карельском языке после. Речь веду я к тому, что все служащие в карельских местах должны, если уж не знать, то, по крайней мере, хорошо понимать карельский язык.

А вот чем привлечь и задержать в Кареле служащих знающих карельский язык? Это вопрос. Вероятно, увеличением содержания.

М.Д. Георгиевский

ОГВ. 1908. 12 января.

№ 14

Корреспонденция в газете о новогоднем празднике в Ялгубской школе Петрозаводского уезда

9 февраля 1908 г.

13 января в с. Ялгуба в земской женской школе была устроена елка на средства, пожертвованные попечителем училища Исаковым. Программа детского увеселения состояла из двух отделений: литературного и собственно самой елки. Праздник начался пением гимна «Боже, Царя храни» и затем перешли к чтению стихотворений в лицах, с исполнением требующихся ролей в соответствующих костюмах. По окончании чтения поставлена была в класс ярко пылающая свечами елка, украшенная хотя скромно, но довольно изящно. В конце были розданы подарки, гостинцы и елочные украшения. Исполненный репертуар увеселения на всех присутствующих произвел впечатление очень благоприятное, а особенно на крестьян, из уст которых тут же слышалась по адресу попечителя

Исакова и учительницы за устроенное для детей увеселение и вообще за полезную деятельность по школе благодарность.

Очевидец

ОГВ. 1908. 9 февраля

№ 15

Из рекомендательного письма учителя Лаговарацкого сельского общественного училища Кемского уезда инспектору народных училищ Архангельской губ. о направлении лучших учеников из бедных семей для дальнейшего обучения в духовно-учебных заведениях

29 июля 1908 г.

Вследствие предложения вашего высочородия от 2 апреля сего года за № 215 (полученного мною 27 июля) – доставить сведения о семейном положении, нравственных качествах и способностях одного мальчика и одной девочки на случай определения их в качестве стипендиатов Братства во имя св. Архангела Михаила в духовно-учебные заведения, имею честь сообщить Вашему Высочородию нижеследующее: как на весьма способного мальчика хорошей нравственности, из которого бы в будущем мог выйти хороший учитель для Карелии, я могу указать на ученика III отделения вверенного мне училища Ивана Осипова Карвариндина. Он полусирота (не имеет отца) и из бедной семьи, состоящей из матери, двух братьев и сестры. Старший брат занимается отхожим промыслом (сумочной торговлей), а остальные члены семьи живут дома – в д. Большеозере, Кестеньгской волости, в 10 верстах от с. Лаговарацки. К сожалению, названный ученик Иван Карвариндин проучился в училище только 3 года и экзамена выпускного не держал. На будущий год он учиться не будет, т. к. бедность матери и отдаленность училища от его деревни не позволяют ему остаться еще на год. Курс начальной школы Карвариндин знает хорошо и мог бы даже весной нынешнего года держать выпускной экзамен.

Из мальчиков, окончивших вверенное мне училище в 1905 и 1907 гг., более способные – дети зажиточных карелов, в настоящее время находятся в Финляндии, где вместе с отцами или братьями занимаются сумочной торговлей, поэтому и рекомендовать их я не могу.

Из способных и благонравных девушек, окончивших вверенное мне училище, я могу указать на Анисью Кондратову Матвееву, которая отлично училась и в 1907 г. блестяще выдержала выпускной экзамен. Она – дочь крестьянина с. Лаговаракки, родители у нее живы, живут бедно. Если бы родители ее дали согласие отдать ее в епархиальное женское училище, то из нее могла бы выйти хорошая и трудолюбивая местная учительница...

Учитель Лаговарацкого сельского общественного училища
Михаил Зарубин

НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 3/27, л. 17–17 об., 33. Подлинник рукописный.

№ 16

Из корреспонденции в журнале крестьянина В. Андреева о роли сельской школы в жизни карельских детей

Декабрь 1908 г.

В «Олонецких губернских ведомостях» сообщалось о возбуждении Петрозаводским уездным собранием ходатайства перед Министерством народного просвещения о преобразовании Вешкельского министерского училища одноклассного в двухклассное. Нельзя нам, карелякам, не приветствовать сего доброго и просветительного мероприятия земства. Теперь будет выход и нашим ребятишкам, и им дана будет возможность развивать свои способности далее, а то раньше, да и теперь, большинство детей по окончании начальной школы возвращалось в свое прежнее положение, за отсутствием же библиотек, откуда бы можно получать полезные книги, совершенно забывало писать и даже говорить по-русски, меньшинство же увозилось в Петербург «на выучку» в лавки и мастерские.

Увезенные в город и помещенные в мастерские – они, принужденные жить в помещениях хуже собачьих конур, питаемые отбросами и разной бурдой, постоянно избиваемые пьяными хозяевами и мастерами – большинство хиреют и гостей всех этих мастерских – скоротечной чахоткой – уносятся в могилу, меньшинство же, перенесшее каким-то чудом все эти мытарства, достигало звания мастера, но живя в пьяной и развратной компании несколько лет, само заражалось этими пороками и преждевременно сходило в могилу или пополняло ряды преступников. Дельных и работающих мастеров считалось и считается весьма мало.

...Двухклассная школа, особенно, если она будет с ремесленными классами, оставит многих детишек, предназначенных в мастерские г. Петербурга, в своих стенах и тем спасет от преждевременной смерти и преступления, матерям же утрет не одну слезу. По окончании курса более даровитые и способные могут хлопотать перед земским собранием о выдаче стипендии для поступления в учительскую семинарию, фельдшерскую школу и ремесленное училище. Будучи обязаны просвещением земству и тому народу, из среды коего они вышли, составляя «плоть и кровь его», по окончании курса они будут стремиться к себе на родину, где принесут, несомненно, большую пользу населению, чем теперешние служащие, кои живут в Карелии только до открытия лучшего места...

Андреев В.

ВОГЗ. 1908. № 24. С. 20.

№ 17

Перечень медикаментов в аптечке Костомукшского училища Министерства народного просвещения

11 августа 1909 г.

1. Гидроскопическая вата,
2. жидкость кровоостанавливающая,

3. капли Гофманские,
4. капли доктора Иноземцева,
5. очищающая карболовая кислота,
6. ксероформ,
7. марганцево-кислый калий,
8. настойка содовая,
9. аспирин,
10. липкий пластырь,
11. горчичники,
12. роговая ложечка (не было),
13. стаканчик,
14. разведенная соляная кислота.

НА РК, ф. 180, оп.1, д. 1 / 2, л. 24. Черновой экз.

№ 18

Из воспоминаний учителя А. Андропова о начале своей работы в сельской школе Олонецкого уезда

30 января 1910 г.

...Закинутый в глухой край, неопытный, со скудными знаниями деревенской жизни, не зная ни одного карельского слова, я положительно не знал, что делать. По-русски никто не говорил. У меня же ни словаря, ни руководства и пособий не было. Положение мое было из ряда вон выходящее. Для меня в то время Варлоев Лес являлся местом ссылки. Как бы там ни было, а учить надо, приступить же к делу не знал как. В школе [нас] учили разным мудростям, пичкали психологией, методикой, дидактикой и т. д. – а как карельских ребят учить – о том умолчали. Созвал детей. Явилось 8 человек мальчиков, девочек – ни одной (кстати, замечу, что население открытие школ встретило индифферентно). Показываю рукой сесть за парты. Сели. Показываю рукой на образ, давая понять, что надо встать на молитву. Ребятишки сидят. Опять показываю

рукой на образ и в то же время крещусь. Ребятишки удивленными глазами смотрят на меня и один из них перекрестился.

Начинаю спрашивать имя и фамилию каждого. Молчат. Называю себя по имени, а затем спрашиваю повторить или назвать себя. Молчат. Что делать? Чувствую, что положение мое глупое. В это время пришел сын хозяина, лет 25, и обращается на довольно плохом русском языке. Я обрадовался, и попросил его быть переводчиком. Тут только кое-как принялся я учить ребят и учиться сам...

Много пришлось перенести мне нравственных потрясений в долгую зиму в Варлоевом Лесу. Школа существовала первый год. К ней еще не привыкли и считали за нечто совершенно лишнее.²²

А. Андронов

ВОГЗ. 1910. № 2. С. 26–29.

№ 19

Из дневника учительницы А. Опокиной о путешествии из Архангельска в Вокнаволок

15 октября 1910 г.²³

В этом году я выехала из Архангельска 4 сентября на пароходе «Михаил Кази» мурманской компании... На пароходе оказались два учителя, ехавшие в Карелию почти до самого с. Вокнаволока, где наша школа, и мы уговорились ехать все вместе.

Выехали мы из Архангельска в 4 часа пополудни, в субботу. Перед отправкой парохода погода сменилась: пошел дождь и подул ветер. Пароход был перегружен так, что очень многим пассажирам не оказалось места. Ветер усилился. Лишь только пароход вышел в море, его стало качать. Качка была боковая, пароход кача-

²² А. Андронов в возрасте 19 лет приехал в д. Варлоев Лес, где открывалась школа, из г. Вытегры в 1899 г.

²³ Дата события.

ло с боку на бок и, казалось – его перевернет, и вся кладь скатится в море. Отошли верст 100, и пароход должен был вернуться обратно, потому что дальше было идти невозможно.

Только еще в понедельник мы попали в Соловецкий монастырь... Нам удалось сходить в монастырский собор и пекарню. В тот же день вечером пароход пришел в г. Кемь, к острову Попову, 8 верст от города, где он всегда останавливается. Подошла паровая шлюпка, и пока на нее грузили кладь и почту, совсем стемнело. Пассажирам пришлось ночевать под открытым небом, и только некоторые ушли к своим знакомым на завод. Мы сошли с парохода и пошли к заводской учительнице пить чай. Раньше на заводе была церковно-приходская школа, а потом, когда здешнее духовенство отказалось от заведования школой, ее перевели в Министерство народного просвещения.

Ночевали мы на шлюпках, в холодной каютке, – не спали, а сидя, дремали. В 4 часа утра капитан дал свисток и, собрав пассажиров, отправился в город. Приехали в Кемь в 6 часов утра. Я остановилась на знакомой квартире с учительницей А-ской²⁴, где нас по-прежнему приняли радушно и поспешили согреть чаем. После бессонной ночи мы легли отдохнуть. Я еще спала, как пришла та учительница, которая должна была ехать со мной. Мы уговорились с ней ехать на другой день. Наши спутники в Карелию – учителя – торопились и поехали раньше нас с почтой, но потом почему-то остались в с. Подужемье, ожидая нас. Из с. Подужемье мы хотели ехать по порогам, но карелы нас не повезли, так как пороги были очень мелки, и подниматься по ним было очень трудно. И мы решили идти пешком.

Нам дали 3 лошади: на двух кладь, третья верховая. Мы отправились пешком, а на лошади ехал один из учителей. Погода стояла хорошая, теплая. Идти было бы и хорошо, да у меня на ногах были «упаки»²⁵, а когда в них идешь, так каждый камень, всякую неровность чувствуешь под ногой. Дорога же гористая, каменистая, а через болота настланы поперечные мостки, по которым неудобно идти лошади и утомительно для пешехода. У меня устали ноги и, пройдя верст восемь, я села на лошадь верхом.

²⁴ Сокращение в документе.

²⁵ Упаки – широкие кожаные башмаки, сапоги без голенища с мягкой подошвой.

Шли мы порядочно времени и спросили проводников, сколько верст осталось до озера. Нам сказали: пять. Слава Богу, думаем, немного. Но уж сколько мы ни шли вперед, отдыхая несколько раз, а конца пути все нет. И вот мы идем, еле ноги передвигая, подошвы наши ноют от ходьбы по камням, пням и кореньям, ожидание конца дороги переходит в мучительное нетерпение и эти остальные 5 верст (в действительности, конечно, больше, так как карельские версты никто не измерял) показались нам за десять и, думалось, что им не будет конца. Наконец добрались до озера. От воды веяло холодом. Провхватывала ночная сырость. В темноте ночи чуть-чуть выступали на другом берегу очертания белевшей церкви с. Маслозера. Нужно было переехать до станции 2–3 версты. Когда мы приехали туда, было уже совсем темно. Мы очень устали и утомились. 40 верст, пройденных нами, долго чувствовались в нервах. Напились на станции чаю, побеседовали и улеглись спать. Утром чувствую, – подошвы у меня опухли и болят, а впереди еще переход в 25 верст.

От с. Маслозера сначала ехали в лодке 15 верст, потом шли пешком 13 верст. Дорога оказалась хорошей для ходьбы, с удобными мостками, но ноги болели и потому мы подвигались тихо. Вещи наши несли 9 человек–карел. Они идут, несут на себе тяжесть и об усталости не думают, шагают быстро, несмотря на первобытную дорогу, а мы чуть ноги передвигаем за ними. Кое-как доплелись до станции, поднялись на лестницу, да тут и сели... Вперед идти не могли, обессилели от усталости. В этот день мы успели пройти только 28 верст. До с. Панозера осталось еще 18 верст: 6 верст езды на лодке, остальное пешком. На другой день я шла уже в туфлях, а не в упках, так как ноги мои очень болели. Приехали мы в с. Панозеро в полдень.

Здесь мы согрелись, напились чаю, отдохнули и отправились дальше. Нужно было сделать до д. Сампосалмы 40 верст. Выехали мы в 2 часа, после полудня... К вечеру мы проехали 20 верст и остановились ночевать в лесной избушке. Последняя была небольшая, но, все-таки, поместила в себя 9 человек: пять гребцов-карелов и четверо нас. Кое-как мы разместились в тесноте, а утром, на рассвете, отправились в путь. В этот день мы проехали остальные 20 верст и еще сделали до с. Юшкозера 12 верст. Здесь мы остановились ночевать на станции, так как следующий «волок» 50 верст до д. Луосалмы. В с. Юшкозеро мы набрались сил для дальнейшего путешествия и пополнили запасы на-

ших подорожников. Между прочим, побывали в училище; здание его плохое, и нам не понравилось. Вечер мы провели в дружной товарищеской беседе с местным учителем, делились впечатлениями относительно школьного дела, потом ушли на станцию.

Утром нам не спалось. Встали мы ни свет, ни заря и торопили проводников скорее ехать, так как медлить в пути было нельзя: ночью был мороз и шел снег, и нас могла в дороге захватить распута. Нас повезли в карбасе с будкой, составлявшей над нами прикрытие, а кладь нашу – в другом. Был ветер, ехать было холодно. Будку закрыли парусиной. Смотреть нам было некуда. Мы прислушивались как шумел кругом ветер, вздувая на озере волны, и стучал над нами дождь. Нам пришлось утомительно долго лежать в карбасе... И только 17 сентября мы вступили на свою родную землю, добрались до с. Вокнаволока и пробыв в дороге 12 дней.

В нашем путешествии мало приятных сторон. Иногда не хочется ехать на летние каникулы.

Анна Опокина

ИАОИРС. 1911. № 14. С. 113–116.

№ 20

Программа литературно-вокального вечера в Погран-Кондушском земском училище Олонецкого уезда, посвященного 50-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости

18 февраля 1911 г.²⁶

«Гимн». Прочтено об освобождении крестьян от крепостной зависимости. «Ах, ты, воля» – пели. «Манифест», стих Майкова (живая картина). «Приглашения в школу» – пели. «У Трофима», стих Некрасова. «Птичка» – пели. «В темном лесе», «Школьник», стих. Некрасова.

²⁶ Дата события.

«Детские забавы» – пели. «Шаловливые ручонки», стих Плещеева. «Вдоль по улице молодчик идет» – пели. «Дети и дед», стих Плещеева (живая картинка). «Лягушка» – пели. «Коровушка». «В школу», стих, «Кукушка» – пели. «Первая борозда», стих Дрожжина. «Нива» – пели. «Во саду ли, в огороде» – пели. «Дети и птичка», стих Плещеева. «Уж я сеяла, сеяла ленок» – пели. «Зяблик». «Малютка-мужичок», стих Некрасова²⁷.

НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 6/90, л. 5–5 об. Подлинник рукописный.

№ 21

Из статьи в газете «Поездка воспитанников Петрозаводской учительской семинарии в школу с карельским населением 4–7 декабря 1911 г.»

24 декабря 1911 г.

Ежегодно, на ассигнуемые казной средства, воспитанники последнего класса семинарии совершают поездки в сельские школы с карельским населением. Практическое ознакомление с сельской школой – такова цель каждой поездки. В нынешнем году на долю нас вышла «замечательная», если так можно выразиться, поездка. Главным и вместе с тем конечным пунктом нашего путешествия явилось с. Спасская Губа, отстоящее на 63 версты от города. Редко в жизни приходится путешествовать в такой компании и при таких условиях, а потому неудивительно, что эта поездка произвела неотразимое впечатление и оставила, можно сказать, глубокий след на всю нашу жизнь...

Было ровно 6 часов вечера, когда «городские гости» уже сидели в чистой, просторной крестьянской избе этого села за большим самоваром и пили чай. Остаток дня прошел в неумолкаемых разговорах...²⁸ Чего, чего – и про кого только не говорили! В нашей ком-

²⁷ Подпись отсутствует.

²⁸ Отточие документа.

пании – все больше о театре шла речь. Наговорившись, что называется «досыта» – наши путешественники один за другими улеглись спать. В избе настала тишина, лишь по временам прерываемая храпением нашего хозяина.

Утренний рассвет еще не наступил, как мы, бодрые, свежие, сидели уже за дымящимся самоваром и пили чай. День был учебный, все собирались в школу...²⁹ Некоторые из нас, воспитанников, давали в школе практические уроки. С любопытством слушали и рассматривали школьники юных незнакомых учителей, но охотно и бойко отвечали на все вопросы. Уроки прошли благополучно. После занятий все экскурсанты пили в школе чай, любезно предложенный женою учителя. В тот же день мы все, подрядив на свой счет лошадей, отправились на водопад Кивач...

Недолго мы любовались прекрасной зимней картиной Кивача – торопились... нужно было поспевать ко всенощной. Довольно просторная, производящая хорошее впечатление церковь села, за всенощной накануне Николина дня³⁰, была полна молящихся. Хорошая служба отца Александра (в особенности его приятный, хороший голос) совместно с нашим пением оставили, несомненно, глубокий след в душах крестьян.

Вечером в школе было нами, экскурсантами, устроено чтение с туманными картинами. Небольшое помещение школы, что называется, было «битком набито народом». Пение русских народных песен, а также игра на струнных инструментах особенно, как было видно, понравилась крестьянам. Долго не расходились наши слушатели, ожидая еще «чего либо». Чтение затянулось и окончилось в 7 часов. В тот же день, пробыв ровно двое суток в Спасской Губе, мы отправились домой.

ОГВ. 1911. 24 декабря.

²⁹ Отточие документа.

³⁰ Николин день – праздник в честь одного из самых почитаемых святых на Руси – Николая Угодника. 19 декабря по новому стилю, 6 декабря – по старому.

№ 22

Из докладной записки инспектора народных училищ в Олонецкую уездную управу об обучении военному делу учащихся Алексеевского (Пидемского) земского училища

18 июня 1912 г.

...Из числа земских училищ Олонецкого уезда со второй половины 1911/12 учебного года велись занятия по преподаванию военного строя и гимнастики в Алексеевском двухклассном земском училище, на каковой предмет, согласно ходатайству Олонецкой уездной земской управы перед земским собранием сессии 1911 г. были отпущены средства.

Сначала эти занятия проводились под руководством местного крестьянина, запасного Санькова, а затем – под руководством заведывающего названным училищем Н.А. Мосаковского. Но так как занятия по преподаванию военного строя и гимнастики в Алексеевском двухклассном земском училище начались только со второй половины 1911/12 учебного года и учащимися не достаточно твердо были усвоены разные построения и гимнастические упражнения, то я, согласно распоряжению г-на начальника Олонецкой губ. об оказании содействия со стороны гг. исправников Олонецкой губ. путем командировки стражников для занятий с учениками по преподаванию строя и гимнастики, обратился к г-ну олонецкому уездному исправнику с просьбой командировать из числа стражников Олонецкого у. для занятий с учениками Алексеевского двухклассного земского училища военным строем и гимнастикой такого стражника, который бы своими познаниями и умением обращением с детьми мог принести пользу.

По моей просьбе г-н олонецкий уездный исправник командировал 9 мая в Алексеевское двухклассное земское училище старшего унтер-офицера Агапитова, который сразу же приступил к занятиям под наблюдением заведывающего училищем Н.А. Мосаковского. Занятия проводились и производятся ежедневно с 8–12 часов дня и с 5–7 часов вечера.

В настоящее время успехи учеников по усвоению разных военных построений на месте и на ходу, по усвоению ружейных приемов и гимнастических упражнений настолько подвинулись вперед,

что отряд «потешных» Алексеевского двухклассного земского училища вполне может быть представлен на высочайший смотр...

Инспектор народных училищ 5-го района
Л. Ольгский

НА РК, ф. 335, оп. 2, д. 5/79, л. 13–13 об. Подлинник.

№ 23

**Сообщение учителя Колатсельгского земского училища
инспектору народных училищ Олонецкой губ.
о начале преподавания военного дела в училище**

3 ноября 1912 г.

Честь имею довести до Вашего сведения, что ротмистр местной пограничной стражи предлагает заниматься с учениками Колатсельгского земского училища военным строем и гимнастикой. Дети изъявили желание и уже сделано несколько пробных уроков по ½ часа во время большой перемены, утомления на детях не заметно.

Сообщая об этом, покорнейше прошу вас разрешить и впредь заниматься³¹.

Учитель Колатсельгского земского училища
Александр Мудролюбов

НА РК, ф. 335, оп. 2, д. 5/79, л. 11. Подлинник рукописный.

³¹ На документе имеется резолюция: «С полной готовностью и удовольствием разрешаю вести занятия гимнастикой и военным строем. Прошу время от времени сообщать о ходе занятий. 16.11.1912.»

№ 24

Из отчета преподавателя воскресной школы Кавайнского образовательного общества Олонецкого уезда о работе школы в 1912/13 учебном году

Не ранее мая 1913 г.³²

Школа существует с 6 декабря 1910 г. Она находится в д. Кавайне, где по учету грамотности 1909 г. обнаружился весьма низкий процент грамотных – 12,87 %... В году было 25 учебных дней. Занятия происходили только в воскресные дни. В день обыкновенно занимались 3–4 часа. Всех посещений за год было 354... Причиной неаккуратного посещения школы были: домашний недосуг, болезнь, отъезд на праздники и ярмарки, свадьба в деревне, непогода. Преподаватели разъясняли вред неаккуратного посещения школы и увещевали учеников ходить исправно... Часто ученики выходят из школы, как оказывается потому, что по каким-либо причинам пропустят несколько учебных дней, тогда они уже не решаются идти, т. к. во-первых, трудно догонять товарищей и, во-вторых – совестно, что преподаватели должны нередко затрачивать много времени, объясняя им пройденное во время отсутствия. Выбывшие из школы ученики, как приходилось наблюдать, не оставляют книги, а продолжают учиться дома самостоятельно или с помощью своих братьев, сестер и других грамотных членов семейства и даже посторонних. Факты показывают, что ученик, оставивший школу, не оставил мысли об ученье, а собственными силами и умением хочет достигать дальнейших успехов в знаниях, основы которым заложены школою...

Есть между учениками очень серьезно относящиеся к делу; они вносят в занятия большую осмысленность своими ясно выраженными запросами и требованиями по отношению к школе. Приятно и работать с подобного рода учениками – их живая заинтересованность, какая-то особенная деловитость и осознанная цель посещения школы, аккуратность в приготовлении уроков и работе, облегчали труд преподавателей и тем способствовали продуктивности занятий. Система обучения в 1912/13 учебном году была групповая. Преподавателем первой группы состояла И.Е. Архипова, а остальных – С.И. Пантин...

³² Датировано по содержанию.

Оглядываясь вообще на всю деятельность воскресной школы можно признать несомненное просветительское влияние ее на окружающее население. Чаше и чаще приходится констатировать факты, где грамотные и неграмотные потянулись к школе, а не имеющие досуга посещать ее, нередко замечаются дома с книгою в руках. Таким образом, школа своей работой и самим фактом наличия в деревне показала важность образования и создала влечение к нему. Так, в настоящем отчетном году и окончившие курс начальной школы начинают стучаться в двери воскресной школы, вследствие чего возникает вопрос о расширении программы, довольствоваться рамками программы трехгодичной школы уже нельзя. Дополнение ее стоит в зависимости от наличного состава преподавателей, которых в 1912/13 учебном году было всего двое, групп же 4, а с подразделениями еще более. Нечего и говорить, что при таком малом количестве учащихся, ведущих занятия кроме того в ежедневной школе, каких-либо более серьезных результатов школа никогда не достигнет. Приняв еще во внимание медленность развития учеников, поступивших в школу непонимающими ни слова по-русски, предвидится перспектива длительного и упорного труда как со стороны преподавателей, так и самих учеников. Но у последних мало необходимой для успеха настойчивости, хотя есть готовность ходить в школу «пока будут учить» – буквальное выражение учеников. Опираясь на это заявление, учащие питают надежду при затрате значительной доли труда и времени достигнуть в конце концов желаемых результатов, проработав курс подробно и основательно, не спеша. Если присовокупить возможность при наличии музея обставлять уроки более полно наглядными пособиями, различными приборами для производства опытов и демонстрацией картин, то в дальнейшем вполне обеспечена рациональная постановка учебного дела в воскресной школе, лишь бы увеличился состав преподавателей, что и ожидается с будущего учебного года.

Преподаватель воскресной школы подписал С. Пантин

НА РК. Ф. 67, оп. 1. д. 1/11, л. 1, 2 об., 3 об.–4 об. Копия.

№ 25

Из корреспонденции в журнале о юбилее учителя Даниловского земского училища В.Д. Гробова

25 сентября 1913 г.³³

25 сентября т[екущего] г[ода], в с. Данилове Повенецкого у. состоялось скромное торжество – чествование учителя местного земского училища Василия Дмитриевича Гробова по случаю 25-летия его служения на ниве народного просвещения.

Зараз же по окончании учительской семинарии, В[асилий] Д[митриевич] поступает учителем в с. Данилово, где и учительствует непрерывно 25 лет. О продуктивности его педагогической деятельности лучше всего свидетельствуют его бывшие ученики, подвигающиеся на различных поприщах. Среди них есть и учителя, и фельдшер, и волостные писари, и приказчики, и представители других профессий. Помимо школы, деятельность его сказалась в открытии, благодаря его неустанной заботливости и непоколебимой настойчивости, сельскохозяйственного общества, потребительской лавки и в ожидающем своего утверждения учреждения кредитного товарищества. Не удивительно, что за такую продолжительную плодотворную работу В[асилий] Д[митриевич] пользуется всеобщим уважением как среди местного населения, так и всех знающих его...

После благодарственного молебна, к виновнику торжества обратились с приветствиями – местный священник, земский начальник, представитель от населения с. Данилова, учитель соседней школы и др. В своих речах они с достаточной яркостью и полнотой обрисовали его разностороннюю деятельность на благо окружающего населения.

Почитателями и местным населением подносится юбиляру икона, подписка на каковую в первые 2 дня дала около 25 руб. С особым удовольствием сообщаем, что и высшим начальством отмечены труды уважаемого юбиляра на поприще народного просвещения – на его имя препровожден талон на получение им из казначейства 100 руб. наградных...

«Ратай»

Вестник Олонецкого губернского земства. 1913. № 21. С. 14–15.

³³ Дата события.

№ 26

Описание состояния карельских школ инспектором народных училищ, посетившим учебные заведения в ноябре – декабре 1913 г.

19 ноября – 9 декабря 1913 г.³⁴

19 ноября. Раясельгское училище

Раясельгское земское училище находится на самой границе с Финляндией и помещается в наемном крестьянском доме. Благодаря стараниям и усердию учительницы этого училища А. Пантинной оно продолжает привлекать к себе симпатии местного населения и потому весьма удачно и успешно конкурирует с финской школой, которая находится рядом за границей в финской деревне Раясельга. Ощущавшийся недостаток в классной мебели устранен по моему предложению земской управой. Учительницей в этом училище с осени 1913/14 учебного года состоит А. Пантина, которая раньше была учительницей в многолюдном пограничном с Финляндией Погранично–Кондушском училище.

5 декабря. Колатсельгское училище

Колатсельгское училище находится в карельской местности, в 12 верстах от Финляндии и помещается в собственном доме. Закон Божий преподает известный священник отец В. Остроумов, а учителем 2-го и 4-го отделений окончивший 6 класс духовной семинарии А. Мудролюбов и учительницей 1-го и 2-го отделений – его жена Кл. Мудролюбова. Количество учащихся в этом училище все более и более увеличивается и на 1 января числится 85 учащихся, курс обучения в этом училище 4-х годичный. Учитель Ал. Мудролюбов прекрасно знает духовное и светское пение, а потому учащиеся под его управлением очень стройно и хорошо поют в местном храме. Кроме того, учащие прилагают много труда к устройству школьных праздников, чем очень привлекают население и учащихся к школе. Ощущавшийся, вследствие увеличившегося количества учащихся, недостаток классной мебели пополнен Олонецкой уездной земской управой. В виду совершенного отсутствия в этой

³⁴ Дата события.

местности крестьян, хорошо знающих столярное или слесарное ремесло, было бы очень полезно открыть при этом училище ремесленные отделения, тем более, что при училище имеется 3 десятины земли.

7 декабря. Нурмойльское училище

Вместо учителя этого училища Ал. Мудролюбова, переведенного в Кавайнское земское училище, в этом училище учительствует окончивший Петрозаводскую учительскую семинарию П. Лепехин. Так как это училище находится в карельской местности, а учитель Лепехин не знает карельского языка, то при занятиях с учениками младшего отделения рекомендовано учителю Лепехину руководствоваться русско-карельским словарем, составленным учителем Видлицкого министерского училища В. Королевым.

В виду того, что учителем Лепехиным было заявлено, что хозяин школьного помещения небрежно относится к своим обязанностям по школе, что было замечено мною лично при посещении школы, то мною сразу же был вызван хозяин школьного помещения, которому и были поставлены на вид все недочеты по исполнению принятых на себя обязанностей – мытье полов, аккуратная топка печей, чистка умывальника, снабжение школы чистыми полотенцами и др., причем было сделано предупреждение, что если подобное явление повторится еще раз, то он будет оштрафован за счет квартирной платы. Хозяин школьного помещения принес извинения с обязательством быть на будущее время аккуратным к исполнению своих обязанностей по школе.

9 декабря. Пульчейльское училище

Благодаря энергии и старанию учителю этого училища С. Филимонова училище поставлено образцово, при чем благотворное влияние школы и учителя сказывается и на местном населении. Как сказано в отчете о посещении училищ во второе полугодие 1912/13 учебного года, это училище находится в весьма глухой карельской местности и учителю Филимонову много пришлось бороться с невежеством и грубостью нравов местного населения, но 7-летнее пребывание в этой школе учителя Филимонова сломало это невежество. С осени 1914 г. это училище переходит в собственное школьное здание, выстроенное на совместные средства – пособие и ссуду от Министерства народного просвещения и пособие от Олонецкого губернского и уездного земств.

Очень и очень печально в жизни этого училища то обстоятельство, что учитель этого училища Ст. Филимонов слаб здоровьем и вызывает подозрение со стороны врачей в существовании туберкулеза, тем более, что в их семье 2 брата и сестра умерли от туберкулеза. В настоящее время учитель Филимонов просит дать ему 1,5 месяца на отпуск, так как он желает подлечиться впрыскиванием туберкулина. Без сомнения училищный совет уважит просьбу учителя Филимонова и из чувства человечности и во внимание к его 7-летней службе даст 1 ½ месячный отпуск, командировав вместо его запасного учителя...

Инспектор народных училищ 5-го района Л. Ольгский

НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 8/128, л. 7 об. – 9 об. Подлинник.

№ 27

Заявление учителя Совдозерского земского училища в Повенецкую уездную земскую управу о предоставлении квартиры семье в связи с уходом его на войну

29 сентября 1915 г.

С призыванием меня на действительную военную службу управа почему-то не предоставила квартиры для моей семьи, и я принужден был устроить семью в частной квартире, нанятой за свой счет. Наем квартиры за свой счет сильно урезывает и так невеликие средства для существования семьи, а потому имею честь покорнейше просить Повенецкую уездную земскую управу войти с ходатайством перед очередным Повенецким земским собранием о выдаче моей семье квартиры, как это полагается служащим земства, не получающим еще от земства квартир.

Учитель Совдозерского земского училища Михаил Скворцов

НА РК, ф. 305, оп. 1, д. 15/22, л. 514–514 об. Подлинник рукописный.

**Из очерка окружного инспектора в журнале
о проведении экзамена учащихся кондопожских
сельских училищ³⁵**

21 октября 1915 г.³⁶

...Дети в школу собирались охотно и, когда мы начали спрашивать их, то и дело отворялось дверь и, еле перелезая высокий порог школы (помещение наемное), с книгами в большой сумке за спиной, являлись новые ученики или ученицы, с громким, нараспев, приветствием: «Здравствуйте». Так как здесь были учащиеся и учительницы двух школ, то происходило до некоторой степени соревнование. Видно было, что учащими положено немало добросовестного труда, а учащиеся с интересом занимаются в школе и любят ее. Вопрос за вопросом предлагали учащимся то А.К.³⁷, то учительницы, то батюшка, то я, один сменяя другого. Все, по-видимому, увлеклись: и экзаменующие, и экзаменуемые. На улице давным-давно стало темно, по настоящему, осеннему. А в школе люди различных возрастов, от мала до велика, различных положений, интересов, настроений, вели, – учащиеся иногда перебивая друг друга, – оживленную беседу. Насколько тяжело было видеть батюшку в церкви, совершающим вечерню без пасомых³⁸, настолько было приятно видеть его увлекающегося и увлекающего детей в беседах по Закону Божию в школе. В школе канун «Казанской» был несравненно торжественнее, благолепнее, нежели во храме...

И беседа наша закончилась соответствующим заключительным аккордом. Когда я, взглянув на часы, должен был сказать, что необходимо отпустить детей, а нам с А.К. отправляться в Суну, одна из учительниц предложила пропеть молитву. Запели «Достойно». Пение было стройное и одушевленное.

Изложенные наблюдения в Кондопожской церкви и школе служат ясным доказательством важного значения школы

³⁵ Имеются ввиду женское и мужское земские училища с. Кондопога.

³⁶ Дата события.

³⁷ А.К. Гончаревский – директор народных училищ Олонецкой губернии.

³⁸ В соседней с училищем церкви на вечерне по случаю кануна праздника Казанской иконы Божьей матери инспектор увидел только одну прихожанку.

в жизни прихода: если иногда церковь пуста, то школа всегда является для священника местом воздействия на прихожан и воспитания их.

М. Успенский

Известия по народному образованию. Ч. LII. 1917. Февраль. С. 132–133.

№ 29

Из доклада Олонецкой уездной земской управы в очередное уездное собрание о помощи учителей и учащихся церковно-приходских школ семьям фронтовиков в годы первой мировой войны

Не ранее 17 апреля 1916 г.³⁹

Все церковно-приходские школы Олонецкого уезда так или иначе принимали участие своею деятельностью и пожертвованиями в пользу воинов, которые сражаются на поле брани. Как и минувшем году, дети, проникнутые чувствами переживаемого времени, ежедневно на утренних молитвах коленопреклоненно пели «Боже, Царя храни...⁴⁰, на страх врагам» и на молитвах пели «Спаси, Господи, люди твоя...⁴¹ победы даруя»; ежедневно молились о здравии и спасении сражающихся воинов и своего учащего, если он на войне, и за упокой погибших на поле брани. Сочувствие к жертвованиям на нужды войны как в учащихся, так и в учащих-ся проявлялось за отчетный год даже в большей мере, чем в минувший год:

1) По приглашению Олонецкого губернского комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий в октябре 1915 г. был произведен уполномоченными, – при содействии заведывающих и учащихся церковно-приходских школ,

³⁹ Датировано по содержанию.

⁴⁰ Пропуск в документе.

⁴¹ Пропуск в документе.

совместно с учащимися министерских и земских училищ, сбор под именем «Ковш зерна нового урожая», пожертвований поступило деньгами 3330 руб. и на 400 руб. вещами. Кроме того, на тот же предмет от Лоянского общества поступило 300 руб. из попенных денег.

2) С разрешения Святого Синода и по приглашению Романовского комитета, состоящего под высочайшим его покровительством, в марте и апреле сего 1916 г. был произведен в церковно-приходской школе сбор пожертвований по подписным листам на дело призрения крестьянских сирот и детей воинов, давший 41 руб. 10 коп. от 12 школ, от семи же школ сведений не получено.

3) Учащие школ добровольно жертвовали из своего жалования 1 и 2 % на нужды войны – всего за отчетный год 74 руб. 54 коп., из коих часть передана в местный Олонецкий комитет, а другая препровождена в Епархиальный училищный совет «на содержание кроватей для воинов церковно-школьного учительства Олонецкой епархии». Вместе с сим население призывалось на чтения помогать личным трудом солдаткам, благодаря чему, посев, молотьба хлеба, заготовка дров и другие мелкие хозяйственные работы произведены с помощью односельчан. Кроме того, учащиеся всех школ немало потрудились над шитьем вещей, предназначенных для воинов, из материала, приобретенного на деньги, отпущенные Олонецким уездным земским собранием (150 руб.). Всего наготовлен 301 предмет, по преимуществу теплые вещи: чулки, дельницы, белье и пр., каковые заведующими препровождены были уездному наблюдателю, а сим последним сданы г-ну члену Государственной Думы М.Г. Аристарову для представления в Комитет Государственной Думы.

4) 17 апреля 1916 г. советом Юргильской второклассной школы с разрешения подлежащего начальства, был устроен в г. Олонце платный вечер – концерт, давший 261 руб. 8 коп., из коих 40 руб. 30 коп. в пользу воинов (военный налог) переданы в Олонецкое казначейство, 60 руб. отосланы в Штаб Верховного главнокомандующего для раздачи воинам вместо красного ящика, 55 руб. 35 коп. поступили в пользу школьного попечительства – на одежду и обувь сиротам воинов и в пособие бедной сиротке на содержание в общежитии. Остальные 105 руб. 43 коп. советом школы израсходованы на детей воинов, обучавшихся во второклассной и образцовой школах, постановку концерта и путевые расходы. Из учи-

тельской среды церковно-приходских школ в настоящее время находятся на войне 4 учителя: Олонецкой – В.А. Проскуряков, Верховской – П.Г. Репников, Рыпушкальской – Л.И. Прозоров и Пидьмозерской – Я. А. Рябучев...

Председатель Н. Акимов⁴²

НА РК, ф. 67, оп. 1, д. 1/11, л. 22–23. Подлинник.

№ 30

Отчет заведующего Ильинским двухклассным министерским училищем Олонецкого уезда – об устройстве ученического огорода в 1915 г.

7 мая 1916 г.

Ученический огород при училище в отчетном году был устроен по предложению Олонецкой уездной земской управы (отношение уездной земской управы от 22 мая за № 2069). Условия, на которых должен быть устроен огород, предварительно были выработаны мною совместно с помощником уездного земского агронома г. Бабушкиным.

Условия следующие: 1) под огород должна быть отведена хорошо вспаханная и в достаточной мере удобренная земля на училищном участке, 2) семена всех огородных овощей в потребном количестве выдаются земством бесплатно, 3) ученики, работавшие на огороде, получают половину выращенных овощей, 4) на расходы по вспашке и удобрению земли для огорода и за труды по руководству делом учитель получает от земства вознаграждение в сумме 30 руб. и, кроме того, в его же пользу поступает вторая половина выращенных овощей.

К занятиям на огороде были приглашены 12 человек учащихся старших возрастов (от 10 до 14 лет), из коих 10 мальчиков и 2 девочки, причем для пользы дела предварительно совместно с родителями детей были выговорены следующие условия:

⁴² Далее следуют 3 подписи членов управы.

при работе на огороде в помощь детям могут принимать участие и их родные старшего возраста, как то мать, сестра, брат и б)более усердные и исправно выполнявшие работы по устройству грядок, посадке и уходу за все время выращивания овощей, получают в свою пользу все овощи.

Детей, желавших работать на огороде было значительно больше 12 человек, но для пользы дела прочим отказано в приеме. Земля под огород была отведена на училищном участке в двух местах, на одном из коих в предыдущем году выращивалась капуста, а на другом картофель. Каждому участнику отведено было по 2 грядки: одна длиною в 4,5 саж. – под капусту и брюкву, и другая, длиною в 3,5 саж. – под прочие овощи, как то: свеклу, морковь, редьку, лук и огурцы. Ширина грядок в окончательной отделке получилась в 1,5 аршина.

Семена огородных овощей выдавались из запасов моего личного хозяйства, так как земство семян совсем не присылало. Каждому участнику было выдано для посадки на своих огородах от 50 до 60 экз. капустной рассады, от 40 до 50 экз. брюквенной рассады, от 5 до 10 экз. огуречной рассады и кроме того по 1 лоту семян следующих овощей: свеклы, моркови, редьки и от 20 до 30 головок мелкого луку. Рассада капусты и брюквы выращивалась в моем собственном парнике. Всего израсходовано семян и рассады на посадку на сумму до 4 руб., каковой расход земством, вероятно, будет возмещен согласно условию.

Посадка семян и рассады производилась между 12 мая и 1 июня, без запоздания во времени для каждого овоща в отдельности, в зависимости от местных климатических условий и на основании многолетнего опыта. При устройстве грядок и дальнейшем уходе за время роста овощей, как то: поливке и очистке от сорных трав некоторым детям помогали их матери и старшие сестры, что много способствовало более правильному и успешному ведению дела.

Непосредственное участие в работе на огороде взрослых семейников учащих детей по моим наблюдениям было не бесполезно и лично для самих взрослых, т. к. многие из них наравне с детьми тут же учились и делать грядки, и садить овощи (рядовой посев), и ухаживать за время произрастания овощей (поливка, полотье, разреживание, окучивание).

Все работы на огороде исполнялись по моим личным указаниям и под непосредственным моим наблюдением. Могу засвидетельствовать, что выполнение работ всеми участниками производилась всегда охотно и весьма рачительно. Случаев несвоевременного исполнения работы было мало. Благодаря этому овощи на огороде произрастали довольно успешно и в общем дали обильный урожай. Так например, большинство кочанов капусты получилось от 5 до 10 фунтов, экземпляры брюквы от 3 до 5 фунтов, свеклы – от 0,5 до 1,5 фунтов. Морковь, редька и лук дали средний сбор. Много кочанов капусты уродилось выше означенного веса. Так, у ученика Данилова один кочан капусты получился весом в 30 фунтов. Только одни огурцы не удалось вырастить всем ученикам успешно...

В общем, все овощи получились высокого качества: и крупные, и сочные. Мелких овощей на всем огороде оказалось самое незначительное количество. Ликвидация всего урожая овощей производилась в следующем порядке: шестеро из участников, как более исправные и успешные труженики, получили в собственность все выращенные овощи полностью, а остальные – только по 2/3 урожая. В общем каждый из учеников получил довольно порядочное количество разных овощей...

Заведывающий училищем учитель М. Демидов

НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 9/145, л. 50–51 об. Подлинник.

№ 31

Из докладной записки инспектора народных училищ директору народных училищ Олонецкой губернии о деятельности трудовых дружин в годы Первой мировой войны

7 октября 1916 г.

...Организация трудовых дружин из учащихся начальных училищ вверенного мне района в широких размерах была весьма затруднительна по следующим причинам:

Затянувшаяся на неопределенное время беспримерная по кровопролитным боям отечественная война⁴³ требовала и требует для пополнения рядов нашей доблестной армии все новых и новых героев. За время с 20 июля 1914 г. и по настоящее время очень многие из крестьян Олонецкого у. призваны для защиты нашей дорогой Родины. В настоящее время не редкость встретить такие дома, из которых мобилизованы не только сыновья, но и отцы. Оставшиеся дома подростки и дети школьного возраста должны заменять на работах или своего кормильца-отца или братьев. Каждый такой подросток учитывается в семье как рабочая сила, нужная для своего хозяйства. Ввиду этого, как только окончились весной занятия, все учащиеся разошлись по полевым работам в своих хозяйствах.

Но все же возможное мною было сделано и была организована трудовая дружина в с. Ильинском Олонецкого у., где находится Ильинское двухклассное министерское училище. Руководителем и организатором этой дружины был заведывающий Ильинским двухклассным министерским училищем Михаил Григорьевич Демидов. Состав дружины был следующим: заведывающий Ильинским двухклассным министерским училищем М.Г. Демидов, учитель Тюэмбяжского двухклассного русского училища (в Финляндии) Л.М. Демидов, учительница Юксильского земского училища Олонецкого у. А.Н. Максимова, учительница Березовского земского училища З.М. Демидова, учительница Тулокского земского училища А.Ф. Годарева, учительница Пелдожского русского училища (в Финляндии) Е.А. Орлова, учительница Вехручейской церковно-приходской школы Петрозаводского у. Е.П. Орлова, воспитанник Олонецкой духовной семинарии А.И. Туманов, ученик Петрозаводского технического училища А. Демидов и 10 учеников из Ильинского двухклассного министерского училища. Перечисленные учащиеся проводили лето в с. Ильинском и приняли участие в трудовой дружине. Учащиеся, участвовавшие в трудовой дружине, были от 10–13 лет.

Работы на сенокосе дружиною были начаты с 1 июля и продолжались до 15 июля. За все это время была оказана помощь по уборке сена следующим семьям воинов:

⁴³ Имеется в виду первая мировая война.

1) крестьянину Николаю Хоренову, Ильинского прихода, д. Верхняя Седокса, у которого 3 сына на войне, а сам хозяин 17 лет страдает неизлечимой болезнью (парализован), 2) крестьянину Мих. Хоренову – сам хозяин на войне, а дома одна жена, 3) крестьянину Сергею и Степану Кошкиным (д. Герпялы) – оба на войне, а дома старуха мать и жена Сергея с малолетними детьми, 4) вдове Марии Годеревой (д. Алексалы) – единственный сын на войне, 5) крестьянину Маркову (д. Герпялы) – 2 сына на войне, 6) крестьянину Егору Куттуеву (д. Горки) – 2 сына на войне, сам стар, а жена страдает болезнью ног.

Все дружинники работали на полном своем содержании и только в некоторых случаях, когда нельзя было отказаться, после усиленных просьб хозяев, пользовались хозяйским молоком и пили чай у хозяев.

Помощь, оказанная дружиной, была весьма полезна для всех означенных семей воинов, а в некоторых случаях даже незаменима, так как в данной местности ощущается крайний недостаток рабочих рук и цены на рабочие руки все время стояли очень высокие. Село Ильинское с прилегающими к нему деревнями расположено по берегам р. Олонки, впадающей в Ладожское озеро. По этой реке сплавляется масса лесных материалов и работы здесь по подъему и нагрузке дров не прекращаются до самой глубокой осени.

Помощи дружины просили и многие другие семьи воинов, но, к сожалению, вследствие небольшого состава дружины, не представлялось возможности удовлетворить просьбу всех обращающихся за помощью. Чтобы оказать помощь одновременно возможно большому числу семей, дружинники часто делились на отдельные партии по 4–5 человек в каждой. Работы производились в с. Ильинском и ближайших деревнях и потому дружинники ежедневно возвращались с работ домой.

Что же касается вопроса о том, какое влияние оказала на дружинников природа и труд, каково было моральное состояние работников до и после работы, то на это следует сказать, что все участники дружины выросли в деревне и с ранних пор знакомы с тяжелым крестьянским трудом и с природой севера. Всем им знаком физический труд и потому работы на сенокосе не вызвали в дру-

жинниках утомления. Все они сознавали, что делают полезное и доброе дело и это сознание, возбуждало в них старание и энергию.

Инспектор народных училищ Олонецкого уезда Л. Ольгский
НА РК, ф. 17, оп. 1. д. 84/1320, л. 64–65. Подлинник.

№ 31
Программа литературно-вокального вечера
Колатсельгского земского
училища Олонецкого уезда

28 января 1917 г.⁴⁴

«Боже, Царя храни» – хор. Песенка о труде – ученица 2-го года Молтакова. Актовая песнь – хор. «Ленивый мужичок» – трио. «Дедушка» (живая картина). Стих прочитает ученица 2-го году Крякина. «Лягушка» – хор. Сценки «Глухая кума» – ученики 3-го года Келкоев и Ломоева. «Федул» – ученица 4-го года Федорова и ученик 2-го года Буккиев. «Рассеянный» – ученики 1-го года Сюккиев и Гаппоев. «Карельский гимн» – хор. «За сковородой» (сценка) – ученики 2-го года Молтакова и Крылова.

2-й отдел

«Бабушка Маланья» – хор. Живая картина «Вера, Надежда, Любовь». «Сумрак вечерний» – хор. Живая картина. Молитва и пение за сценой (дуэт). «Солдат и старушка» (сцена). «Кукушка» – хор. «Репка» (сценка). «Карлик». «Многие лета» – хор. «Китайские тени». «Боже, Царя храни» – хор.

Учительница С. Лебедева

НА РК, ф. 335, оп. 4, д. 1/1, л. 4–4 об. Подлинник рукописный.

⁴⁴ Датировано по препроводительной записке.

Сокращения:

ВОГЗ – Вестник Олонецкого губернского земства

ГААО – Государственный архив Архангельской области

ИАОИРС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера

МНП – Министерство народного просвещения

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра РАН

НА РК – Национальный архив Республики Карелия

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости

ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости

ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН – Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

ЦГИА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
«Учащие»: учитель и учительница в карельской деревне	7
Карельский Филипок: региональные особенности социокультурного облика сельского школьника	53
Материалы и документы	95
Сокращения	143

Научное издание

Илюха Ольга Павловна

**Повседневная жизнь сельских учителей
и школьников Карелии
в конце XIX – начале XX века**

Очерки. Документы. Материалы

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Компьютерный набор – Н.С. Авдышева
Издание опубликовано в авторской редакции

Подписано в печать 15.12.2010. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л. 6,5. Усл. печ. л. 8,4.

Тираж 500 экз. Изд. № 167. Заказ № 926

Карельский научный центр РАН,
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50